

Чертоги Амасанги

Андрей Шляхтинский

Андрей Шляхтинский

Чертоги
Амасанги

Путешествие
по лесам Северо-Западной Амазонии

МОСКВА
·ЛАБИРИНТ ПРЕСС·
2006

Людская жизнь — в тех различных формах, какие мы находим теперь на земле, — вот предмет географии, конечно, сложный и трудный в высокой степени. Хорошее понимание его доступно только людям вполне развитым, жившим и размышлявшим о жизни. Но здесь еще более сторон, допускающих популярное изложение, чем в науках о природе. Человеческая жизнь несравненно многообразнее, чем односторонняя жизнь природы, и различные формы ее гораздо яснее говорят нам, хотя бы часто загадками, вопросами и намеками, а не прямыми откровениями. Вот отчего так любопытны для каждого рассказы о дальних и близких странах, описания путешествий и т. д. Здесь наиболее у места эстетическое отношение к предмету, понимание его чувством, а не положительным названием, потому что внутренний смысл чуждой нам жизни иначе и не может быть вполне понят.

Журнал «Вокруг света», 1866 год.

Глава первая

Руку Сача

— Люди много говорят о лесных чертях. А сам-то ты что думаешь?

— Не знаю. Иногда они есть, а иногда — нет.

Свеча оплывает парафином на темные, засаленные до блеска доски стола, под пальмовой крышей шуршат сухими листьями маленькие летучие мыши, и плененный тукуйо призрачным, холодным светом чуть озаряет мрак там, куда не в силах дотянуться пляшущий язычок горячего пламени. Сейчас, когда я пишу эти строки в доме приютившего меня старика знахаря, я снова вспоминаю реку, что осталась за много дней отсюда. Реку, которая доставила немало переживаний тем, кто не в силах равнодушно слышать зовущий перезвон цикад в ветвях атун ютсу, подернутых дурманящим розовым пушком, и не замирать в охотничьем азарте при виде горящих костром глаз каймана, вылезшего на мелководье в ожидании случайной добычи. Мне есть что вспомнить.

Новая река — всегда загадка. Загадка, которая вопреки ожиданиям с каждой излучиной, с каждым пройденным порогом запутывается все больше и больше. И с каждой заводью. А своенравная река предгорий, несущая свои непостоянные воды далеко на юго-восток? Еще не видя, лишь едва заслышав ее, ты попадаешь в волшебный мир, путешествие в который начиналось у затертого и исчерканного донельзя прямоугольника карты.

...Перед глазами едва приметный, сочащийся меж скал ручеек, рождающийся где-то на отрогах захватывающих дух вершин Восточной Кордильеры. Набирая силы, он спешит все ниже и ниже, рассекая купающуюся во влажном тепле монте. Все ниже и

ниже, туда, где, успокоившись в томной испарине равнин задыхающегося великого леса, он сливается с мутными водами старшей сестры. Поднимая рябь и закручиваясь в водовороты, они текут далеко-далеко, чтобы в конце долгого пути напоить живительной влагой великие Мараньон и Амазонку...

Волшебная сказка обернулась былью. Стоя по грудь в теплой и мутной, глинистого цвета воде, мы отчаянно пытались подтащить долбленое каноэ, полузатопленное и грозившее в любое мгновение уйти на дно, к галечному пляжу. Забыты длинные упругие шесты, и, борясь с разадоренной двухдневным ливнем рекой, мы — двое проводников и я — изо всех сил тянули, толкали едва видневшийся над рябью волн кусок дерева со всеми нашими пожитками и запасом чичи на полмесяца.

Слава Богу, на сей раз все обошлось, за что надо благодарить моих спутников индейцев кичуа, старший из которых — Флавио — то и дело бросает на меня укоризненный, недоверчивый взгляд и молча покачивает головой. Только сейчас приходит понимание того, насколько глупо и самонадеянно с моей стороны было настаивать именно сегодня на выступлении нашего маленького отряда вниз по реке, вглубь Старого Леса. «Лиха беда — начало» — гласит половица. Поджав хвосты, словно тощие вечно голодные деревенские псы, мы вынуждены возвращаться назад в селение ждать милости у погоды.

Минули один день и одна ночь, прежде чем проводники, посоветовавшись с рукус — стариками, сошлись во мнении, что река хоть и полноводна, но позволит идти на шестах вниз, на юго-восток.

Промозглый рассвет, скрывающий под белесой ватой туч утесы и вершины поросших буйной зеленью предгорий, недолгий переход до оставленного каноэ. Вот и оно, но намного выше по берегу от уреза воды, где его привязали накануне к крепкому стволу дерева. Да, река отступила, оставив намытые косы и отмели из ила, песка, гальки и валунов. Кролик-кунью уже наследил своими маленькими лапками на влажной гладкой земле, обронил пару темно-коричневых «орешков» помета на краю зарослей изумрудно-зеленой остролистой осоки.

Легкой пильчи — выскобленной и вываренной половинкой

круглого одноименного плода — отчерпываем со дна каноэ воду. Из расщепленного бамбука делаем стлани; укладываем в середину рюкзаки, темнеющие окислившимся металлом мачете, старое ружье, маленькое легкое однолопастное весло. Укрываем все сверху целлофаном. Флавио и Блас, мой второй спутник, с четырехметровыми шестами в руках, широко расставив ноги и удерживая равновесие, встали на корме и носу нашей тяжелой, с бортами, побитыми временем и камнями, посудыны. Мускулы напрягаются, светлые заточенные шесты из дерева ликуачи — лучшего из всех для изготовления шестов — с характерным сухим скрежежом бьют о борта, и остроносое каноэ, скользя, осторожно покачиваясь на волнах, направляется прочь от обрывистого, запутавшегося во вьюнке-кумаянгу и лианах берега.

Изгиб русла и первая шивера. Река несет, шумит, разметая клочья пены на черных валунах, шипит, закручивается смерчами водоворотов. Каноэ, скребя залатанным днищем по камням, черпает бортами воду, несется вниз по сливу. Блас, в резиновых сапогах и перевязью под правой коленкой, едва успевает работать шестом на носу и в последний миг отталкивает нас от розовато-серой стены глинистых сланцев и черных базальтов, которыми выложены берега.

Первая проба сил... Зеркальный плес. Причаливаем к пляжу, осматриваем вещи. Что ж, великий дух вод — Яку Супаи Руна — благоволит нам. А может, его прекрасная, но коварная жена Яку Супаи Уарми не хочет причинить вреда трем охотникам? Все на месте, но вода предательски сочится из трещины в дне, протянувшейся от носа до самой середины. Это поправимо. И без того на ладан дышащие, светящиеся на просвет футболки проводников лишаются рукавов. Работая мачете, ребята быстро конопатят прореху, загоняя в нее лоскутки ткани.

— Индьюми...¹

Разгуливается, и облака, словно утренние туманы с восходом солнца, тают на глазах, открывая ломаные горизонты. Начинает прилекать, и лес по высоким, сочащимся слезами ручьев берегам оживает свистом, щебетом, верещанием и хриплыми, захлебывающимися своей глубиной воплями птиц. Откуда-то издаека, со скал, доносится «уик-уик-уик» — грустный манящий зов большо-

го тукана-сикунга. Заросли гигантских, изогнувшихся дугой бамбуков уама скрывают пернатых обитателей прибрежного леса. Но мы-то знаем, что они здесь и, так же как и мы, радуются долгожданному лучам пока еще ласкового солнца. Маленькие черные белопопсовые ласточки с белым пятном на грудке низко стелятся над самой водой. А по красно-рыжим земляным осыпям подмытых откосов среди коряг шмыгают крошечные, свинцово-серые уиши-ли, мелькая белесой бровью над глазом.

Река спит, блестит, словно зеркало, и все петляет, изгибается и вьется, оставив за кормой уже не один шумящий пережат, в чьем рокоте, плеске и шипенье мерещатся голоса духов, ждущих нас, тихо нашептывающих голосами сельвы сны бесконечности. Сначала часто, а потом все реже и реже, то тут то там выглядывают соломенного цвета двускатные пальмовые крыши домов, притаившихся за потрепанными ветрами, развесистыми веерами банановых листьев; темные фигурки женщин и голых детей среди деревьев, провожающие нас взглядом угольно-черных глаз; привязанные по берегам почерневшие от обжига маленькие каноэ. А мы, разморенные тяжелым полуденным зноем, плывем и плывем на Восток. Туда, где встретить человека — все еще редкость. Туда, где смоляно-черная яна пума поджидает пугливую гуанту с влажными глазами, где в сонных лагунах дремлют пятиметровые кайманы, а в зарослях тростника по берегам скрываются кофейного цвета длинноногие курочки-питыору. Туда, что испокон веков канело-кичуа называют Руку Сача и где Старый Лес хранит свои тайны.

***

Деревья гигантской стеной тянулись к небу в полусотне метров от крутого, захламленного наносным топляком берега неширокой, но бурной речки, с предостерегающим шумом несшей мутную, бурого цвета воду через бесчисленные пережаты. Вытянутый приземистый силуэт серой дзуру пумы промелькнул и скрылся под густыми свисающими ветвями. Почти на самом краю — там, где завалившийся ствол, оплетенный еще живыми нитями лиан, упирался изломанными сучьями в каменистое дно, — притаилась малень-

кая, крытая выгоревшими до грязно-желтого цвета пальмовыми листьями хижина. Кару тамбу, как называют лесные убежища местные индейцы. Несколько врытых в землю столбов, изъеденных сыростью и муравьями, да скат на обе стороны, обтрепанной бахромой свисающий чуть ли не до самого низа. Охалка влажных дров рядом с черным пятном отсыревшего кострища, пузатый, угольного цвета закопченный и кособокий кувшин учу манга, испещренный продольными черточками незамысловатого орнамента, пара замызганных тарелок да обмылок за стропилом. Похоже, что хорь указал нам ночлег.

Боже, как же ничтожно мало надо утомленному человеку для тихого, абсолютного счастья после тяжелого дневного перехода вверх по взбухшему от ночного дождя потоку, когда ноги подворачиваются на скользких валунах, а вода, временами доходящая до пояса, во что бы то ни стало вознамерилась сбить тебя с очередного буруна и утащить за подмытый выворотень. Совсем немного: лишь маленькое ранчо на крохотной расчистке, где недавно поваленные деревья еще не сбросили листву. Ранчито на оголившейся проплешине посреди вечнозеленого влажного экваториального леса, расплзшегося на тысячи квадратных километров вокруг.

Пусто, хозяев нет. Недолгие хлопоты по возрождению огня. Разбираем рюкзаки, переодеваемся, развешиваем сушиться мокрое до последней нитки белье. И вот уже сладкий запах расплзается из развернутого, чуть подгоревшего кулька банановых листьев, где в собственном соку запеклась юту, а на тонких прутиках, нанизанные словно шашлык, доходят нежнейшие длинноусые сомики, наловленные тут же, неподалеку, импровизированной удочкой из остова пальмового веера. И не беда, что еще накануне закончилась соль, а платано, как всегда, мучнисты и суховаты. Хороший ужин да крыша над головой, — о чем еще мечтать человеку в лесу.

Темнеет рано, и ночь наваливается в считанные минуты, выползая из-под полога звенящего цикадами и квакшами леса. По реке бьют куа, словно кто-то тяжелой дубиной ритмично ударяет по бочке, доверху наполненной водой: «конг-конг-конг». Откуда-то издалека маленькая ушастая совка-бульюкуку взывает к миру

сельвы, что ночь вступила в свои права, и ее грудной вибрирующий голос: «хю-хю-хю-хю-хю — хуу» незримым фантомом плывет над кронами гигантских деревьев, путается в ветвях необъятных сейб-путу.

«Хю-хю-хю-хю-хю — хуу», и, подчиняясь крику ночного охотника, то тут, то там зажигаются и гаснут салатовые огоньки светлячков-мисапу.

Гамак раскачивается из стороны в сторону, навевает сон. Прогоревший костер неровным, призрачным светом озаряет ящерку под коньком крыши, и летучие мыши с резким писком и шелестом трепещущих крыльев теньями проносятся сквозь хижину, чуть не задевая лиц. А раскаленные докрасна угольки-тьянгуи словно гонцы преисподней кружат вокруг едва теплящегося жизнью кострища.

«Хю-хю-хю-хю-хю — хуу... Хю-хю-хю...»

...Да, земля вечного сумрака и вечных туманов. Земля черных скал, дождей и безумного буйства растительной жизни. Мир, где деревья превращаются в причудливые скелеты, в чьей-то злой волеи скрученные стволы, дающие жизнь пышным гнездам бромелий. Здесь время остановилось тысячи лет назад и превратилось в фантом человеческих иллюзий. Бездонные обрывы и каньоны скрывает влага. Безобидные, мельчайшие капельки воды, дарующие жизнь и убивающие. Мир неподвижности, мир снов наяву и мир грез. Здесь правят влага, камень и листья. Повсюду, куда ни обрати взор. Вьюнки ползут по гладким утесам, рождая трещинки на блестящей поверхности скал. Деревья скрываются от посторонних глаз под покрывалом косматых лишайников и мхов, медленно убивающих своих хозяев. Скромные орхидеи, бабочками зависшие среди переплетения высоких трав, горят каплями краски, случайно брызнувшими на древнюю черно-белую гравюру.

Здесь, высоко над морем, небо спускается на землю и рождает стройные пальмы, растущие из клубящихся палево-серых, сиреневых, золотисто-желтых или кроваво-красных облаков. Земля тепла и сырости. Вода и воздух... Воздух — это и есть вода, которой дышит все живое. Вода, белыми струями водопадов летящая вниз из ниоткуда, шумящая галькой на пологих склонах и с шумом исчезающая в нигде.

Ручейки сочатся из камня. Ручейки — кристальная кровь камня. Скалы, кровоточащие скалы, и зеленый ковер, словно плесень, пьющий соки земли.

Мир необъятен... Но где, где этот мир, и был ли он? Туман, туман, туман... Кожа, кожа превращается в воду, текущую среди воды. Воздух, разьедающий тело и соединяющий душу со скалами. Воздух, возрождающий отчаяние, древние страхи и чувства не свершившегося.

Чувства, а были ли они? Или Сача Супаи Руна, великий дух сельвы, навел сон, великое множество снов. И сон стал жизнью, а жизнь обернулась едва уловимым, чутким движением небытия... «Хю-хю-хю-хю-хю — хуу-хуу...»

Воспоминания... Октябрь Средиземноморья, тишина еще не родившегося дня. Прозрачность далей, где пробуждающееся от ночного сна солнце выплеснуло красное сардинийское вино на полотно небес. Немая неподвижность. Неподвижность хрустальных вод бухты, где каждый камешек омыт кровью высоких облаков, пушистой гривой скакуна разметавшихся по небосклону. Старый черный пирс, дугой изгибающийся туда, откуда приходят белоснежные паруса надежды и фесты. Паруса, словно рыбацкие сети, ловящие соленый ветер Тирренского моря. Паруса, в которых сливаются воедино напевы Неаполя и каталонская тарантелла.

Пирс, старый пирс. Его скрипучие доски помнят тепло босых ног, запах сардин и прель водорослей, выброшенных морем умирать на сушу. Они помнят и соленые капли слез радости, и разьедающую горечь утрат. Они старше всех нас, ныне живущих. Старше и тех, кто еще не родился.

Солнце встало. Легкий бриз рябит морскую гладь и шепотом осени отзывается в ветвях оливковых рош.

...Прозрачность хрусталя изящного бокала. Кровь вина.

...Скажи, Сача Супаи Уарми — Лесная Женщина, было ли это?..

Заблудившийся кусочек лунного света, скитающийся под звездами. Бледно-салатовый, беззвучно плывущий среди скал в аромате зимы на склоне известняка моготе. Звуки уснули в ночи, унеся прочь скрипы цикад в голых ветвях сейб. Звуки уснули в ночи, убавоканные ласковым ветром. Призраки пальм, под звездным хоро-

водом, таятся в темноте, безмолвствуя. Им нечего сказать. Им не о чем говорить со скалами, нависшими с неба, изрезанными дождями и временем. Им не о чем говорить с камнями, на сотни лет уснувшими внизу, у подножья. Они неприступны и вечны, как небо в мириадах солнц над их мохнатыми кронами. Холодные, застывшие в мире ночи, безмолвно глядящие вниз, на мгlistую долину, где тепло хранит дневную жизнь. Но пальмам дела нет до спящих внизу, у подножья вечных моготе. Ни капли влаги здесь, в лесах на склоне. Сухие русла оживут нескоро, неся потоки жизни вниз, где туман висит палевой луной над тростником озер. А здесь, а здесь лишь заблудившийся кусочек лунного света, скитающийся под звездами. Бледно-салатовый, беззвучно плывущий среди древних скал...

...Ответь, не приснилось ли это?..

...и пряный, усыпляющий запах тмина накатывает ароматным бризом под тяжелым, прижимающим к шершавому известняку прибрежных скал солнцем. Шум лазурных, искрящихся разбитым в пыль зеркалом волн. Почти ощутимый вкус горькой соли на запекшихся губах и струйки пота, сбегаящие по обожженной коже лица. Уступы и обрывы с редкими, оцетинившимися и, кажется, до корней высохшими кустиками неприхотливой средиземноморской растительности. Не трава, а одна большая колючка, обдирающая колени. Тишина моря. Ни истеричных вскриков и клетота чаек, ни треска вездесущих кузнечиков. Взгляд бежит вверх и упирается в песочно-серую сторожевую башню. Круглая пирамида с отсеченной вершиной, чернота квадратов оконных провалов..

Был день, и была ночь, одарившая благословенной прохладой клочок суши посреди южного моря. И жар факела, и пустота безбрежности черного неба, усыпанного мерцающими сапфирами далеких светил. И море у подножия уснувших скал тоже было. Живое море пенящихся волн прибоя в тусклых электрических всполохах. И терпкий аромат тмина над остывающим камнем. Камнем, рожденным из смерти миллиардов.

...Скажи, я умер? Или я еще не рождался?..

...Смеркается. Туман все гуще. Сжатые поля и перелески. Опущка леса и река. Река там, где в низине висит мгла последнего ноябрьского тумана, тумана осени и тумана зимы. Безмолвие шоро-

ха ветра в ветвях, забытый лист осины шепчет о ночи. Небо серое, небо низкое, небо белое. Небо, и пустота без движения под ним. Паутина ветвей, опутывающих небо, несущее снег зимы.

Движение, движение в мире неподвижности под грифельной палитрой туч, стремящихся туда, где умирает солнце. Солнце умершее, не родившись в этот день.

Опять. Белый, ослепительно белый зайчик, спующий, порхающий над мхом жухлой осоки, меж кочек и кустов, похожих на кочки. Нет, не зайчик света. Рыжий мех, пушистый, теплый на рыжеватом ковре. Он бесплотен и незрим для тех, что рождают шорохи и пiski на грани слуха. Его нет, и он рядом, в одном мгновении прыжка. Рыжая, нет, уже приглашенная свеча. Вверх и вперед. Белый зайчик.

Короткий плеск воды во мраке ольшака под легкой лапой. Изящный силуэт, светящийся и озаряющий вокруг себя то, что мгновение назад тонуло в дымке сна.

...Капли холода на голой коже ладоней. Капли, словно пухлые, согревшиеся снежинки. Капли, рожденные уходящими на запад. Капли, принесшие жизнь под свод последней ночи осени.

...Я слышу, лесные черти смеются надо мной огоньками хрупких мисапу из кроны коварной сейбы... Сача Уарми, твой взгляд мне не забыть. Тебя еще никто не сумел забыть.

Хю-хю-хю-хю-хю — хуу...

***

...Один в ночи. А вокруг — сельва. Одиночество. Чувство, манящее и пугающее одновременно, ласкающее и отталкивающее. Земля, окутанная мягкой тьмой в тени леса и прохладой туманной лунной ночи, уснула после зноя дня. Лишь разноголосый хор цикад да древесных лягушек, каждые из которых стараются перекричать друг друга, незримой кисеей звука висит, запутавшись в черных ветвях. Обмелевшая река серебрится и тускло сверкает на шумных перекатах под ровным призрачно-белым сиянием полной луны, чей круглый лик стыдливо прикрывается неподвижной пеленой высоких облаков.

Ночь. Ночь властвует над миром. Миром очерченных теней и

миром лесных духов, что скрываются днем в старых деревьях, прячутся в норах и таятся в холодном лабиринте пещер. День-ночь, день-ночь, день-ночь... День — время человека, ночь — стихия злых и коварных супаи. Не будет добра тому, кто, посмеявшись над ними, вступит в мир небытия вслед за последним золотым лучом солнца; но горе и тем, кто потеряет бдительность днем. Черти не прощают без позволения вторгшихся в мир фантомов, мир древних страхов и мир предков. Хозяева монте, они жестоко наказывают человека, преступившего запреты.

...Има пуньоичу — не спи. Послушай, как жуток смех Ингару Супаи, несущийся в полночь над Старым Лесом. Услышь и запомни этот голос. Голос демона с рогами и хвостом, прячущегося за страхом твоего страха. Запомни сейчас и будь начеку. Лишь осторожность спасет от Ингару, вышедшего на охоту за человеком. Редко-редко Ингару поет, и тогда сам воздух невыносимо стонет тысячами цикад, а потом земля начинает дрожать и может дрожать целый месяц. Все знахари собираются тогда вместе, чтобы не позволить демону выйти на поверхность.

Не сможешь справиться и с бородатым стариком в черной сутане — Тунчи, что громко свистит по ночам: «фью-фью-фьюю-фьюю-фьююю». Его ступни обращены назад, но даже и не думай убежать от него. Забудь обо всем, о чем мечтал и на что надеялся, ибо у тебя больше нет времени...

Молись, дабы судьба не свела тебя с тем, чье имя Малагре Супаи. Бродя по монте, ты можешь и не заметить его. Но знай: повстречавшись с ним, ты скоро, очень скоро умрешь. Силы оставляют тело, ты будешь слабеть, и проглоченная еда не задержится в тебе. Что хуже: один супаи убьет тебя сразу, а второй будет мучить несколько дней. Можешь не отвечать, выбор все равно не за тобой...

Будь начеку, когда среди прекрасного дня солнце варут поглотят черные тучи, принесшие раскаты грома и всполохи молний. Знай, это супаи вышли убивать людей. Берегись и не искушай судьбу.

Не искушай судьбу, оставляя дома маленького сына или дочь в одиночестве, когда уходишь охотиться в дальнее монте. Злобный Учучулина Супаи, в облике ребенка с огромными когтями на руках, может забрести к тебе в дом, и тогда — даже не сомневайся — украдет и съест твоих маленьких детей.

Скажи девушкам и женщинам, чтобы побереглись в лесу и на реке, где они так любят купаться. Злой супаи — Яку Супаи Руна встретит их. Человек, на голове которого вместо шляпы скат-райя, амарун или пресноводный дельфин-бугью, — он овладеет ими в дни, когда те могут зачать ребенка.

Он может однажды прийти прямо в селение, и все примут его за очень красивого молодого охотника. Он задержится здесь на несколько дней, а потом уведет с собой девушку, которая согласится остаться с ним навсегда.

Сам ты остерегайся хури-хури — ночных обезьян, что днем прячутся в пустых стволах большущих деревьев. Если зазеваешься, если растеряешься, они набросятся, пока ты спишь, и сначала сожрут твой мозг, а потом не оставят даже костей.

Галюн Супаи выследит тебя в монте и выпьет твою кровь. Говорят, он выглядит как черная собака с длинным хвостом.

Уайра Супаи — «Демон Ветра», похожий на обезьяну и умеющий летать по воздуху. Он насылает болезни, так что опасайся и этого супаи. Его трудно увидеть, но о том, что он рядом, ты узнаешь по шумящим деревьям.

Охотясь или рыбака рядом с водопадами-пакча, внимательно следи за шили-шили — маленькими черными стрижами. Может статься, что злой супаи скрывается за обликом этих птиц. Он только того и ждет, чтобы наслать на тебя болезнь.

О, черти коварны. Спроси охотников, и они расскажут тебе много историй. Да, у каждого зверя, что живет стаей, есть свой супаи. Он всегда следует за животным, куда бы оно ни пошло, и охраняет его. Знай, особенно коварен Уангана Супаи — хозяин над большими белогубыми пекари-уангана. Когда ты близок к цели и уже думаешь, что вернешься к семье с хорошим мясом, он вдруг появится из ниоткуда и предстанет перед тобой. Иногда мужчина с бледной кожей, одетый в черное, иногда женщина — он напустит на тебя чары, опьянит, и ты забудешь дорогу домой. Будешь кружить по лесу несколько дней, прежде чем отыщешь верный путь. Этот супаи носит с собой рог из обожженной глины, и когда трубит в него, сидя на колоде, огромные стада уагра уангана переходят на новые места.

Берегись и Сача Супаи Уарми — Лесную Женщину. Она кра-

сива и всегда готова помочь охотнику. Она наводит на него чары, рассказывая о лесе и его жителях. Раз полюбив человека, этот супаи никогда уже не отпустит его. Впрочем, кто знает правду. Рассказывают о том, как однажды Сача Уарми полмесяца водила двух рунас по лесу, путая дорогу. Когда они наконец сумели вернуться, то старший скоро умер, а молодой больше не ходил один в лес. А ведь раньше он был храбрым охотником, и его ничего не пугало. Однако Сача Уарми полюбила его, и когда он с другими мужчинами отправлялся в монте, то всегда приносил больше всех рыбы и мяса. Это Лесная Женщина помогала своему мужчине.

Говорят еще, что Сача Уарми ревнива. Мужчина, который знаком с ней, не должен брать в жены обычную женщину. Это очень опасно. Не пройдет и месяца после свадьбы, как с его женой случится несчастье. Она утонет, или ее укусит змея, или она заболит и умрет. Это Лесная Женщина отомстит сопернице.

Знай, не только животные обладают духами-хранителями. Есть деревья и птицы, супаи которых особенно сильны. Говорят, будто у дерева учу путу руйя есть злой дух, который если поселится в человека — тот заболит маляйре. Этот черт выглядит как мужчина или женщина, но его темные и длинные волосы спутаны и не расчесаны.

В сейбе-самуна тоже живет плохой супаи, которого не увидишь, не услышишь, но который приходит во сне и насылает кошмары.

Есть и особые места, с духами которых ты можешь однажды встретиться. Лесные озера-кочас, кебрады, риачуэлос² — во всех них живут черти. Хозяин земли Альпа Супаи — ему принадлежит вся земля, что под ногами. Не забывай и о духах горных вершин на западе, имя которым Урку Супаи, и о самых могущественных из них, живущих во льдах далеких белых невадас, — Расу Урку Супаи.

Знай, однако, что не все жители леса враждуют с людьми. Есть такие, кто помогает им и хранит. Амасанга — могучий дух леса, одинокий охотник, сильный и смелый, никогда не расстающийся с духовой трубкой-бодокерой и дротиками-вирути. Свое имя он получил за то, что легкие его необыкновенно сильны, и он всегда стреляет без промаха даже на большое расстояние.

Ауа Уарми — хозяйка чакры и глины. Манга Альпа Мама, Чакра Мама, Нунгуи — у нее много имен. Она научила женщин мира людей лепить, обрабатывать чакры и ухаживать за детьми. Но женщины обидели ее, и она ушла.

Не только великие духи могут быть благосклонными к людям. Есть старое сказание, бытующее близ Тены. Это случилось давным-давно, еще до того, как родились руку йяйя — деды. Рассказывают, что один большой орел-анга сильно досаждал людям, воровал у них животных и птиц. Никто не мог его поймать. Тогда люди обратились к черту, которого называют Чульячаки — Одноногий. Он подкараулил и убил орла, расплющив о плоскую скалу. Чульячаки ударил так сильно, что и по сей день на гладком камне виден след от тела орла, будто вмурованного в каменную глыбу.

Но и с ним будь осторожен. Другие говорят, будто это злобный супаи, у которого ноги только до колен и который может убить человека. Впрочем, кто знает наверняка. Говорят, что дух этот скрывается в дереве — кабалью каспи, называемом еще чульячаки каспи. Если приготовить отвар из листьев этого дерева, то получишь силу, станешь выносливым.

Уважай всех супаи. Не смейся над ними, и тогда беда обойдет тебя стороной. Тогда женщинам и детям не придется плакать, когда ты не вернешься из леса...

Има укайчу... Не плачь. Не надо. Слезы холодны, а жар сжигает сердце. Звезды вдали, но это не значит, что ты их никогда больше не увидишь. Это всего лишь сон, мгновение в вечности. А может, вечность в мгновении? Туман в лесу. Черные-черные стволы, лохматые, опуганные рваным, упругим мхом и лианами. Ветви, хлестко бьющие по рукам и лицу. Прелый лист.

Не плачь. Здесь очень сыро. Не заставляй эту ночь ночей утопить твою душу. Она сильна, эта ночь. Она не зла, но и добра в ней нет. Она вне времени, и она все время мира. Эта тьма прячется внутри тебя, а сейчас она вышла наружу. Ты во тьме этой ночи жизни и смерти. Так полюби ее, пойми ее и выслушай то, что она скажет тебе в мечущихся капельках, что убегают прочь. Услышь слова, которые боятся немощного бледного пятнышка, что освещает тебе путь.

Не надо. Оставь его. Оно обманывает, накидывает шоры. Тебе

не надо света. Окунись во тьму, ту первозданную тьму, что накачивается волнами древнего ужаса и заставляет прибавить шаг.

Не плачь. Не надо. Бледные призраки Айя проходят мимо. Там. Посмотри, почувствуй. Захоти увидеть. Позови, и они откроются тебе. Они придут и будут грустно петь старую песню. Эта песня была стара уже тогда, когда еще не родились живущие ныне. Она стара и молода. Ведь это песня вечности. Вечности, что разверзлась в ночи тумана, отражаясь в сырости болота и в высоте цепких лап деревьев-чуку.

Не плачь, не надо. Звук. Ты слышишь? Птица принесла этот крик. Хрип, что сливается с шепотом ветра и шорохом капель. Ты думаешь, птица радуется? Нет, она скорбит. Ты думаешь, птица принесла крик? Нет, то крик принес птицу. Но все прошло. И только густая тишина вокруг. Земля, разбухшая дождем, хлюпает там, где тропа ведет тебя.

Не плачь и не грусти. Все пустота. И безымянные духи теперь безмолвствуют. Они грустят, им горько. Их слезы это капли, их грусть — туман. А ночь — их отчаяние. Так не суди их за эту слабость. Ведь ты не дух. Так что не надо плакать. Не плачь, не надо.

...Земля, окутанная тьмой и прохладой туманной ночи. Лишь разноголосый хор цикад да древесных лягушек, старающихся перекричать друг друга, незримой кисеей висит, запутавшись в черной стене леса. Обмелевшая река серебрится и тускло сверкает на шумных перекатах под ровным призрачным сиянием полной луны, чей круглый лик чуть стыдливо прикрывается белой неподвижной пеленой высоких облаков. Ночь, ночь властвует над миром. Миром неподвижных теней и миром лесных духов, что скрываются днем в старых деревьях, прячутся в норах и таятся в холодном лабиринте пещер...

---

¹ Солнце проглядывает (*кичуа Бобонаса*).

² Так по-испански называют небольшие ручьи. На кичуа их зовут яку уауа — «маленькая речка». Часто то же самое, что и кебрады.

Глава вторая

Дорога на Восток

*Я люблю маленькие автобусные станции.
Охотники и рыбаки, лесорубы и старатели
мелкого пошиба, что моют золото
на быстрых речушках, держатели лавок
в пограничных селениях — все они
собираются здесь перед тем, как надолго
исчезнуть в монте.*

— Бамос а карга' ла малета а'ентро!¹

Пожалуй, с этой фразы, произнесенной мною на шумном, дышавшем горечью автомобильных выхлопов автобусном вокзале в Риобамбе несколько лет тому назад, и началась по-настоящему история, продлившаяся много дольше, чем можно было бы предположить, и участником которой я оказался. По собственной же, впрочем, воле.

До отправления автобуса на Восток оставалось минут десять. Последние тюки с баулами спешно крепились веревками на крыше и прикрывались старым клеенчатым полотнищем. Помнится, мне совсем не хотелось, чтобы мой единственный рюкзак провел ближайšie четыре часа вместе с остальным багажом наверху, рискуя быть потерянным на горном серпантине в абсолютной темноте. А потому я и произнес роковые слова, попросив засунуть все пожитки в грузовое отделение автобуса. И когда дверь захлопнулась с протяжным стоном прихваченных ржавчиной петель, а водитель повернул ключ в замочной скважине, я как-то вдруг осознал, что вот они, Анды.

Вот оно, поднебесье, бугристой, словно хребет каймана, полодой протянувшееся по карте с севера на юг, отрезая жаркие освоенные приморские низменности Косты от пока еще сохраняющих дикость лесов Востока — Орьенте. Сьерра, устремленная ввысь молодыми, по геологическим меркам, конусами вулканов.

Частью живых, частью уже уснувших. И самый большой из них, Чимборасо, белеющей вершиной вздымается на шесть с лишним тысяч метров над уровнем моря. Другой — Котопакси, высочайший из всех действующих на сегодняшний день вулканов планеты. От эфемерной линии, что расчертила Землю на Северное и Южное полушария, его отделяют лишь четыре географические минуты, но массивный ледник сковывает склоны горы уже с высоты четырех тысяч семисот метров. Спящие Каямбе и Альтар, не дремлющие Антисана и Сангай, как и еще несколько десятков других вулканов, венчают Эквадорские, или Экваториальные, Анды, сгрудившись на относительно небольшом пятачке между нулевым и вторым градусами южной широты.

Говоря о Сьерре, сложно подобрать общие слова. Она очень разная. На севере — одна, ближе к югу — совершенно иная, с иными рельефами, животными, растениями. Людьми, наконец. Сьерра — это особая страна, особый мир, чуждый жарким низинам, о которых горцы имеют самое смутное и часто искаженное представление.

Но при поверхностном взгляде с воздуха все же можно заметить, что, вознесенная пиками к такому близкому здесь небу, Сьерра образована двумя горными цепями высотой свыше трех километров, называемыми, соответственно, Западной и Восточной Кордильерами. Иначе — Кордильера Оксиденталь и Кордильера Ориенталь. Пики, давшие прибежище андскому кондору-уитре. Они будто гигантские барьеры окаймляют неширокое плоскогорье высотой две-три тысячи метров, а поперечные хребты делят его на замкнутые межгорные бассейны. Еще до появления европейцев в этих землях — и даже до того, как радужные уипала² взметнулись над долинами, — межгорные бассейны с плодородными вулканическими почвами освоили местные земледельческие народы. За столетия, минувшие с тех пор, многое изменилось. Но и по сей день большинство крестьян — саласака и отавало, чибулео и каямби, сарагуро и пуруа, каньяри и пансалео, а также китукара, натабуэла, каранги, кисапинча и уаранга — рождаются, живут и умирают здесь, в поднебесье.

Иногда в Сьерре выделяют так называемую Кордильеру Терсера, то есть «третью», лежащую восточнее Кордильеры Ориен-

таль. Она не столь высока — в среднем, две тысячи метров — и в Эквадоре образована преимущественно пологими хребтами Кордильеры-де-Кутуку, отделенными от основного горного массива Анд долиной реки Упано и южнее, за рекой Сантьяго, по границе с Перу плавно переходящими в отроги Кордильеры-дель-Кондор; последние местами поднимаются до четырех тысяч метров. Севернее Кутуку простирается «страна фальшивых обещаний и разбитых надежд», туманная монтанья Аьянганати, названная в свое время Рольфом Бломбергом «тьерра энкантада» — заколдованная земля; и Напо-Галерас.

Климат средней части третьей Кордильеры — Кутуку существенно мягче, нежели в горах на западе: это высокая монтанья на последних подступах к сельве. Ее западные склоны, обращенные к долине реки Упано, более засушливы, тогда как, пересекая невысокий перевал в восточном направлении, вдруг замечаешь, что растительность стала гуще, ручьи с кристальной водой и каменистым дном, до сих пор таящие золото, попадают все чаще, а верховая тропа, годная скорее для мула, нежели для пешего человека, постепенно превращается в грязное месиво, хлюпающее под ногами. Где-то здесь в густых горных лесах скрывается загадочная тсунгутсук яуа — большая кошка, словно обезьяна живущая на деревьях и редко спускающаяся на землю.

Сьерра — она же и величайший водораздел рек, катящих свои воды на запад и восток, к Тихому и Атлантическому океанам. И те, и другие таятся в глубоких долинах, открывая взору потрясающее, бердящее душу зрелище: бурный порожистый поток неистовствует далеко внизу среди зелени покрытых влажным лесом склонов, то тут, то там рассекаемых тонкими, ослепительно белыми каскадами водопадов среди загадочного сумрака клубящихся облаков. И нельзя не согласиться с Гумбольдтом, два века назад восхищенно писавшим: «Когда я вспоминаю наиболее величественные картины природы, которые мне приходилось видеть, в моем воображении возникают лесистые долины Кордильер, где высокие стволы пальм, в мощном, устремленном вверх порыве пробивая темную крышу листвы, образуют колоннаду своеобразного леса над лесом».

В Эквадорских Андах — начиная приблизительно с двух ки-

лометров — из-за высоты нет и следа того, что обыкновенно принято называть влажным жаром тропиков. Ночами, когда отраженный от лесистых склонов кебрад дрожит гулким эхом жуткий хохот кускунгу, когда злой проказливый карлик Чусалюнгу в разноцветном полосатом пончо до пят выбирается из своего убежища пролить кровь припозднившегося и подвыпившего пеона, когда гато-де-монте крадучись пробирается в курятник, — вот когда становится невыносимо холодно: «Ачичай!» — и теплая одежда уже не кажется лишней в этих промозглых высокогорных долинах.

Днем же, напротив, жесткое солнце обжигает ультрафиолетом кожу и иссушает ее, рано или поздно покрывая мелкой сеточкой морщин и трещин. На высоких перевалах непривычному к высоте телу недостает кислорода. Сердце колотится, глотаешь ртом воздух, словно искрящаяся форель-труча, выброшенная ручьем умирать на галечный пляж; знобит и клонит в сон. И невольно позавидуешь маленькому острокрылому соколу-килико, что мечется над горными лугами парамо, продуваемыми злыми шквалами ветров. Маленькой птице, что падает с высоты в глубокие ущелья, скользит в потоках воздуха вдоль колышущихся травой соломенных гребней.

Осадков горы получают значительно меньше, нежели восточные и западные равнины и предгорья. Всего от четырехсот до тысячи миллиметров в год. При этом трудно с уверенностью ответить, когда же здесь влажный, а когда сухой сезон. На протяжении всех двенадцати месяцев есть верный шанс попасть под холодную морось там, где пониже, или же под папкара³ на берегу ледяного высокогорного озера, где столбик термометра уверенно держится у отметки в ноль градусов по Цельсию. Здесь, на самом экваторе, в трех тысячах с небольшим метрах над морем, растут привычные клевер, тимофеевка и ольха. А картофель — основная культура горцев, сидит в земле пять месяцев. На почти четырех тысячах от посадки до уборки проходит целых восемь...

Я же ехал на Восток. Впервые, в сопровождении скудного багажа знаний, но с желанием их преумножить. Зачем? Я хотел приключений, так и не отрешившись от детских и юношеских мечтаний о ярком солнце, заволаживающих тропических лесах и ин-

дейцах, словно сошедших со страниц книг Бейтса, Даля и Биокка. Я хотел увидеть все собственными глазами, пережить на собственном опыте, а не узнать с чьих-то слов. Хотел быть одним из «многих немногих», наконец. Представлениями о лесах и жителях Амазонии на тот момент я был обязан в основном книгам да кинофильмам. Теперь, по прошествии лет оглядываясь назад, с чистым сердцем могу признаться: я не знал ничего.

Конус вулкана Тунгурауа, исторгавший фантастической длины шлейф черного дыма, подсвеченного последними лучами солнца, долгая дорога через перевал и затем — вниз по узкой извилистой долине реки Пастаса. Смуглая молодая — лет двадцати — индейка-кичуа, кормившая набухшей грудью своего полусонного малыша, завернутого в апарину⁴, обрывы, выскакивавшие то там, то здесь в тусклом желтовато-белом свете фар, натужное рычание и сопение старенького мотора. Мрак скрывал пейзаж, открывая простор воображению, а горный ночной озноб медленно отступал перед теплым обволакивавшим воздухом ночной монтаньи. Помнится, еще были пятидолларовый отель с фанерными стенами и дурно пахнувшей уборной и раскаты зажигательной музыки под окном до самого утра по случаю фиесты. А когда наконец наступила благословенная тишина, уснувшая городская окраина огласилась фальшивыми петушиными криками.

Серое, пропитанное теплой сыростью утро и открывавшийся из окна второго этажа вид на улочку навевали самые мрачные мысли после недолгой и весьма музыкальной ночи. В воздухе неподвижно витал тот едва ощутимый, непередаваемый словами аромат тропической влажности, столь хорошо знакомый жителям полуночных стран по зимним садам. И даже взъерошенные, со слипшимися перьями желтогрудые бентевео не могли развеять утреннюю хандру. Пара этих птиц, так же как и я, время от времени негромко, спросонья бормоча что-то, удрученно сидела на нитках телеграфных проводов, пересекавших проулок. Иногда одна из них внезапно плавно снималась с места и на лету выхватывала из густого, осязаемого воздуха большого комара или бабочку, прятавшихся от всепроникающих капель под свесом крыши среди пауков и прочей мелкой живности. Зажав в массивном черном клюве насекомое, бентевео описывал полукруг и возвра-

щался на прежнее место. Это единственное, на что у него хватало энтузиазма в такое утро.

В Эквадоре у этой небольшой, размером со среднего дрозда птицы есть еще одно имя — торреадор. Так ее окрестили колонисты, памятуя о скверном характере и дурной манере бросаться на каждую пролетающую мимо пичугу, которую бентевево обязательно норовит клюнуть или ущипнуть. Особую же нетерпимость он испытывает к ястребам, канюкам, миниатюрным соколам и, как ни странно, к крошечным колибри. Кичуа называют эту птичку по-своему — пакари китупи. В других местах Южной Америки, а вездесущего крикуна не редкость встретить от Аргентины до Северной Мексики и от тихоокеанского побережья до атлантического, люди зовут его то питагуа, то бичофео, то бем-тиви, как в Бразилии.

Я между тем глядел из распахнутого окна на фигурки промокших людей, слонявшиеся под дождем среди домов с облупленными стенами, с обрывками листовок с извечными призывами бороться против извечной коррупции чиновников. И представлял себе, каково здесь жить. Здесь, в небольшом, полусонном, провинциальном городке с населением в тринадцать тысяч человек — Пуйо, волею providения ставшим центром одной из самых малоосвоенных, а оттого все еще прекрасной провинции Пастаса. Какое счастье, что надолго мне в нем задерживаться ни к чему.

Завтрак, встретивший меня на первом этаже, как и следовало того ожидать, оказался весьма плотным — в лучших традициях эквадорской глубинки. Пока отварной рис, половинка зеленого авокадо и куски жареной рыбы исчезали с тарелки, ночной дождь прекратился, но ближние склоны гор по-прежнему терялись в плотном тумане испарений, всецело оправдывая имя «облачный, туманный», данное городу на языке кичуа. Еще раньше, до появления в этих краях испанцев в первой половине шестнадцатого века, здесь, в девятистах восьмидесяти метрах над уровнем моря, располагалось большое поселение индейцев пинду — предположительно одного из племен хибаро, часть которых известны сегодня как шуар. Оно так и называлось — Пиндук, или Пиндо, и лишь много позже, с появлением миссионеров-доминиканцев и кичуа с гор, было переименовано в Пуйюх, или Пуйо.

Покончив с едой и выведав у хозяйки гостиницы расположение второго автобусного вокзала, я взвалил на плечи рюкзак и отправился в направлении оногo. В некоторых провинциальных городках, из тех, что разбросаны по всему Эквадору, есть два вокзала, расположенных, как правило, на противоположных окраинах. На один приходят и уходят автобусы, курсирующие по основным маршрутам. Второй же отправляет и принимает исключительно местные рейсы. Бывает, что не сразу разберешься, какой именно тебе нужен.

Маленький автовокзал, несмотря на довольно ранний час, приветствовал подтягивавшихся сюда людей приятным оживлением. Небольшая оштукатуренная каморка в одной из ниш торговых рядов с парой скамеек вдоль стен и столиком девушки-билетера в глубине. На стене висел листок с написанным от руки расписанием, из которого следовало, что автобуса мне придется ждать до полудня. Напротив, через мостовую, кипел жизнью вещево́й рынок, а чуть поодаль продавали то, что вырастили на чакрах, привезли с гор и что сумели добыть в лесу: юку, большие гроздья зеленых платано, картофель-папа, опаленных и выпотрошенных броненосцев в побелевших панцирях, гуант, говядину, кур и рыбу. Люди приходили и уходили. Толстая босоногая пожилая индианка вперевалку бродила вдоль по улице, предлагая отъезжающим разноразмерные, отполированные до блеска металлические котелки. На выщербленном бордюре тротуара, поджав единственную ногу, сидел, выпрашивая милостыню, юродивый. А люди все тащили и катили к автобусной станции канистры и бочки с бензином, мешки с мукой, рисом и сахаром, мотки веревок, новые махаче и резиновые сапоги. Иными словами, все то, что нужно человеку в лесу и чего там, за несколько дней, а то и недель, ходу до ближайшего жилья, купить можно только по баснословно завышенным ценам. А чаще не достать ни за какие деньги.

Я люблю маленькие автобусные станции, где всегда можно встретить весьма колоритные типажи и личности. Охотники и рыбаки, лесорубы и старатели мелкого пошиба, что моют золото на быстрых речушках, держатели лавок в пограничных селениях — все они собираются здесь перед тем, как надолго исчезнуть в монте. Если удача улыбнется, то, соблюдая разумную осторожность, здесь не-

трудно завести полезные знакомства или просто поговорить, коротая время.

Вот старик кичуа, не торопясь, идет куда-то. Идет так, как ходят индейцы-охотники, и эту походку трудно не узнать. Едва взглянув, мгновенно понимаешь — человек из леса. Нет, лучше сказать иначе. Человек леса, сача руна. Это всегда видишь, всегда чувствуешь. Не умом, — чем-то, что скрыто от разума. Лес в самих его глазах, черных и спокойных. Этими глазами сельва смотрит на чуждый мир города и не понимает его суеты, его шума и напористости. Босые, загрубевшие плоские ступни с растопыренными кривыми пальцами, короткие штопаные-перештопаные штаны свободного кроя, застиранная до дыр футболка. Когда-то белая. Как обычно — на выпуск. На плече, стволом назад, старинное пистонное длинноствольное дробовое ружье с огромным курком, заряжающееся с дула, — такие до сих пор делают в горах, в Куэнке, и продают индейцам по двадцать пять долларов за штуку. Он бредет, и не до чего ему нет дела. Приехал в город купить пороха да дрови и теперь ходит вдоль торговых рядов, ждет автобус. На нем он доедет туда, где дорога сползает с берега в воду, а дальше... Дальше на каноэ по реке, ведь иного пути нет.

А вот и колонист, но не совсем обычный. Замечательный тип в своем роде. Высокий метис, с почти европейскими чертами лица и заметно более светлой кожей, чем у всех присутствующих, не считая меня. Судя по широкополой шляпе и кожаным, цвета обжаренных кофейных зерен ножнам мачете, отороченным бахромой, — изрядный пижон. Такие и вправду красивые ножны — прищеголье. Их привозят из Южной Колумбии, но в Эквадоре, кроме северного пограничья, они не особо популярны. Во-первых, дороги. А во-вторых, из-за тщательного ухода, которого требуют. Забыл просушить на солнце, — и вот прекрасная кожа уже покрылась белесыми, словно мука, крапинками живучей плесени. А может, он и сам колумбиец? Прислушиваюсь. Нет, по выговору выходит, что местный. Речь не такая певучая, мягкая, как у северян, да и интонации с режущим ухо картавым акцентом выдают эквадорца с гор. Сарамашка⁵, как последних шутовливо называют охотники из лесов, — ни рыба, ни мясо.

Стрелки часов, отягощенные временем, медленно ползли по

кругу. Я сидел и в который уже раз рассматривал карту, прикидывая в уме, что буду делать, когда доберусь до конца проходимой для машин дороги. По всем признакам, заканчивалась она в маленькой parroquia Канелос, хотя карта настаивала на ее продолжении чуть ли не на восемьдесят километров далее на юго-восток. Солнце наконец прожгло золотисто-белым сиянием низкую свинцовую облачность и быстро согнало влагу с посеревшего камня мощеной площади.

Радовало отсутствие назойливых чистильщиков обуви — неотъемлемой части почти любого сборищного места. То, что их не было видно здесь, я мог объяснить себе лишь тем, что резиновые сапоги чистить нет надобности, не говоря уже о то и дело мелькавших босых ногах.

Чистильщики обуви заслуживают отдельного рассказа. Их место работы — в основном автобусные вокзалы и площади. Мальчишки, а иногда и девчонки лет десяти с деревянными ящичками на плече или в руках, вымазанные гутаином, со скорбным видом обходят сидящих на лавках или толпящихся в ожидании автобуса пассажиров и предлагают почистить обувь. «Лимпио, лимпио... алюстро»⁶, — бормочут они себе под нос и нехотя указывают рукой на ботинок. Со стороны процесс чистки выглядит увлекательно и всякий раз повторяется по одному и тому же четко отработанному сценарию.

Страдающий неровной отдышкой и избытком веса, обильно потеющий сеньор в замятых брюках и несвежей рубашке, с выражением благодетеля на лице испанского гранда эпохи вице-королевства, милостиво соглашается надраить свои черные, некогда лакированные туфли. Ботинки пора бы выбросить, но сеньор решает их почистить. Он тяжело усаживается на лавку и ставит одну ногу на ящичек, где чистильщик хранит свой скарб. Мальчишка, облаченный в замызганную майку и штаны неопределяемого оттенка, падает на колени, открывает боковую крышку и извлекает наружу целый арсенал склянок, многочисленные коробочки, какие-то лоскутки и щетки. Из узкой полудитровой бутылки из-под колы он аккуратно выливает на ботинок очень жидкий, текучий крем и усердно начинает втирать его. Затем в ход по очереди идут тряпки, воска для блеска, наконец, щетки.

Так повторяется два раза с каждой ногой. После того как ботинок надраен и сверкает, мальчишка кончиком указательного пальца постукивает снизу по подошве — все, сеньор, ставьте следующий. Во время процедуры главное не зевать и не забывать приподнимать брюки, в противном случае они неизбежно пострадают от гуталина. Как, впрочем, и носки. В общей сложности чистка отнимает не более десяти минут. В конце концов, мальчишка получает звенящую россыпь мелких сентавос и отправляется на поиски нового сеньора...

Чуть правее, в стороне от вокзала и рыночной площади, за изумрудным пятном болотинки на раскидистом дереве восседали с десяток темно-бурых, почти черных грифов-урубубу. Ульяуанга, или гальинасо, как здесь повсеместно их называют, замерев под тяжелыми и жаркими лучами солнца, вытянули вверх морщинистые индюшачьи шеи и, расправив широкие длинные крылья, сушили их на легком ветерке. Вдалеке на фоне серых туч медленно кружили черные точки — один, два, три десятка. Это грифы, почувствовав окончание ненастья, взмывали вверх на восходящих воздушных потоках, не делая ни единого взмаха крыльями.

Несмотря на вороватый нрав грифов, ни горожане, ни жители поселков не трогают гальинасо: они едва ли не единственные, кто подбирает объедки у их домов. Хотя неуклюжие черные птицы не прочь стащить что-нибудь у зазевавшейся хозяйки, неосмотрительно оставившей съестное без присмотра, эквадорцы в целом относятся к гальинасо доброжелательно и даже с некоторой иронией. Местами на Востоке рассказывают такую сказку.

Однажды жили Гальинасо и Осел. Осел был ленивый, нерасторопный. Он мало двигался, а все больше спал. Гальинасо же в те времена, так же как и сегодня, ел падаль.

И вот видит как-то Гальинасо, что лежит Осел. Весь раздулся, то и дело пускает газы через задницу. Подумал-подумал и решил, что тот издох. Спустился на землю, подошел посмотреть. А Осел все не двигается, только пукает. Ну, точно сдох, решил Гальинасо. Зашел сзади и засунул клюв в задницу Ослу. Гальинасо всегда начинает клевать падаль сзади, чтобы сначала добраться до кишок и вытащить их.

Итак, засунул Гальинасо клюв в задницу Ослу, стал головой даль-

ше пролезать. Вот уже и шея скрылась. И тут — раз! — задница сжалась и защемила шею Гальинасо. Он и так, и сяк — никак голову вытащить не может. Осел-то живой оказался! А в заднице у него горячо. Долго так просидел Гальинасо. И все перья на голове и шее у него от жару вылезли. Вот почему он сегодня лысый...

---

¹ Давайте погрузим рюкзак внутрь! (*исп., прост.*)

² Флаги (*кичуа*).

³ Атмосферный феномен, когда осадки выпадают в виде льдинок.

⁴ Длинный кусок материи белого или другого цвета, в котором женщины кичуа как в горах, так и в лесах носят маленьких детей за спиной или на боку.

⁵ Буквально «мука из маиса». Составное слово из «сара» — маис (*кичуа*) и искаженного «мачика» — мука, широко используемое испаноговорящими эквадорцами в горных областях. Лесные кичуа не пекут и обыкновенно не едят хлеб. Вот почему прозвище «сарамашка» выступает в качестве противопоставляющего культурного маркера.

⁶ Чищу, чищу... начищаю (*исп.*).

Глава третья

С индейцами у реки

*Мы с тобой очень разные. Я — индио, дикарь,
а ты — белый, гринго. Я порежусь
и лижу кровь, как зверь. Ты ведь не будешь так делать?
Но ты мой друг, и это хорошо,
потому что ты знаешь больше обо мне,
а я — о тебе.*

*Pobrecita mi huambrita
¿Qué hará? ¿Qué hará?
Sentadita en la playa
Llorando está.
Llorando como yo lloro-o-o...¹*

Незатейливый мотивчик просочился сквозь отсыревший от дыхания капюшон спального мешка и, заражая своей противостественной бодростью, заставил разлепить веки. Уж лучше бы не делал этого. Накануне вечером, перед тем как улечься спать, Флавио предрек, что вода в реке непременно поднимется, и пророчества его оправдались. Поток гудит, и его голос не спутаешь с иными звуками Старого Леса. Означает это только одно: как и днем ранее, мы не сможем переправиться на левый берег. А вот моему старому знакомому — огромному, не в меру расхрабренному таракану-кукарача, что сидит под крышей на жерди и в любой момент готов скрыться среди пальмовой кровли, наша задержка, похоже, безразлична. Нам, по большому счету, тоже. Мы не торопимся.

Флавио, бесцеремонно развенчавший тихую радость сна в это утро, — мой проводник из общины кичуа, административный центр которой parroquia Канелос. Он уже появлялся на предыдущих страницах книги, теперь же настала пора познакомиться с ним чуть ближе. Его полное имя Флавио Канелос. Ему двадцать

шесть лет, и он «падре-де-фамилия» — глава семейства, состоящего из жены Патрисии, трех бойких мальчуганов и маленькой большеглазой очаровательной девчушки. Невысокого роста, узок в кости и темен кожей. Коротко остриженные черные прямые волосы подравнены на лбу «скобкой», а скуластое, но худое и чуть сплющенное лицо, кажется, знает лишь три выражения: сосредоточенности, легкой растерянности — в такие минуты на нем блуждает едва уловимая улыбка — и искренней заинтересованности. Флавио выдержан, в меру беззаботен, немного хитер, чего даже не пытается скрывать, и серьезен ровно настолько, насколько необходимо, чтобы не заслужить сомнительную репутацию балагура и бездельника. Как настоящему жителю лесов ему чужда спешка, но когда обстоятельства того требуют, он готов проявить расторопность. Впоследствии мы еще не раз ходили в монте; когда позволяло время и обстоятельства, я останавливался в его более чем скромном даже по индейским меркам доме, возился с детьми и благодаря ему и Патрисии узнал многое из традиций и поверий канело-кичуа.

С отцом Флавио — Апалисио Кристобалем Канелос Аранда, которого все звали просто Боливаром, — тогда я, впрочем, еще не знал этого — случайно, а может, и нет, мы познакомились на автобусной станции в Пуйо. Этому человеку — прекрасному охотнику, неподражаемому рассказчику и отцу одиннадцати детей я также обязан многим из того, о чем расскажу ниже.

Как бы там ни было, но та негаданная встреча оказалась большой удачей для меня. Самому Флавио довелось поколесить по стране и перепробовать множество занятий. Последним из которых была резьба маленьких фигурок зверей и птиц из податливой бальсовой древесины. Сейчас, одетый в старые мятые шорты цвета хаки и резиновые сапоги на босу ногу, мой проводник пытается найти зубную щетку в глубине не менее старого рюкзака.

Мой второй спутник — Блас «Чунчу» — все еще спит. Он на десять лет моложе, ростом чуть ниже Флавио, но зато более коренастый, а на скуластом лице выделяется крупный, чуть горбатый, но одновременно и как-то приплюснутый нос. По характеру Чунчу — прямая противоположность старшего проводника. В отличие от него, он не стесняется в голос выражать бурные эмоции.

Однако время от времени на него нападает хандра. В такие минуты он молча ходит или сидит, насупившись и размышляя о чем-то своем.

Нас трое, и Блас самый молодой из всех. Он любит петь и часто поет, думая, как и положено в его возрасте, преимущественно о прекрасной половине человечества. Эстетические воззрения Чунчу лежат в области отращивания волос и ежедневного натирания их бальзамом, отчего те блестят к его несказанному удовольствию. Бласа мы взяли с собой из тех соображений, что, во-первых, он один из сыновей главы индейской общины, а во-вторых, племянник Флавио по матери. Кроме того, Блас ловко управляет с шестом и в этом навыке не уступает Флавио. Однако если Флавио охотник до мозга костей и вряд ли смог бы долго жить без леса, то младший проводник тяготеет к поселку и его развлечениям. Похоже, что сегодня Чунчу проснется позже меня, так что пора вылезать из теплого спального мешка и помочь Флавио развести костер, принести воды и почистить платано. С предыдущего дня у нас осталась четверть подкопченной гуанты. Положим мясо в засмоленный дочерна котел с водой, добавим платано-паянда и оставим немного покипеть — получится похлебка, вполне годная в пищу. Женщин с нами нет, и из нас троих готовить толком никто так и не научился...

Вот уже десять дней мы стоим лагерем на реке со звучным именем Бобонаса². В том месте, где в нее по правую руку впадает маленькая Уитуяку. Последняя обязана своим названием деревьям уиту, которые по ее берегам растут чаще обыкновенного; «яку» же на языке кичуа означает «река». Уиту — ценное растение. Из его плодов добывают очень стойкую, не смывающуюся даже мылом черную краску, которой местные жители раскрашивают лица по праздникам. Прежде этот обычай был широко распространен среди канело-кичуа. Сейчас же лишь немногие следуют ему, да и то лишь во время самых больших празднеств, например, на Нинью Хиста, после которых еще дней восемь на коже остаются черные линии и точки.

Бассейн великой Амазонки. Северо-запад зачарованного мира, такого далекого от всего, что осталось там, в стороне, где в отрогах Кордильеры прячется солнце. Мы спим под пальмовой крышей

на широких кайюту — простых по конструкции нарах из высохшего, пожелтевшего и расщепленного бамбука, охотимся на диких лесных кур-пава и гуант, рыбачим, собираем блестящих коричневых улиток яку чуру в хрустальных ручьях.

Кайюту, служащее нам кроватью, — замечательное в своем роде изобретение, распространенное среди лесных кичуа. Едва ли не в каждом доме есть большой гамак, а то и несколько, но мне не приходилось видеть, чтобы в них укладывались на ночь. В этих краях традиции спать в гамаках нет. Для сна предназначены кайюту. И, по всей видимости, идея нар не была перенята у пришлых колонистов. Во всяком случае, такой вывод напрашивается, когда читаешь старых авторов. «Ийюсас были деревянными настилами, водруженными на подпорки, и омагуа использовали их для сна в семнадцатом веке», — находим мы в издании 1942 года за авторством Лауррано де ла Крус. «Хибаро не использовали гамаки для сна, но спали на барбакоа, рядом с которыми все время поддерживался огонь», — писал в 1935 году Карстен. То, что барбакоа для сна были весьма распространены среди амазонских племен, отмечал и Хименес де ла Эспада в 1897 году. «Барбакоа располагались как внутри дома, так и снаружи», — в 1889 году утверждал Марони. Наконец, тот же де ла Эспада упоминал, что «совсем еще недавно на реках Напо и Пастаса таримас из расщепленного бамбука, называвшиеся кальюиту, служили одновременно и сиденьем, и кроватью».

Вот так, по кусочкам, разваливается столь дорогой сердцу миф, сложившийся у многих белых, представляющих себе индейца, не иначе как проводящим, лежа в гамаке, дни и ночи. Суть такой же миф, как представление сельвы диким, угрюмым и негостеприимным углом, где издревле ютились немногочисленные первобытные племена, беспрестанно борющиеся за свое выживание...

Мы сейчас можем только бездействовать. Нам надо обязательно дождаться первой удобной возможности уйти на один из левых притоков Бобонасы, взбухшей от ночного дождя. На Умугпи. Там, вдали от большой реки, легче встретить крупных животных, и они менее пугливы. Но для этого нужно переплыть на противоположный берег, а как раз сейчас это рискованно, практически невозможно. Убедительных же причин для риска у нас нет. Кро-

ме того, даже если бы нам удалось справиться со взывавшей Бобонасой, то по Умугпи все равно не подняться: троп по берегу нет, а ложе речки, в другое время — отличная естественная дорога среди смыкающегося по обе стороны от русла леса, после дождей наверняка покрыто ревушим шоколадно-рыжим потоком, бешено несущимся вниз к матери-Бобонасе.

Я смотрю на Флавио:

— Имата кунан пунча рашун?³

Но старший проводник лишь поводит плечами и указывает подбородком на шумящую реку, давая понять всем своим видом, что на сегодня ничего важного намечать смысла нет. Недостаточно я прожил в этом лесу, чтобы спорить с человеком, который в нем вырос и знает каждую тропу на несколько дней пути вокруг. Следовательно, до вечера мы пробродим, не уходя далеко от базового лагеря. Надо постараться разыскать какую-нибудь живность, пригодную для пополнения оскудевших запасов провианта: мясо кончится очень скоро, а перспектива жить на печеных да вареных платано не вызывает энтузиазма даже у проводников. Так или иначе, переход отложен. В лучшем случае до будущего утра, но наперед загадывать — самое неблагоприятное дело.

Но надо все же взглянуть на реку.

— Майтата ринги Андрес?⁴ — Флавио, как мне в данный момент кажется, излишне переживает за меня. Приглядывает. Вот и теперь ему интересно, куда я собрался. Это немного раздражает. Но такова традиция: всегда тебя спрашивают, куда направляешься, и ты можешь смело спрашивать, рассчитывая на ответ.

— Якума рицца рикунгауа?⁵

Очевидно и без слов, но нужно учить язык, а посему я стараюсь к месту и не к месту вставлять в свою речь где-то подслушанные или составленные самостоятельно фразы. Меня часто поправляют. Начинаю приходить к мысли, что так проще установить доверительные отношения с моими спутниками, которых лингвистические упражнения в чем-то странного и подозрительного чужака не оставляют равнодушными.

Всю последнюю ночь напролет дождь, начавшийся накануне около десяти вечера, сеял как сквозь сито, монотонно шурша по крыше над головой и черным беспросветным зарослям, обступив-

шим нашу стоянку. Небо же затянуло еще раньше, на закате. Райю Супаи Руна разразился несколькими немощными раскатами да парой выцветших молний, спугнувших с дерева над обрывом стайку пестрых большеклювых туканов-куилин. Гроза прошла стороной, и я тешил себя надеждой, понимая, впрочем, ее тщетность, что река нас пропустит. Но нет, к рассвету Бобонаса, еще недавно пенившая прозрачные зеленоватые струи на оголенных перекатах, превратилась в мутный, глинистого цвета стремительный поток, вблизи заглушавший даже извечный концерт кузнечиков и цикад. Надо полагать, выше по течению, в предгорьях, разверзлись хляби небесные.

Единственное, что нам пока остается — зачерпнуть в котелок воды и ждать, когда мечущиеся песчинки и взвесь осядут на дно. Мелкие, неприметные глазу создания, живущие в реке, конечно же никуда не исчезнут, но кипятить воду долго, да и сухое топливо для костра подходит к концу. Поэтому чичу мы приготовим и выпьем сейчас, не откладывая, хотя если все делать правильно, воду надо вскипятить или подогреть. А вот так называемая «лимонада» — сок круглого зеленого пузырчатого лимона с водой и сахаром пойдет ближе к полудню, когда выглянувшее из-за туч и крон деревьев солнце зависнет, словно прищипленное, над самой макушкой и раскаленными иглами начнет нещадно прижигать кожу на непокрытых участках тела.

Чича, или асуа, — это и напиток и еда одновременно, основа питания всех лесных жителей. Она кажется вкусной, когда привыкнешь к ней, и — самое замечательное ее свойство — она быстро утоляет голод и снимает усталость. Впервые на собственном опыте я узнал, что это такое, сразу после прибытия в селение моих проводников. Когда, сидя под пальмовым навесом, мы договаривались с главой общины об их услугах и вознаграждении, то первый вопрос, который мне задали, звучал так: «Саве комер ла комида дель монте?» — могу ли я есть простую лесную пищу. Я ответил утвердительно, после чего одна из женщин принесла чичу. Отказаться? Это было бы худшим, что я мог сделать.

Некоторые ученые-лингвисты полагают, что слово «чича», заимствованное многими европейскими языками как собирательное название для самых разных индейских напитков, появилось в

испанском из языка группы чибча-муиска. То есть по происхождению оно не является кичуанским, как часто принято думать. Вот почему сами кичуа обыкновенно говорят «асуа» вместо «чича». Женщины приготавливают напиток из клубней разных видов сладкого маниока, или кассавы, который в испаноязычном Эквадоре повсеместно именуют юкой, что с точки зрения ботаники неверно. В него также могут добавлять манди, бананчики-гинья и некоторые другие плоды. Слегка ферментированная, забродившая чича богата калориями, поэтому неудивительно, что она пользуется всеобщей любовью лесных кичуа, по праву занимая первое место в ряду основных продуктов их ежедневного рациона. А теперь и моего.

Беловатую закваску-масату, загодя приготовленную старшими сестрами Бласа, мы привезли с собой в мятом металлическом котле литров на десять. Теперь нам достаточно зачерпнуть ладонью кашицы, бросить ее в глиняную, расписанную геометрическим узором пиалу-мукауа, залить водой, размять и отжать выловленные рукой волокна. В приготовлении чичи я чувствую себя настоящим лесовиком: после нескольких неудачных попыток мне удалось таки научиться класть закваски столько, чтобы позднее не страдать изжогой. Но пить по две литровые мукауа за раз мне не хватает духу.

Чича бывает крепкой — фуэрте и нормальной. Под крепостью подразумевают не градусы, как можно было бы предположить, а возраст и, следовательно, большую или меньшую горькость напитка. Когда закваска из клубней вареной, размятой в большом деревянном корыте-батана и пережеванной женщинами юки свежая, хранится в тени дня два — четыре, на вкус она приятна. Если же асуа с полмесяца, то это едкая горечь и слабое жжение во рту, вскоре перерастающие в неприятности для непривычного желудка и кишечника. «Чичита де кинсе диас»⁶, — посмеивается Флавио. Если есть из чего выбирать, ни один кичуа не станет пить асуа столь почтенного возраста, отдав предпочтение недавно приготовленной.

А способов приготовить чичу существует великое множество. Об этом можно судить уже хотя бы лишь по перечню названий напитка. Так, есть чича из белой юки, есть черная чича из обжаренной юки, чича из юки и зрелых платано, чича из юки с добавлением

камоте, чича из юки и слегка приваренного арахиса-мани — единственная, которая, будучи выпитой в очень большом количестве, немного пьянит даже белого человека. В декабре готовят самую вкусную чичу — из темных плодов пальмы унгурауа, а с февраля по апрель, когда созревает чунда, пьют ярко-оранжевую. Есть также много прочих вариантов приготовления напитка, незначительно отличающихся один от другого. Должен также сказать, что пьют асуа и подслащенную сахаром, и едва-едва забродившую, покрывшуюся пузырьками пены. Все зависит от личных пристрастий и того, что имеется под рукой.

Не менее асуа среди лесных племен распространен другой напиток, чуть более крепкий, который пьют только по праздникам. Чтобы приготовить его, требуется больше времени — три или четыре дня. О нем знают и индейцы сиона, которые называют его андуче, и кофан, пьющие свой кепанаку. По-испански он зовется винильо — «винцо» и готовится из обжаренной юки. Кичуа тоже готовят винильо, но чаще отдают предпочтение другому напитку, который на Бобонасе называют уку яку. Для приготовления этого своеобразного «пива» в традиционную чичу могут добавлять камоте. Массу кладут в большой бело-красный тинаха, предварительно постелив на дно побольше листьев гинья или сахарного тростника-уиру, а сверху также накрывают листьями от ос, мух и прочих насекомых, падких на брагу. Закваске надо дать выстояться и подождать, пока жидкость не отсечется, после чего ее можно сливать и пить. Европейцы и метисы с большой долей белой крови быстро хмелеют от этого «пива», индеец же может заметно напиться. К сожалению, на уку яку нам рассчитывать не приходится. Остается лишь мечтать да довольствоваться старой прогорклой асуа.

Было бы непростительным упущением с моей стороны обойти вниманием пиалы-мукауа, которые для кичуа неотделимы от чичи. Их делают из голубоватой глины, и это одна из привилегий женщин, уходящая корнями в глубь веков. В работе обходятся без гончарного круга — лепят на тонкой круглой дощечке с маленькой ручкой, называемой тауля паду. Поэтому мукауа иногда выходят чуть кособокими, но тем самым сохраняют очарование самобытности.

Процесс изготовления мукауа не столько трудоемкий, сколько требующий внимания, аккуратности и терпения. Когда тонкостенные пиалы вылеплены из манга альпа — «земли для посуды», женщина оставляет серые, легко ломающиеся, еще сырые мукауа сушиться в тени под навесом на три-четыре дня. Потом она «купает» их в охристой краске пука альпа, снова сушит, полирует до блеска гладким камушком — муляна руми, а затем расписывает тонкой длинной палочкой с волосяной кисточкой на конце из своих или детских волос — пиндана акча. В большинстве случаев она использует всего две краски из глины, разведенной на воде: черную — яна альпа и белую — руйя альпа. Иногда появляются и другие цвета: желтый — килью альпа и розоватый — кулор альпа. Выходы цветной глины на поверхность есть не везде, и потому она служит предметом купли-продажи между индейскими общинами, часто удаленными на большое расстояние. После того как пиалы раскрашены, женщина обжигает мукауа на огне, закопав в золу, а затем, пока те не остыли, покрывает их прозрачной ароматной смолой, добываемой в монте только мужчинами из дерева шингилю руйя. Мои проводники утверждают, что каждая семья имеет собственный, не похожий на другие рисунок. Но общий стиль росписи легко проследить во всей полихромной керамике лесных кичуа, населяющих леса к югу от реки Курарай.

Еще маленькой девочкой семи — двенадцати лет будущая женщина учится лепить и расписывать, сидя подле матери. Впрочем, нередко случается, что искусство обращения с глиной передается девушке только после того, как она выйдет замуж: от свекрови, бабки или другой женщины из рода мужа. Не всем женщинам гончарство дается одинаково хорошо. Поэтому случается, что глину добывает, разминает и подсушивает комки у костра, а потом лепит еще дымящиеся «блины» на столбы-опоры дома сноха, а изготовление самих мукауа выпадает на долю более опытной свекрови.

Здесь, в лесах на Востоке, знают: на протяжении жизни меняется не только сама женщина, но и посуда, выпешдая из-под ее рук. Это не вызывает удивления, так как считается естественным развитием как самого человека, так и его мастерства. Каждая из

женщин по-своему подходит к гончарству. Наибольшего уважения и похвал удостоивается та, которая достигла вершин, отобразив в глине и красках то, что видит и ощущает вокруг себя. Споспобную на такое зовут не иначе как синчи уарми, то есть «сильная женщина».

Каждой женщине известно несколько основных орнаментов, в которых она символами, а иногда и более реалистичными набросками стремится запечатлеть окружающий ее мир. Часто она импровизирует. Но обычно в тонких черных и белых линиях на однотонном охристом фоне воплощается все самое сокровенное для лесного индейца. В них живут гигантская анаконда-амарун, удав пишку амарун и черепахи — лесная тсауата и небольшая водная тарикайя.

Амарун изображена цепочкой круглых черных пятен — таких же, как на коже огромной змеи. Тсауата поселилась на тонких стенках мукауа, перерисованная с панцирем лесных черепах, и оттого выглядит ячейками огромных сот. А большие шестиугольники это пишку амарун — обыкновенный удав.

Помимо разноцветной посуды есть еще и «черная», которой приходится пользоваться в быту. Обычно это тарелки-кальяна очень своеобразной формы. У нас есть такие с широкой ножкой-чаки, а бывают еще и без нее. Снаружи они цвета обожженной глины, а изнутри блестяще-черные, натертые соком из листьев папачина и прокопченные над дымом. После подобной процедуры кальяна, как, впрочем, и горшки с характерным «вывернутым» наружу горлом учу манга для приготовления еды на огне, меньше «сосут» воду, хотя такое покрытие и не столь надежно, как шингилью, которой обмазывают мукауа. В отличие от последних, вся черная утварь лепится из другой глины, служащей не два-три месяца, а несколько лет и называемой дурах альпа. По меньшей мере, из нее вылепливают нижнюю часть.

Между черной посудой и расписанной узорами цветной имеется существенная разница. В первой женщины готовят платано, юку, камоте, мясо и прочую еду, составляют приправы из перуаахи. Во вторую обыкновенно не наливают ничего, кроме асуа; в ней же ее и подносят. Ни одна женщина не нарушит традицию.

Мать Флавио — скромная худенькая женщина с обвисшей

морщинистой кожей по имени Роса Пьедад Танчима, не умевшая писать и не говорившая по-испански, наставляла меня:

— В кальяна и учу манга нельзя надолго оставлять воду. Посмотри, изнутри все черное, но они через два дня разбухнут и станут непрочными. Бывает, прямо в руках разваливаются. Мукауа — нет, они не боятся воды, если только края не побиты. Смотри, чтобы шингилью не потерялась. И никогда не наливай в мукауа ни «ликор», ни спирт. Иначе они станут совсем белыми изнутри.

Соблюдая обыкновенную аккуратность в обращении с посудой, никто особенно не переживает, когда разобьется мукауа или что-то еще. Черепки, да и почти целые, слегка побитые пиалы отправляются на мусорную кучу, где и доживают свои недолгие дни. Это лишь означает, что надо будет сделать новую посуду.

В полной мере разнообразие глиняных изделий можно оценить только на большом празднике. Если девушка или женщина готовится к торжеству, например, ежегодному празднику Нинью Хиста, приходящемуся на католическое Рождество, об этом не трудно догадаться. Достаточно лишь взглянуть на то, что выходит из-под ее рук. По этому случаю одни женщины лепят своеобразные церемониальные сосуды-пуру, в которых подают асуа. В такие моменты наследие матерей и бабок, знание природы и личный опыт, почерпнутый в общении с лесом, сливаются воедино и воплощаются в глине древние образы.

Другие женщины изображают птиц, которых люди видят регулярно и живущих с ними бок о бок. Бытует поверье, будто в древние времена где-то в далеких землях обезьяны устраивали шумные праздники на ветвях самых высоких деревьев. И во время тех празднеств они так веселились, что незаметно упивались до пьяна. Теперь, в память о прошлом, одни женщины лепят сосуды в форме дынь или орехов, делают фигурки хмельных зверьков с калабасами в лапках. Другие делают фигурки тукана-сикунанга или вазочки в форме лежащего полумесяца-килья, покрывая их белым млечным соком дерева лече каспи.

Внешний мир с каждым годом накладывает все более заметный отпечаток на традиционное гончарное искусство лесных кичуа, да и на всю их жизнь. Прежде всего, это выражается в росписи. Мне случалось видеть мукауа, в которых переплелись между

собой как традиционные этнические узоры, так и новые, подсмотренные женщинами у колонистов и горожан. Как-то раз в parroquia Канелос мне на глаза попала мукауа с комическим изображением человеческого лица, нарисованного в виде круга, с точками глаз, черточкой носа и улыбающимся ртом, какое обычно рисуют маленькие дети.

Увы, мукауа и прочая глиняная утварь все чаще и чаще уступают место металлическим и пластмассовым тарелкам и другим посудинам фабричного производства, проигрывая в неравной борьбе за прочность и долговечность. Но наперекор всему, даже неумолимому времени, именно женщины провинции Пастаса сейчас, как и прежде, известны по всему Востоку своими мукауа. Только благодаря им — бабкам и матерям, женам и дочерям семей, живущих по берегам Бобонасы и Курарая, Пиндояку и Конамбо, забредая в затерянное среди леса тамбу, можно заглушить пустоту в желудке чичей из мукауа. Или же похлебать горячий суп из матово-черной кальяна на высокой ножке.

Кусты юки-маниока, прежде чем превратиться в асуа или еду, растопыренными словно ладошки листьями зеленеют на чакрах у селений круглый год. Это одно из главных растений, выращиваемых кичуа и всеми лесными племенами. Есть юка, дающая плоды уже через три месяца после посадки. Есть такая, что плодоносит через шесть и через двенадцать. Клубни последней вырастают самыми большими, но изредка случается так, что они пропадают из-за сильных дождей или засухи. Потому-то женщины, чтобы избежать голода, высаживают разные виды люму: какой-нибудь да уродится.

Широко распространено мнение, что все, хоть как-то связанное с юкой, окутано поверьями и ритуалами издревле. Очень многие думают, что культура приготовления чичи из юки зародилась еще до того, как эти северные земли огромного материка стали именоваться Чинчайсуйю, а границы империи инков дотянулись до южных комиссарий современной Колумбии.

Тем не менее некоторые авторы второй половины минувшего века, занимавшиеся индейскими народами Востока, в своих работах указывают на то, что часть племен еще совсем недавно не употребляли определенные виды чичи. В пример приводят айро-

паи — народ, родственник сиона-секойя и живущий в низких лесах Перу по водоразделам. Эти люди, представители группы племен тукано, не пили асуа из юки каких-то три десятилетия назад, но переняли этот обычай у соседних общин напо-кичуа. Говорят, что старики айро-паи все еще морщатся, вспоминая, как впервые попробовали беловатый напиток. Поэтому нельзя безоговорочно утверждать, что традиция приготовления чичи из юки среди племен восточных лесов имеет долгую историю. Очень вероятно, что это один из мифов белого человека, коих на поверку оказывается великое множество, когда речь заходит об амазонской сельве.

Но пора вернуться в современность. Едва приходит гость, как одна из женщин дома хозяина, будь-то жена или взрослая дочь, не мешкая начинает готовить асуа способом, который я описал выше. Наполненную до краев мукауа перво-наперво предлагают гостю. Отказываться не стоит: это не вежливо, может смутить хозяев, хотя виду, скорее всего, никто не подаст. Иногда в мукауа попадает грязь. У кичуа не принято лазить пальцами в напиток, чтобы выловить случайно упавшую туда мошку — ни мальчики, ни мужчины не должны прикасаться руками к чиче, если рядом есть женщины или девочки. Традиция говорит, что мужские руки «грязные». Достаточно лишь слегка подуть и отогнать сор к противоположной стенке. Впрочем, муж, сын или брат может сказать жене, сестре или дочери, чтобы та выловила сор.

Гость выпивает все или часть содержимого, после чего возвращает мукауа женщине, которая тем временем молча стоит чуть в стороне, помешивая пальцами чичу во второй пильчи. В глухих местах эта традиция неукоснительна, вблизи так называемой «границы колонизации» — районов, где влияние культуры колонистов и метисов возрастает с каждым годом, — ее придерживаются уже не столь строго, хотя и не забывают совсем.

После того как женщина получит порожнюю мукауа назад, она дольет асуа до краев, выловит и стряхнет с пальцев на землю жесткие волокна и передаст пиалу следующему, самому старшему мужчине в доме. Так будет повторяться до тех пор, пока вся мужская половина не утолит жажду и не уймет голодную пустоту в ненасытном индейском животе. Если в доме есть несколько му-

кауа или пильчи, то каждый мужчина пьет из своей, а женщины только успевают допивать чичу.

Голоден ли человек, сыт ли — нетрудно догадаться, глядя на то, как он пьет. Выпивает быстро — значит, не откажется от добавки. Делает маленькие глотки, коротко прикладывая губами к кромке мукауа, время от времени отставляя пиалу на землю или на пол, попутно разговаривая, — все это знак того, что гость не хочет больше пить. Хорошей манерой считается первую мукауа выпить быстро, а вторую растягивать как можно дольше, неторопливо беседуя о делах, обсудить которые, собственно, и пришел. Но прежде чем перейти к сути, будут говорить об отвлеченных вещах. Цель визита обыкновенно известна хозяину, во всяком случае, о ней можно догадаться, но с порога заводить разговор о деле среди лесных индейцев не принято.

Помню, что как на чужака и гостя первое время на меня не распространялись довольно строгие отношения старшинства, царившие внутри семей моих проводников и в других домах. Например, как гость я поначалу всегда пил первым. Однако если человек продолжительное время живет внутри семьи, принимающей его в своем доме, как это было в моем случае, он пусть негласно, но вынужден подчиниться традиции. Этого от него ждут, и, поступая так, гораздо легче установить доверительные отношения. Подчиниться обычаю не составит труда хотя бы в том, что касается пищи, дабы не выказать свое неуважение или не прослыть невеждой. Это особенно справедливо в отношении белых-гринго и горожан-метисов, или ауальяхта⁷.

Кичуа пьют асуа всегда, при любом представившемся случае. Как проснутся и перед тем, как раздвинут бревна очага и затушат коптелку, служащую лампой, — стеклянную бутылочку с фитилем из тряпки. Ни один охотник не уйдет в лес без того, чтобы утром, согреваясь жаром огня, не спеша не опорожнить в себя пару больших мукауа. Этого достаточно, чтобы голод не напоминал о себе в работе, в долгих и часто утомительных переходах, в лесу или на реке.

В полдень охотник вновь разбавит водой густую кашичу-закваску, предусмотрительно захваченную с собой в кульке из листьев — майту. Импровизированную чашечку — пурунгу — он сде-

лает, свернув полукругом широкую, словно раскрытый веер, пластинку листа пальмы тара путу и скрепит его тоненькой, выструганной щепкой длиной с ладошку. Зачерпнет из ручья воды, бросит закваски — вот и весь обед. Передохнув сидя на корточках так, как сидят индейцы, — опираясь на полную ступню и широко расставив колени, он вытащит щепку, скреплявшую лист в чашку, воткнет ее во влажный зеленоватый мох, покрывающий ствол дерева. Эта палочка, белеющая на высоте груди, скажет другим охотникам: «Здесь был человек. Отдыхал и пил асуа». По валяющемуся на земле листу те определят, как давно он отдыхал, а по направлению острого конца щепки узнают, в каком направлении ушел.

Третий раз чичу обыкновенно пьют лишь по возвращении домой, когда семья в сборе, дела закончены и осталось время на отдых и еду. «Чича тома щамуйчи»⁸ — одна из самых частых фраз, которую можно слышать и на реке, и на чакре, и дома.

— Не будешь пить чичу, то и сил у тебя не будет, — не устает повторять Флавио.

...Дневник, дневник... Чего только нет на твоих расчерченных в мелкую сетку, пронумерованных страницах. Толстая тетрадь, с которой не расстаюсь. Сейчас полдень, жарко, и я лежу на кайюту в нашем лагере, который по сути своей не что иное, как пурина Бальтасара Ильенеса — главы общины кичуа Канелос, и своим корявым почерком перевожу на бумагу накопившиеся в голове мысли. Должность главы сельской общины, эль-президенте — «президент» по-испански, в действительности обязывает улаживать возникающие время от времени споры внутри общины, трения с соседями и поддерживать отношения с представителями внешней администрации. Кто-то охотился на чужих землях, кто-то забрел на тихие озера-кочас соседней общины, ловил там рыбу, не спросив разрешения у хозяев, и был пойман с поличным: все эти и подобные им недоразумения приходится решать эль-президенте. Человек, занимающий эту должность, не наделен властью в привычном для европейца смысле слова, однако в основе его полномочий лежит гораздо большее — уважение и доверие, которые среди кичуа ценятся много выше.

Как я сказал, основным лагерем для нас десять дней назад ста-

ла пурина, из которой мы совершаем ежедневные вылазки во всех направлениях с нашей стороны реки. Само по себе слово «пурина» многозначно, и для него в языке кичуа имеется целый ряд соответствий. Пуриной могут назвать поденную работу на чакре. Дальняя дорога, охота или небольшое ранчито в лесу, рядом с которым разбита чакра, засаженная платано, папайей, сахарным тростником и конечно же юкой, — все это тоже пурина.

В нашем случае это старая расчистка с двумя строениями, чей возраст, по словам Флавио, перевалил за четверть века. Значит, двадцать пять лет назад здесь постоянно жили люди. Но потом, когда чакре потребовался отдых, они ушли. Тут все еще сажают платано-паянда, сахарных тростник, растут лимоны, но вот юки уже нет, и земля отдыхает. В этом нет ничего необычного, так часто случается. Оставляя старые чакры, кичуа не позволяют земле полностью истощиться, как это происходит в тех местах, где живут колонисты, из года в год сеющие и сажающие на одном и том же земельном наделе.

Свои дома — уаси — лесные кичуа традиционно ставят вдоль рек, у самого берега или чуть поодаль. Редко кто осмелится надолго поселиться вдали от воды: ни рыбы наловить, ни искупаться, ни постирать одежду. Нельзя забывать, что река это еще и нить, связывающая в этих лесах людей. Дорога, по которой приходят и уходят.

Здесь, в верхнем течении Бобонасы, уаси это несколько, как правило, два или три легких строения под двускатными навесами с торцовых сторон или овальными пальмовыми крышами; с глинобитным, бамбуковым или деревянным полом. В последних двух случаях пол приподнят над землей на нетолстых, но прочных столбах из пальмы чунда, высота которых может быть и тридцать сантиметров, и почти два метра. Зависит это от того, затапливает ли во время паводков и наводнений тот клочок суши, на котором примостился дом, или нет. Если пол высокий, то наверх ведет или сколоченная из жердей лесенка, или приставляемая наискосок колода с вытесанными в ней глубокими ступенями, называемая чакана. Именно чакана и была повсеместно распространена в лесах до той поры, пока белые не занесли сюда свои традиционные лестницы из двух длинных продольных и нескольких коротких поперечных жердей.

Крыши кроют пальмовыми листьями в несколько слоев. Первоначально возводят стропила, потом горизонтально укладывают длинные — метра по три-четыре — перистые листья пальмы чили руйя, или фибры. Чем чаще их положишь, тем меньше воды будет пропускать кровля. Затем поверх фибры один к одному укладывают широкие листья лисан, которые делают крышу еще более прочной. В тех местностях, где лисан мало или нет вовсе, индейцам приходится довольствоваться лишь фиброй. Но такая крыша, когда листья высыхают, становится менее плотной и служит не столь долго, чаще требует ремонта. Хорошо покрытая крыша может простоять без починки лет пятнадцать, если только мыши не начнут прогрызать в ней дыры, таская сухой лист в свои гнезда.

Наибольшее строение, в котором обычно спят, может быть перегородено — а чаще нет — невысокими, в человеческий рост стенками из тонких досок либо, что случается чаще, из так называемых уама — развернутых в узкие длинные циновки бамбуковых стволов, скрепленных между собой. Говоря по правде, перегороденный внутренними стенками уаси — это влияние чуждой лесным индейцам европейской культуры, которую занесли в сельву колонисты и миссионеры.

Во втором строении⁹, обыкновенно отведенном под кухню и столовую одновременно, готовят еду. Здесь же расположен очаг, на котором женщины стряпают часами на пролет. Костер, обязательный атрибут каждого жилого дома, — это всегда три толстых, длиной в рост человека ствола, сложенных вершинами. Их концы не соприкасаются, так что в остающийся промежуток можно подкладывать мелко нарубленные куски дерева. Так колоды тлеют или медленно горят, но никогда не гаснут. Костер всегда легко распалить, а увеличивая или убавляя количество щепок, нетрудно поддерживать желаемую силу огня.

Такой очаг, как я описал, обычен для домов кичуа с глинобитным полом. Те же семьи, чьи уаси подняты на сваях, специально оборудуют место под костер, ибо на деревянном полу огонь развести невозможно, не спалив при этом сам дом — одно из самых больших несчастий, которое может случиться. Поэтому, дабы избежать пожара, из четырех бревен выкладывают квадрат со сторонами около полутора метров, внутрь которого ровень с верх-

ним срезом засыпают и утрамбовывают землю. Получается приподнятая над полом плоская земляная тумба, на которой можно разжигать огонь, вполне достаточный для приготовления пищи и обогрева студеными ночами.

Во многих домах над очагом на высоте человеческого роста подвешено некое подобие недоплетенной корзиночки или мини-аторного гамачка — нина уишина, иначе называемая нина лишъён. В ней оставляют пищу, которую не доели — уангля. Подвешенная над огнем, она не портится и все время сушится и коптится в дыму костра. Нина уишина мужчины плетут из той же тонкой лианы тауана ангу, что и большие корзины, стебли которой разрезают вдоль для большей гибкости.

Неподалеку от очага хранят и веер уайрацина, сделанный из маховых перьев лесных кур-пава, нанизанных на тонкую щепку. Помнится, Флавио долго смеялся, когда я поинтересовался, почему он не сделает уайрацина из куриных перьев. Оказывается, для него годятся перья только диких птиц, но не галынасо и прочих падальщиков.

По сторонам от очага на полу расставлены несколько чурakov — тиярина банку, а вдоль внешних стен могут лежать нетолстые бревна или доски с подложенными под них обрубками. И бревна, и банку предназначены для того, чтобы сидеть на них, причем последние кичуа вытесывают из одного куска дерева или в форме прямоугольных скамеечек без спинки, или в виде табуреток с круглым плоским сиденьем и раздваивающейся ножкой-подставкой. Точно такие же мне доводилось видеть и в домах индейцев ачуар.

Третью хижину семья частенько использует вместо подсобного помещения. В ином случае это может быть место, где женщины в свободное от стирки, работы на чакре и приготовления пищи время собираются посплетничать. Иногда тут же, рядом со старым уаси, ставят новый. Тогда прежнее жилище, более скромное и обветшалое, превращается в род сарая или же просто в пристройку-навес, куда складывают тяжелые грозди зеленых платано, оставляют плетеные корзины-ашанга и прочую немногочисленную утварь, нужную в хозяйстве.

Строго прямоугольная форма не единственная для традици-

онного жилища индейцев. Распространены также овальные дома, с закругленным фасадом или даже круглые с конусообразной крышей. На Бобонасе такой тип чаще встречается ниже по реке, близ Сараяку¹⁰ — одного из притоков Бобонасы, и далее к юго-востоку. Они обычны в тех местностях, где кичуа соседствуют с шивиар и ачуар, то есть на юге и юго-востоке. Традиция последних оказала влияние на овальную форму постройки с конической крышей, как и на многие другие жизненные и духовные аспекты культуры людей на Бобонасе, будь то керамика, язык или предметы, используемые в быту.

Внешне овальный дом выглядит почти как хеа у ачуар: крыша, спадающая чуть не до земли, крытая листьями фибры и лисан, глинобитный пол и стены из расщепленных бамбуковых стволов. Внутреннее пространство такого дома, лишённое перегородок, условно разделено на мужскую и женскую половины, в чем тоже нетрудно заметить влияние ачуар или шивиар.

Построить собственный дом — задача не из легких. Чтобы навалить деревьев для одной постройки, очистить от веток стволы, привезти их, врыть столбы, навести стропила, покрыть крышу — обычно на все это затрачивают около месяца. Трудоемкую работу по возведению дома выполняют мужчины; женщины могут помочь лишь иногда.

Как я уже сказал, в большинстве прямоугольных домов стены-перемычки отсутствуют. На мой взгляд, это можно только приветствовать: при постоянно сырой и теплой погоде легкий сквозняк приносит облегчение. Днем не жарко, ночью же куда приятнее спать на свежем воздухе, нежели дышать затхлыми испарениями. Так как стен нет, то и многочисленная армия разномастных и разного размера мирских захребетников, как то тараканы, пауки-арахны, змеи и комары, лишена укромных местечек, под прикрытием которых вся эта живность жила бы и размножалась, докучая хозяевам.

Обладая вполне исчерпывающим представлением о доме кичуа с Бобонасы, не составит труда вообразить и наш лагерь. Потребуется лишь свести к минимуму приметы основательного, добротного человеческого жилья.

В нашем распоряжении навес длиной шагов тридцать и ши-

риной в десять, с широкими нарами кайюту и подобием стола из расщепленного бамбука. Прямо над столом на поперечные стропа положены те же расщепленные бамбуковые стволы, образующие род «чердака» — пата. Очаг располагается на другом краю уаси. Из домашней утвари мы владеем парой черных глиняных кальяна, одной мукауа, двумя котлами — один из которых, с чичей, привезли с собой, а в другом готовим. Тремя ложками, гамаком и двумя огромными, литров на пятьдесят, пузатыми, покрытыми несложным орнаментом, трехцветными тинаха, или, как говорят иначе, асуа чурана манга. Сверху, до половины, они белые, снизу охристо-красные или розовые, посередке расписанные геометрическими фигурами из тонких черных и белых линий. В последних женщины кичуа хранят закваску юки, так что тинаха могут быть как большими, так и не очень — литров на десять; это часто зависит от размеров семьи и от ее благополучия. Но сейчас они порожние и стоят перевернутые вверх дном.

Пустующая большую часть года, пурина мало выделяется среди окружающего леса. И даже с нашим приходом она по-прежнему остается частью монте, где человек появляется лишь время от времени. А потому в крыше, в пустотах между сухими листьями, безбоязненно коротают дни крошечные летучие мыши. Геккончики длиной с мизинец и тонкой нежной кожей поселились в изъеденных термитами и муравьями столбах, а крупные тараканы, осы, разнообразные пауки и бабочки стали нашими постоянными соседями и конкурентами за еду.

Все эти летние дни нам особенно досаждали небольшие летучие мыши чимбияку, или тутапишку, и в дождь, и при звездах прилетавшие после полуночи лакомиться спелыми, источавшими сладкий аромат гроздьями маленьких бананчиков. Зверьки появлялись по двое — по трое и зарывались мордочками в спелые плоды, откусывая ото всех понемногу. Они легко находили даже небольшие лазы в складках сети-атаррайя, которой были накрыты гроздья. Вообще-то такой сетью ловят закованных в панцирь сомиков-карачама на галечных перекатах и мелководьях, набрасывая ее поверху, но мы укутывали ею наши запасы гинья, так как ни пальмовые листья, ни что-либо еще не могли скрыть их от «птиц ночи» — а именно так переводится с кичуа тутапишку. И

очередным утром мы обнаруживали свежую, потемневшую и начинавшую бродить поедь. Однажды, когда терпение истощилось, Флавио соорудил простейший силок-петлю с горизонтальным стержнем. И конечно же жадный чимбияку попал в нее той же ночью, а у меня появилась возможность хорошенько разглядеть зверька, обычно бесплотной тенью растворявшегося во мраке при первой вспышке фонаря.

Тутапишку оказалась маленькой летучей мышью длиной от силы семь сантиметров, покрытой короткой бурой шерсткой. У нее была чуть заостренная мордочка с небольшими черными глазами-бусинками. Ушные раковины, формой своей напоминавшие листья, были почти без складок и морщин, довольно крупные, бурого цвета и с маленьким ланцетовидным образованием внутри уха. Нос зверька, оказавшегося самцом, венчал листообразный вырост в форме наконечника копья, устремленный строго вверх. Я измерил размах крыльев: двадцать восемь сантиметров. Как мне удалось выяснить позднее, этот чимбияку принадлежал к широко распространенному в Южной Америке семейству листоносов. Среди представителей последнего попадаются и более внушительные создания с размахом крыльев в полметра и даже больше, как у гигантского лжевампира, что в сумерках небыстро летает над лесом и чакрами, разыскивая деревья с созревающими, подгнившими и забродившими плодами.

У индейцев про чимбияку есть сказка:

Раньше, в прежние времена, чимбияку были как люди. Но жили они всегда отдельно, не селились вместе с людьми и не уходили жить к ним.

Однажды человек, у которого были только дочери, а сыновей совсем не было, устроил в своем доме праздник. Дом у того человека был большой, хороший, и жил он вместе со своими дочерьми.

И вот один юноша Тутапишку захотел пойти на праздник. Но чимбияку работали и бодрствовали только по ночам, а днем спали.

Поздно вечером, когда стемнело, юноша захватил барабан и отправился в дом, где был праздник. Он пришел и стал играть на барабане, говоря дочерям человека: «Пойдем танцевать со мной». Но девушки не хотели идти танцевать с ним, потому что у того Тутапишку был некрасивый нос, почти такой, как сейчас у чимбияку.

Тутапишку все ходил вокруг да играл на своем барабане. Никто не хотел танцевать с ним. Наконец он так надоел двум сестрам, что они схватили его за руки и потащили танцевать. Так они танцевали долго, и юноша устал и стал уговаривать девушек отдохнуть. Но сестры продолжали танцевать и крепко держали Тутапишку за руки. Когда юноша больше не мог танцевать, он стал петь:

Kacharibuay, kacharibuay
Mataynimi piñahuanga.
Tiyachibuay, tiyachibuay
*Mataynimi piñahuanga*¹¹.

Но девушки все танцевали и танцевали. Когда Тутапишку совсем выбился из сил, сестры подхватили его за рукава рубашки. Дернули, — и рубашка порвалась, а обрывки рукавов превратились в крылья чимбияку.

Итак, я живу среди людей восточных предгорий. Кичуа Орьенте, или, как они сами себя называют, сача рунас — «лесные люди», насчитывают сегодня от шестидесяти до восьмидесяти тысяч человек, разбросанных по лесам провинций Напо и Пастаса. Они также живут на склонах Кордильеры Орьенталь на западе и местами по границе с Колумбией и Перу на востоке. Условно всех их принято делить на две большие этнографические группы. На две общности, сегодня связанные общей культурой и языком: на напо-кичуа и канело-кичуа, или кичуа-пастаса.

Признаюсь, в свое время я испытал чувство некоторой обескураженности, обнаружив на отечественных демографических картах Эквадора, изданных еще в восьмидесятые годы прошлого столетия и, кстати сказать, пылящихся на полках книжных магазинов до сих пор, давно уже устаревшие названия, как то канело, аламо и юмбо¹². Впервые столкнувшись с действительностью, я испытал еще большее удивление, когда стал очевидным факт, что скрывавшиеся за цветными квадратиками, кружочками и галочками племена и есть сача руна, и никто более. Впрочем, впору ли сокрушаться о вольностях с наименованиями племен, когда дороги, прочерченные на картах, существуют лишь на бумаге. И то благодаря тому, что четверть века тому назад кто-то задумывался

об их постройке, поспешив реализовать свои прожекты хотя бы таким вот образом.

Но, кажется, я отвлекся. Напо-кичуа, как явствует из названия, живут в провинциях Напо и Сукумбиос, преимущественно селясь по берегам Напо, Агуарико, Сан-Мигель и Путумайо, кое-где соседствуя с маленькими общинами некогда многочисленных, а теперь насчитывающих всего несколько сот человек, вымирающих кофан и сиона-секойя. Какая-то часть перебралась в города Тена и Лаго-Агрио, иначе — Нуэва-Лоха. Их поселения встречаются и по ту сторону границы — на юге Колумбии и северо-западе Перу вдоль течения Напо.

С юга земли напо-кичуа по широкому фронту переходят в исторические территории кланов уаорани, канело-кичуа, шивиар и ачуар. Со стороны Перу южнее Напо они соседствуют с теми же ачуар и шивиар; на западе их с каждым годом поджимает граница колонизации.

Вторая группа — кичуа-пастаса, они же канело-кичуа, заселяют одноименную провинцию, большей частью живя вдоль крупных рек Пастаса, Бобонаса, Курарай, Сараяку, Вильяно, Корриентес, Конамбо и Пиндоаяку. К востоку от реки Льюшин, Пастаса отделяет их земли от шуар и ачуар. Сегодня многие рунас оседают и в окрестностях главного города провинции — Пуйо.

Лесные кичуа верховий Бобонасы внутри семьи и между собой говорят преимущественно на руна шими — «языке людей». И это несмотря на то, что лет с семи или десяти вторым языком для них становится испанский; последнее справедливо для среднего и молодого поколений. На «кастильяну», или испанском, общаются с эквадорцами-метисами и с остальными, для кого «язык людей» все равно, что филькина грамота. Но в глухих лесах вдали от Сьерры — да и в горах тоже — старики и старухи могут вспомнить лишь несколько испанских слов. Там же, где сача рунас испокон веков бок о бок живут с шуар и ачуар, говорят еще и на языке великих воинов, знающих способ уменьшить голову врага так, что она станет не крупнее кулака, однако сейчас уже начавших забывать военные походы прежних лет.

Аингвисты относят руна шими к языковой семье кечумара, однако восточные диалекты существенно отличаются от речи, ко-

тору слышно в горных селениях Эквадора и тем более Перу. Тут имеются свои тонкости. Кичуа, или, как произносят многие перуанцы, кечуа, известен на огромном пространстве Амазонии и Анд от Южной Колумбии до северных районов Чили и Северо-Западной Аргентины, не являясь при этом чем-то единым. Как и любой другой, этот язык дробится на немыслимое число сильно расходящихся диалектов и говоров с многочисленными особенностями, которые еще ждут своего исследователя. Часто случается, что кичуа из одних горных провинций плохо понимают речь соседей, но почти все горцы сходятся в утверждении, что говоры кичуа Орьенте, или аукас — «дикарей», для них непонятны вовсе. «Другой язык», — говорят они. Поэтому знающий человек всегда более или менее точно скажет, откуда пришел его собеседник, определив это по выговору.

Так, индеец с берегов Напо — напу-руна, эль-напу, спросит: «*Майман* ринги, уауки²¹³», тогда как человек с Бобонасы или Пастасы тот же самый вопрос задаст иначе: «*Майтата* ринги», так как для него смыслы первой и второй фраз слегка разнятся. Точно так же любой человек из восточных лесов вычислит горца хотя бы по тому, как он произносит какое-нибудь широко распространенное слово, например «тропинка». Саласака — так в лесах без разбору называют всех выходцев из района Сьерры — скажет «чаки *ньян*». А вот сача руна, объясняя дорогу, непременно употребит форму «чаки *ньямби*». Или, например, крестьянин из горной северной провинции Имбабура, зовя тебя копать картофель, прокартавит: «Аку *папатах хакингапа*». Этот гортанный акцент нельзя не узнать. Лесной индеец произнес бы эту фразу мягко, певуче: «Аку *папат' апингауа*».

Самые распространенные диалекты Востока — Бобонасы, Тены и Напо. На первом говорят в бассейне одноименной реки, в Пуйо и окрестностях. Вторым, с чертами говоров жителей Сьерры, распространен в Тене, а также в Арахуно и Ауано и является причиной насмешек соседей. На диалекте Напо говорят в основном вдоль берегов Напо и ее левого притока Суно.

..День клонится к вечеру, в котелке булькают платано. Шоколадно-коричневый поток с напором по-прежнему мчит мимо нашего лагеря, дрожа и закручиваясь водоворотами, унося в сво-

их струях листья деревьев, цветы, обломанные сучья и больших неосторожных муравьев. Но вода заметно спала. Под пальмовой крышей царит ленивая апатия, а ритмично раскачивающийся гамак, кажется, желает разбудить уснувший ветер. Мысли, словно в дреме, не оформившимися образами ворочаются под опущенными веками.

Неужели кто-то думает, что все это однажды исчезнет? Неужели замолчит язык людей? Неужели сельву наводнят поселенцы из центральных провинций? Нет. Пусть там, в далеких и таких неправдоподобно призрачных городах люди говорят по-испански. Но здесь, в лесах, будет звучать настоящий язык.

К чему разговор, если не умеешь произнести слов, что заставляют улыбаться Сача Супаи Уарми, пленяющую охотников своей нечеловеческой красотой и бесконечной мудростью? Зачем он, если лесной охотник Амасанга никогда не поймет тебя, а ты — его?

Нет, язык людей вечен. Время хранит немало историй, как руна шими покорял языки тех, других. Когда пришли инки, участь эта постигла племена Сьерры — каямби, такунга и многие другие. В лесах давно не слышно речи газ, симигаэ и андоа. Не слышно языка, на котором говорили не столь далекие предки моих проводников. А сейчас?.. Сейчас настало время некогда многочисленных — всего век назад их было двадцать тысяч человек — и могущественных сапаро, ведущих свое начало от двух куту — больших рыжих обезьян-ревунов, превратившихся в людей. От их брака родился Тситсано, женившийся на родной сестре и ставший могущественным знахарем. Видимо, с тех самых пор знахари сапаро славятся своим могуществом. Сегодня жалкие остатки некогда великого народа почти забыли, как звучит родная речь. Язык их еще знают менее десятка стариков, переживших времена каучерос — сборщиков каучука, а теперь доживающих свой век в лесах по берегам Пиндояку и Конамбо. Да, так тому и быть, но...

За общинами индейцев Орьенте сегодня закреплены обширные леса, в которых традиции, как правило, ставят выше закона. Большая часть земель это альта сельва, то есть «высокая сельва». Есть еще монтанья, лежащая западнее и выше над уровнем не-

видимого из-за гор Великого океана. Это места со сложным рельефом, где отдельные вершины перемежаются с непролазными, густо заросшими кебрадами и глубоко врезанными долинами шумных рек, а почвы менее плодородны, чем того хотелось бы человеку.

Еще есть земли к востоку от высокой сельвы, которую лишь иногда, в самые сильные паводки, затопляет поднявшейся водой. Плоскую равнину так и зовут — «низкая сельва». Баха сельва, уходящая под воду после дождей. Тут, особенно на возвышенностях водоразделов, властвует реликтовый лес, скрывающий десятки тысяч квадратных километров Амазонской низменности. Почва родит лучше, но некоторые растения, выращиваемые в монтанье и высокой сельве, тут или не приживаются, или не дают того богатого урожая, как в предгорьях.

Сегодня «крестовый поход» цивилизации на Восток кромсает вдоль и поперек общинные земли и души лесных людей, с каждым последующим годом отодвигая границу колонизации все глубже. Туда, откуда каждый день из-за леса восходит солнце.

Общины, чьи земли лежат вдали от многолюдных пуэблос¹⁴, как и прежде ведут традиционную размеренную жизнь, будучи почти изолированными от внешнего мира и его соблазнов. Прочие, оказавшись поблизости от ширящихся городов и новых дорог, втягиваются в чуждую действительность. Зачастую против собственной воли. Вот тогда появляются стада коров, а вещи делают лишь на продажу. Скот и земледелие колонистов-метисов быстро подрывают силы земли, обрекая людей, живущих лесом, на медленное, часто незаметное, но необратимое вымирание. Там, куда приходят колонисты, начинают процветать зависть, воровство, ложь и насилие. Вечные спутники дальних окраин цивилизованного — в европейском понимании — мира. Я не хочу сказать, что все индейцы до единого лишены подобных недостатков, но они встречаются среди жителей лесов значительно реже и открыто осуждаются соплеменниками. Зная все это, уже не удивляешься, когда не все, но некоторые общины всячески препятствуют приходу «прогресса» в любой из его многоликих форм.

Столкновение двух культур — традиционной и привнесенной извне не может не накладывать отпечаток на образ жизни и мыш-

ление людей. Взять, к примеру, манеру селиться тем или иным образом. Первые ощутимые изменения начались с приходом испанцев в шестнадцатом веке, не прекращаются они и сейчас.

На протяжении последних столетий лесные кичуа — в первую очередь это касается канело-кичуа — жили в основном разобщенными большими семьями, ставя свои уасы по берегам рек в некотором удалении один от другого. Так проще прокормить себя, не выбивая зверя и не сводя лес под чакры. Сегодня люди, по крайней мере, большая их часть, изменяют привычкам, стремятся жить скопом, в так называемых «сентрос» — центрах. Проще говоря, в маленьких «деревнях», соблазнившись близостью дороги, торговой лавки, школы с футбольным полем или скромным приходом католической миссии.

Все меняется. Менялось и прежде. Всегда. Время никогда не стояло на месте: новое привнесли инки, потом испанцы. Единственное существенное отличие происходящего сейчас — скорость. Современная жизнь меняется с особой поспешностью. По мнению стариков — к худшему, по мнению молодых — к лучшему.

---

¹ Бедная моя малышка, чем же она занята? Сидит на берегу и плачет, так же как и я (*исп.*).

² Объяснить происхождение названия реки кичуа так и не сумели. Однако индейцы шуар и ачуар связывают его с именем растения, на языках последних именуемого «пумбуна», а на кичуа «лисан». Помимо Бобонасы в этой части восточных лесов текут реки Пастаса, Копатаса и Тингиса, и в именах каждой из них присутствует корень «интса» из языков шуар и ачуар, адаптированный под испанскую фонетику, — окончание «аса». Причина этого кроется в том, что земли, на которых сегодня живут лесные кичуа, были заселены северными группами племен, говоривших на языках хиваро.

³ Чем мы займемся сегодня? (*кичуа Бобонаса*)

- ⁴ Куда ты идешь, Андрес? (*кичуа Бобонаса*)
- ⁵ Пойду посмотрю на реку (*кичуа Бобонаса*).
- ⁶ Пятнадцатидневная чича (*исп.*).
- ⁷ Словом «ауальяхта» — буквально «верхнее селение» — на Бобонасе называют всех городских жителей. Индейцы с Напо называют так кичуа из Сьерры.
- ⁸ Идите пить чичу. Столь характерное для жителей лесов смешение испанского языка и кичуа наглядно проявляется в этой фразе.
- ⁹ Если такое есть. Многие семьи живут и готовят под одной крышей.
- ¹⁰ Маисовая река (*кичуа*).
- ¹¹ Отпусти меня, отпусти меня: моя мать хочет поговорить со мной. Дай мне присесть, дай мне присесть: моя мать хочет поговорить со мной (*кичуа Бобонаса*).
- ¹² Справедливости ради замечу, что сегодня хоть и редко, но используют в речи название «алама» для обозначения кичуа, живущих близ Тены.
- ¹³ Куда идешь, брат? (*кичуа Напо*)
- ¹⁴ Поселки (*исп.*).

Глава четвертая

Охота на гуанту

*Ты удачлив. Редко можно убить столько гуант.
Я еще никогда не убивал столько за один раз.*

— Андрес, Андрес. Има пачат'ан?¹ — Голос Флавио. Непроглядная темень, холодно. Озноб пробирает даже в коконе спального мешка. Что-то снилось. Заспанными глазами пытаюсь разглядеть светящиеся фосфором стрелки на круглом циферблате часов. В глазах плавает. Наконец зрение возвращается. Ну, надо же, только половина четвертого. Мой проводник собрался идти вверх по реке проверить, нет ли в прибрежных зарослях гуант. Он опасается поспешить, а потому будит меня и несколько смущенно спрашивается о времени. Я единственный человек с часами на запястье, а потому все это повторяется из ночи в ночь. Честное слово, еще немного, и я начну просыпаться без помощи со стороны ровно за три часа до рассвета.

Зубы выбивают дробь, а в голове сонно ворочается одна-единственная мысль: за каким нехорошим делом этот очень нехороший человек тащит меня наружу из такого уютного спального мешка? Пронзающий холод воздуха в мгновение ока развеивает остатки сна, вызывая озноб, мурашками пробегающий по коже. Хотя в действительности температура вряд ли ниже плюс двадцати градусов.

— Флавио, хотел ты или нет, но теперь у тебя появился спутник.

Сами кичуа зовут зверька, выслеживать которого собрался Флавио, а теперь и я, люмуча. Но на Востоке более распространено

имя гуанта. Как говорится, «люмучата кастильяну шимиуига гуанта нин»². Другое название — пака, лучше известно среди зоологов, но здесь оно совершенно не в ходу. Этот крупный симпатичный зверек, обладатель больших влажных глаз, тонкой шкурки и коротенького хвостика, со спины темный, красновато-бурый, испещренный белыми пестринами и крапинами. Брюхо у него светлее, а конец довольно милой мордочки с крупными выдающимися вперед резцами обрамляют длинные, торчащие в стороны усы, которые служат зверьку для осязания. По ночам, независимо от того, льет ли дождь или небо в россыпях немигающих южных звезд, гуанта вылезает из нор, сырых, выгнивших изнутри упавших стволов лесных гигантов, где отсиживалась днем, и по наторенным тропинкам отправляется жировать. Она роется в подстилке, отыскивает упавшие фрукты и съедобные корни. При этом частенько забредает на чакры и «помогает» хозяевам собрать часть и без того не богатого урожая. Особую слабость гуанта испытывает к плодам фикусов и некоторых пальм. Вспахивая в поисках пищи толстый слой гниющей листвы, грызуны пускают в ход не только лапы, но и зубы. Их не останавливают даже довольно толстые корни. Охотники говорят, что гуанта, лишенная возможности спастись бегством, кидается на собаку, даже на человека, и может сильно покусать. Впрочем, приступы отваги случаются редко, и в большинстве случаев зверьку уготована участь быть съеденным...

..Затянутое облаками небо, кажется, навсегда забыло про блеск далеких звезд незнакомых созвездий. Лес, обычно живущий множеством голосов до полуночи и перед рассветом, погружен в тишину. И только неутомонный хор жукада да кузнечиков окутывает тебя едва ощутимой густотой звука. Взрывается в голове салатovým фейерверком стрекота.

Ни дуновения ветерка, ни шороха листьев. Монотонный шепот воды на реке. Пятно фонарика плывет в подлеске, а вместе с ним и мы медленно ступаем вдоль каменистого русла по едва заметной тропе, которая от окружающей чащи отличается лишь тем, что вывороченные стволы деревьев встречаются здесь немного реже, чем чуть правее или левее. Летучие мыши — «птицы ночи», — сбитые с толку прыгающим в ночи желтым зайчиком, вырываются из

небытия и, едва не задев крыльями наши лица, с характерным «шу-шу-шух» тут же исчезают, чтобы спустя несколько минут прозрачным видением вновь прощмыгнуть перед самым носом, заставляя невольно вздрагивать. Медленно, очень медленно и почти бесшумно продвигаемся вперед, тщетно шарим лучом по спутанным лианам, веткам и кажущимся плоскими декорациями древесным стволам. Внезапно шагах в десяти вспыхивает пара маленьких, словно булабочные головки, глаз. Но это всего лишь крыса-укучу, которых здесь много. Подслеповато глядя на нас, она застыла на месте и даже не пытается убежать. Яркий свет в ночи лишает страха, манит и завораживает. Уходи, мы не тронем тебя... Увы, на этот раз ночная прогулка по лесу не принесла ничего, кроме желания вернуться в лагерь и продолжить так некстати прерванный сон.

Рано начавшийся день получает продолжение вскоре после рассвета. На восходе тучи растаяли, а к половине десятого солнце уже немилосердно жгло кожу, стоило только выйти из вечной тени деревьев на речной галечный пляж. Не желая примириться с неудачей, Флавио предлагает тщательно обследовать ближайшие окрестности пурины. Проводник уверен: неподалеку можно отыскать одно из тех мест, куда гуанты с наступлением ночи приходят лакомиться осыпающимися плодами. Лес вокруг прорезан тропами зверьков, тянущимися во всех направлениях. А попутно есть шанс встретить еще кого-нибудь, например маленькую чанца, неспешно прогуливающуюся днем в подлеске. Словом «чанца» канело-кичуа называют один из видов агути, другое имя которого, чаце звучащее здесь, на Бобонасе, — уатин.

Мы съели уже не одну паку, но мне так ни разу и не пришлось участвовать в охоте на нее. Несколько неудачных ночных походов, включая последний, в расчет брать не стоит. А увидеть весь процесс, от начала и до конца, хочется: одно дело слушать рассказы, и совсем другое узнать все на собственном опыте.

Умывшись и кое-как позавтракав, втроем мы направляемся на юг от большой реки. Для меня остается загадкой, каким образом проводники ориентируются в монте, где нет ни заметных троп, кроме набитых животными, ни других явных ориентиров. Должно быть, знаками им служат солнце над головой и разветвленная сеть мелких ручьев, текущих в густо заросших, кое-где за-

валенных упавшими деревьями кебрадах. Спрашиваю. Оказывается, на стволах деревьев, если присмотреться, видны старые зарубки, сделанные мачете, да трава кое-где порублена месяц или два назад. Это и есть тропа, которая бежит то вверх, то вниз. Выбираемся на участок, где все листья словно выпачканы темно-бурыми, черными пятнами, некоторые пожухли и опали. Это супаи ишпа — «уборная» лесных чертей...

Вот оно! Можно подумать, Сача Уарми ниспослала нам удачу. В получасе небыстрой ходьбы от лагеря, если выдерживать направление и не петлять, мы набредаем на утоптаный пяточок в лесной подстилке метров десять — двенадцать в поперечнике. Здесь не осталось ни единой зеленой травинки, зато в изобилии валяются осыпавшиеся сине-черные плоды пальмы-унгурауа размером с дикую сливу и с большой косточкой внутри. Именно сюда сходятся окрестные зверьки, когда ночь выползает из дупел и щелей белых истуканов. В подтверждение этого на клочке влажной земли Флавио отыскивает несколько отпечатков лап.

Следы гуанты очень характерны, и их не спутаешь ни с чьими другими. У взрослого животного длина отпечатка передней пятипалой лапы с длинными тонкими пальцами и когтями составляет около пяти с половиной сантиметров. Ширина — на полсантиметра меньше. След задней четырехпалой лапы чуть крупнее. Когда гуанта никуда не спешит, то расстояние между отпечатками около двадцати сантиметров. Старший проводник еще раз внимательно осматривает место и наконец сообщает о своем решении: надо строить скрадок.

Люмуча чутка, и у нее неплохое зрение. Поэтому тарима, или скрадок, охотники обычно устраивают над землей. Поодаль, шагов за сорок от обозначенного места, срубается жердь длиной метров пять и по возможности глубоко втыкается или врывается в мягкую почву сантиметрах в пятидесяти от ствола какого-нибудь небольшого стройного дерева. На высоте поднятой ноги лианой привязывают поперечину, на которую охотник опирается, забираясь наверх. Вторую поперечину, уложенную в развилку жерди на верхнем конце, также закрепляют куском лианы. После этого чуточку ниже привязывается третья перекаладина: будет удобнее сидеть, опершись спиной на ствол дерева.

Наконец скрадок построен. Ничто вокруг не выдает того, что несколько минут назад здесь рубили, вязали, водружали и закрепляли. Ни стружки, ни обрывка лианы — ничего. Все выглядит так, словно нас и не было. Тарима теряется в зеленой мешанине листвы и солнечных лучей, кое-где пробивающихся сквозь высокий, почти непроницаемый полог. Остается дожидаться вечера и вновь испытать судьбу.

Не спеша, плавно ступая друг за другом, мы возвращаемся к лагерю обсохшей протокой, шурша мелким, словно пыль, серым песком. Лишь изредка перекидываемся фразами, когда кто-нибудь замечает свежий след оленя-таруга или «юковой свиньи» лому кучи — ошейникового пекари. Этот иногда ходит и в одиночку, и по четыре или шесть голов, в отличие от своего более крупного родственника — уагра уангана. Тот кочует по сельве огромными стадами в несколько десятков особей.

Внезапно Блас оживает и, не сдержав волнения, спешит вперед. Вскоре в одном из своих шести силков он находит маленькую горлянку-урпи. Точнее, то, что от нее осталось — обглоданную и кровящую половинку тушки с отъеденной головой и грудкой. Легкий ветерок, обычно поднимающийся к полудню при ясной погоде, развеивает и уносит вдаль винного цвета перышки, а на влажном песке отпечатались круглые лапы дикой кошки-танчима, или тигрильо.

Еще утром Чунчу что-то мастерил неподалеку от лагеря, но тогда я не обратил на это внимания. Оказывается, он ставил силки. Как и рассчитывал младший из проводников, птица прилетела кормиться осыпавшимися на землю семенами и попала в петлю. Трепыхания и взрывные хлопки крыльев привлекли внимание небольшой дикой кошки, которую кичуа зовут аталья пума. Следы оной не раз и не два попадались мне вблизи пурины по утрам. Нередко всего в двух десятках шагов от костра. В этот раз тигрильо успела отгрызть только верхнюю половину горлицы, но, услышав приближавшиеся звуки шагов, поторопилась скрыться, умчавшись отмелью вниз по реке. Мы разминулись на мгновение.

Интересуюсь у Бласа, как он ставит свои петли. Чунчу отвечает с удовольствием: мальчишка не упускает случая продемонстрировать свое мастерство. Флавио как старший охотник лишь улы-

бается. Он полагает, что ловить горлиц петлями — забава для детей. Это, впрочем, не мешает ему позднее с благодушной улыбкой на смуглом лице обсасывать мясо с костей голубей, запеченных в майту.

Итак, силок. Взмахом мачете срубается тонкий гибкий прут длиной два — два с половиной метра и втыкается в землю. К его вершине привязывают нитку приблизительно той же длины. Тонкие лианы не годятся, так как недостаточно прочны на разрыв, а те, которые потолще — чересчур грубы. В середине нити петель закрепляется тонкая пятисантиметровая палочка. Отдельно взятая рогулька устанавливается сбоку от тропы развилкой вниз. Нитка с палочкой вертикально заводится за рогульку и прижимается к ней сторожком — тонким прутиком длиной сантиметров двадцать. Поверх него петлю расправляют таким образом, чтобы нить не свешивалась за края прутика-сторожка. Все, силок готов и настрожен. Стоит горлинке или другой птице едва задеть или наступить на горизонтальный сторожок, как палочка-зажим выскакивает из рогульки, а петля, вздергиваясь, затягивается на лапке или шее добычи. Если необходимо, можно ограничить ширину тропинок, по которым бегают горлицы, вертикально воткнув веточками, переплетя их широкими листьями дикого бананакуан — платанильо. Терпеливо наблюдая за тем, как я ставлю силок, Блас попутно замечает, что полудюжиной петель за день, если повезет, ловятся четыре горлицы или даже больше. Тогда, правда, нужно регулярно приходить и вынимать попавшихся птиц. И действительно, в будущем мы частенько обедали тремя-четырьмя голубями.

Пойманных птиц — их предварительно раз или два сильно ударяют головой о ствол дерева или камень — кичуа никогда не ощипывают левой рукой. Только правой, ибо охотники говорят, что иначе петли «испортятся». В этом есть доля истины. Во всяком случае, мой единственный силок, после того как я пренебрег сей рекомендацией, пустовал несколько дней, а под конец его и вовсе смыло ночным паводком.

Лесные кичуа в целом и мои проводники в частности суеверны. Ворования — их естество, часть повседневной жизни. Когда дело касается охоты, они верят, что встреча с анакондой во время

выслеживания зверя — очень плохой знак. Дурно бессмысленно убивать змей, лесных кошек, жаб, маленьких птичек — вообще все живое, если оно не будет использовано в пищу, не пригодится в хозяйстве или же не пойдет на украшения. Исключение составляют ночные бабочки — тута пури, «бродящие ночью», которых индейцы безжалостно истребляют при всяком удобном случае, но только не руками. Говорят, что пыльца с крыльев и волоски с тельца тута пури — причина разных болезней. Есть и еще несколько исключений — комары, мошки-аренильяс, слепни-тауана и огромные муравьи льютури.

***

Что касается суеверий и поверий, то на память мне приходит случай с лесными черепахами. Как-то Флавио возвратился в лагерь незадолго до темноты сильно уставший, но довольный. За спиной у него висела тсаута — большая лесная черепаха килограммов на пятнадцать. В руке он держал другую, но раз в десять меньше. Решили ни одну из них не отправлять в котел, и причиной тому было следующее соображение. Оказалось, что большая черепаха — самка, а посему Флавио рассчитывал дожидаться сезона размножения, чтобы собрать отложенные ею яйца. Еще одна причина заключалась в отсутствии у нас ножа, а без него мы не могли вырезать маленькую черепашку из ее панциря. Мачете тут не годится. И теперь надо было скорее позаботиться, чтобы пленницы не сбежали.

Те, кто держит дома черепах или хорошо знаком с их нравами, подтвердят, что, вопреки расхожему мнению, совсем недостаточно перевернуть рептилию на спину, чтобы лишить ее шанса на побег. Тут надо придумать нечто более изощренное, иначе черепаха, настойчиво шевеля ногами, в конце концов, сумеет зацепиться когтями за какую-нибудь неровность, неуклюже перевернется на брюхо. И — поминай, как звали. Зная это, канело-кичу придумали особое приспособление. Для себя я окрестил его «станком инквизитора». Цель проста: замуровать черепаху в собственном панцире.

Метод несложен, но действенен, как и все, что делают индей-

цы — люди в высшей степени практичные. Флавио, не теряя зря времени, ловко — спереди и сзади — в естественные пазы поперек панциря плотно подогнал два деревянных обрубка и туго связал их между собой куском лианы. Теперь черепаха, даже если бы и пожелаала, не сумеет высунуть ни голову, ни ноги. Осталось только подвесить ее на шесте повыше от муравьев и прочих мелких любителей черепашого мяса. На все про все Флавио потребовалось минут десять. У второй черепашки, избежавшей смерти лишь благодаря своему небольшому размеру, проводник кончиком мажета просверлил в задней части нижнего щитка панциря отверстие, в которое продел другой кусок лианы и привязал свободный конец к уже болтавшейся на шесте подруке по несчастью.

Но мне черепахи запомнились не этим. Пока Флавио возился с пленницами, я поинтересовался, не надо ли их покормить. Подразумевавшийся краткий ответ неожиданно вылился в длинную реплику, смысл которой сводился к тому, что, согласно бытующему поверью, тсауата может прожить без пищи пять лет. Чтобы не умереть с голоду, она, бродя по лесу, ест одну лишь землю. Я позволил себе усомниться в таких невероятных способностях черепах, о чем не преминул сказать Флавио. Тот оказался в явном затруднении. Но, как не раз бывало прежде, индеец нашел потрясающее объяснение. Лично он, Флавио, никогда не проверял возможность тсауата сидеть на земляной диете. Более того, не собирается делать этого и впредь. Он не знает, может ли животное прожить без пищи пять лет, но что за неделю оно не умрет от голода — уверен. Черепах кормить не стали, но они все же благополучно прибыли вместе с нами в parroquia. На радость Энано — самому младшему на тот момент сыну Флавио, который долго еще таскал маленькую черепашку на привязи.

Старый Лес пронизан поверьями и легендами, из которых рождаются разнообразные предписания. Сама обстановка словно нарочно способствует этому. Но сегодня лишь немногие соблюдают их беспрекословно; большинство же следует им время от времени, объясняя это настроением или вообще никак не обосновывая. Есть люди, которые не просто умеют толковать сны, но делают это лучше других, и их объяснения бывают более точными. Кроме того, в своих снах они могут в определенной степени предугадывать буду-

щие события. Если это женщина, а в большинстве случаев так оно и есть, ее зовут синчи мускуйюх уарми, а если мужчина — синчи мускуйюх руна³.

Канело-кичуа далеко не единственные лесные индейцы, чья жизнь изобилует множеством наставлений на любой случай, убеждениями и ограничениями.

Однажды мне довелось говорить с человеком, длительное время жившим среди кофан. Лингвисты относят это племя не к андоэкваториальной семье, как кичуа, а к макро-чибча; даже язык — а'ингае — не имеет с кичуа ничего общего, кроме некоторых заимствований. Сами себя кофан называют а'и — «люди». Существует вполне правдоподобная версия, объясняющая, что широко распространившееся имя «кофан» происходит от названия одной из рек, на берегах которых они жили. Путаница произошла, как это не раз случалось в истории, при первых встречах с испанцами, когда на вопрос: «Кто вы такие?» пришельцы слышали в ответ: «Кофа На'эсу а'и» — «Мы люди с реки Кофа На'э». Сегодня река Кофа На'э — один из самых больших притоков Напо — носит название Агуарико. Несмотря на все различия, и лесные кичуа, и кофан живут в сходных условиях и в смежных районах с давних пор оказывают влияние друг на друга, в том числе и через браки. А потому у них общего гораздо больше, чем можно было бы предположить.

— У кофан в Южной Колумбии я в общей сложности прожил год и восемь месяцев, — начал мой знакомый, имени которого я называть не стану. — Привели меня к ним двое друзей, тоже а'и, но из соседней общины. Надо сказать, что по ту сторону границы они лучше сохранили свои обычаи и традиции. Намного лучше, чем здесь, в Эквадоре. Так вот, пришли мы к ним, но встретили нас несколько странно: не подали рук и не разрешили ни к чему прикасаться. Ну, думаю, ладно. В конце концов, я здесь как раз для того, чтобы узнать их получше. Нас проводили в дальнюю половину большого дома, где разрешили жить и готовить себе пищу. Один день мы так прожили. На другой вечер — я был удивлен — мне предложили гамак в общей половине. Сказали, что все в порядке, и я могу теперь спать вместе со всеми. Ночью мне приспичило по малой нужде. Я встал, вышел из дома. Только пристроил-

ся, слышу — шорох, лучик фонарика вспыхнул. Не спали, оказывается, мои хозяева. Говорят: нет, здесь мы ходим, здесь нельзя мочиться; иди вон туда...

Через какое-то время я узнал причину предосторожностей, с которыми меня встретили в первый день. Оказалось, что кофан не разрешали мне ни к чему притрагиваться, так как убеждены, что зло — огромная сила, и если человек пришел с плохими мыслями, он может навредить дому, беременным женщинам или маленьким детям. Кован уверены, что злой человек «высасывает» душу из еще не родившегося младенца, и тогда малыш появляется на свет уже мертвым. И даже после того, как мне сказали, что я — «свой», все-таки они продолжали приглядывать за мной и не раз поправляли, если я с их точки зрения делал что-нибудь неправильно...

Но вернемся к кичуа. Сача руна, по крайней мере, представители старших поколений, живут в мире, неотъемлемой частью которого являются сны. В их умах они сливаются с представлениями о лесе, реках, верой в верхний и нижний миры. В противоположность белым, которые считают единственно реальным то, что видят во время бодрствования, кичуа отводят сновидениям весьма важную роль. Сны указывают им, как поступить, предостерегают и дают добрые советы. случается, что по утрам муж с женой обсуждают приснившееся и намечают планы на день и ближайшее будущее, исходя из толкования сновидения. Охотники в дальнем монте относятся ко снам с еще большей серьезностью.

Приснилась амарун — не жди хорошей охоты, а еще лучше держись подальше от реки, ведь у воды можно повстречаться с большой змеей. Другое толкование этого сновидения — скорая женитьба или встреча со знахарем.

Если во сне видел ягуара, то это к встрече с сильным, храбрым человеком. Ни в коем случае нельзя преследовать приснившееся животное — в дом придет несчастье. Увидел во сне, что рыбачишь крючком — тебя укусит ядовитая змея. Когда снится, что ловишь маленьких зеленых попугайчиков-перрико, иначе уичу, или же черепашку-тсауата, то это свидетельство того, что оставил какую-то женщину беременной. Если же видел во сне обнаженную девушку, целовался с ней или занимался любовью, то это очень хороший знак, предвещающий удачную охоту. Считается предупреж-

дением о грядущем дальнем путешествии, когда стреляешь в воздух из ружья или трубки-бодокеры; этот сон единственный, верность которого Флавио испытал на себе. Приснился негр — значит, в лесу встретишь обезьян-куту. О том же предупреждает и сон, в котором видишь горца и здороваешься с ним за руку. А если видел мертвеца или нес череп — набредешь на семейство сахино. Самым же страшным предзнаменованием считается видеть во сне, как трясется земля: это означает, что умрет кто-то из самых близких родственников.

Со снами связан и обычай индейцев курить табак. Дымом охотники завлекают в свои ночные скитания духов животных. В прежние времена табак для этого выращивали на чакрах. Теперь в местах, расположенных неподалеку от границы колонизации, все чаще покупают сигареты в лавке. К тому же, по словам Флавио, курение по вечерам в монте отгоняет от тела болезни леса и злых супаи. Выкурившего сигарету человека не донимают комары-санкудос и кусачие мошки-аренильяс. По моим наблюдениям индейцы, живущие в монте, не привыкают к табаку, и курение не входит у них в привычку, чего нельзя сказать о метисах с большой долей белой крови и о немногих белых, волею случая заброшенных в леса.

***

Тихий вечер, без ветра и дождя. Если бы Флавио только заподозрил, что с наступлением сумерек начнет лить как из ведра или хотя бы чуть накрапывать, он ни за что не пошел бы в засидку. Не в том дело, что гуанта боится мокроты. Прожорливому грызуну как раз все равно, но вот охотнику в шуме падающих капель шорох приближающегося зверька не расслышать.

Хорошо и то, что нет луны. Когда ночное светило на небе и светло почти как днем⁴, все лесные обитатели разбредаются по своим логовищам и норам. «Уходят спать», — говорит Флавио. Почему — никто толком сказать не может. Просто так есть, и охоту надо планировать исходя из этой привычки, которая справедлива и в случае с венадо — большим таруга и маленьким ушпиту, и с девятипопаясным броненосцем-качикамбу, и с гуантой, и с множеством других животных.

За полчаса до того, как ночь пришла под полог леса, все уже на месте. Еще раз убеждаемся в прочности скрадка. Справляем в стороне естественную нужду, чтобы резким запахом мочи не отпугнуть гуант, по очереди забираемся наверх. Сначала Флавио, затем я. Блас, поджав ноги к подбородку, ерзая, устраивается неподалеку на соседнем дереве.

Ночь наваливается внезапно, и звуки минувшего дня затихают с каждым мгновением. Уже уснули крошечные колибри, и говорливые ярко-зеленые попугайчики лорито, или кали-кали, затерялись в сумеречных кронах. Цвета уходят, и лес у земли погружается в буровато-серую мглу, которая быстро сгущается. Совсем скоро призрачным туманом она выскользнет в небо и окутает собою весь мир.

А пока... на умопомрачительной высоте, где заходящее солнце освещает последними лучами верхушки учу путу, словно средневековые донжоны возносятся над пологом, разметав по сторонам огромные кроны в несколько десятков метров шириной, еще бегают по веткам маленькие черные обезьянки щильтипу, прозванные также чичику, или моно лечуро. Последнее прозвище зверьки заслужили за седоватые волосы на конце мордочки: как будто перепачкали ротки в молоке. А внизу, у исходящей запахами сырости и прели земли, уже неуверенно порхают первые сумеречные бабочки и летучие мыши, вылетевшие на вечернюю охоту.

Окончательно темнеет. Откуда-то появляется один комар, следом за ним второй, третий. Беззвучно — писк крыльев теряется в разноголосых переливах цикад и сверчков. Птицы смолкли. Темнота кромешная. Темно настолько, что не видно даже собственной ладони, поднесенной к кончику носа. Слышны только шорох осыпающихся плодов да скребущий шум падающих листьев. Где-то внизу, в четырех метрах под ногами едва заметно, тускло светятся белым укуча нина — гнилушки, почти перепревшие и смешавшиеся с палой листвой. Раз или два Флавио мерещится, будто гуанта копает землю совсем рядом, ищет плоды. Тогда луч фонарика разрезает осязаемую кожей ночь, шарит по кругу, замирая на мгновение то здесь, то там. А стрелки на часах ползут, подбираясь к половине одиннадцатого. Начинает казаться, что и на сей

раз охота не принесет нам ничего, кроме нескольких комариных укусов.

Внезапно луч фонарика выхватывает пару глаз, предательски светящихся во тьме. Гуанта! А я даже не услышал, как она подошла. Флавио весь внимание: привычным движением он медленно поднимает к плечу ружье и, продолжая слепить зверька, большим пальцем взводит курок. Удача: боек разбивает капсулю с первого раза. Грохот выстрела, и гуанта, судорожно метнувшись в сторону, падает замертво, подкошенная снопом крупной дробы из ржавого ствола шестнадцатого калибра.

Стремительно развивавшиеся события настолько поглотили наше внимание, что ни Флавио, ни я даже не вспомнили о Чунчу. Младшего же проводника между тем сморило, и, очнувшись после выстрела, он едва не упал с «наседы», пережив не самые приятные мгновения в своей жизни.

Убитый зверек — старый самец, тянет килограммов под десять. Его возраст столь почтенен, что крупные грязно-желтые резцы заметно выдаются вперед, а щеки кажутся впалыми из-за чрезмерно развитых скул. Уже возвратившись в лагерь, снимаем с рыжей в белых мазках шкуры восемь круглых, насосавшихся крови клещей. Быстро раздуваем тлеющие угли и до полуночи опаливаем нашу добычу, соскребая клинком мачете жиденькую обгоревшую шерсть. Аромат жженого волоса с клубами красно-белого, неверного в отсветах костра дыма поднимается под крышу, чтобы скатиться вниз и выползти из уаши, растворившись в пропитанной влагой, оцепеневшем в ночной прохладе лесу. Потрошить тушку и коптить мясо — эту работу мы отложим до утра, а теперь пора спать.

Историю с гуантой на этом можно было бы считать оконченной, однако на другой день она получила неожиданное развитие.

Утром я проснулся позже всех и удивился напряженной тишине, висевшей над лагерем. Никто не оглашал наше жилище монотонными импровизациями на тему «палома бланка, бланка палома-а-а...»⁵ с шутивным кичуанским выговором, в котором «о» нарочито подчеркнуто звучит как «у». Поначалу мне показалось, что проводники куда-то ушли. Впрочем, приподнявшись на локтях, я заметил Флавио, с котелком в руке взбиравшегося от реки.

Насупленная фигура Чунчу маячила чуть поодаль, и несвойственная ему молчаливость указывала на разразившуюся недавно бурю.

Дело было так. До рассвета еще далеко, а, воодушевленный удачной охотой накануне, Чунчу уже проснулся. В абсолютной темноте, прихватив ружье Флавио, он отправился на чакру выслеживать «свою» гуанту. Место ему приглянулось удачное, так что не прошло и часа, как к благоухавшей на земле грозди спелых платано пришел опоссум, или тсиник, как его зовут кичуа. По известным одному Бласу причинам, он разрядил в зверька один из четырех оставшихся у нас патронов. И не промахнулся. Трагикомичность ситуации заключалась в том, что опоссум — он же сорро, или рапоса по-испански, — не считается завидной дичью из-за неприятного вкуса мяса, и ни один кичуа с Бобонасы не станет есть его без крайней нужды⁶. Узнав, как был истрачен драгоценный патрон, Флавио отправил младшего проводника прочищать веточками кишки принесенной ночью гуанты. Занятие не бессмысленное — кишки тушат и едят, — но скучное. Однако этот, вполне заслуженный, нагоняй подпортил Чунчу настроение только до полудня: уже за обедом он смеялся и шутил даже больше прежнего, поглощая подгоревшие, а оттого чуть горчившие печеные потроха.

---

¹ Андрес, Андрес. Который час? (*кичуа Бобонаса*)

² На испанском люмуча гуантой зовется (*кичуа*).

³ Буквально «женщина с сильными снами» и «мужчина с сильными снами» (*кичуа Бобонаса*).

⁴ Ясные и очень светлые ночи в полнолуние, а также незадолго до и после него канело-кичуа зовут пунчашина килья тута — «ночь, светлая словно день».

⁵ Голубка белая, белая голубка... (*исп.*)

⁶ Есть местности, где опоссумов добывают так же, как и прочих животных, и употребляют в пищу. Примером могут служить кичуа из окрестностей Тены, славящиеся тем, что едят все подряд без разбору, включая змей.

Глава пятая

Лесное «мясо»

*Хорошего охотника мы называем айча аших руна
Это значит «человек, который приносит мясо»*

По Умугпи¹ — небольшому каменистому и извилистому левому притоку Бобонасы — мы поднялись еще накануне, заночевав на свежей расчистке.

Утро туманное и тихое: мириады капелек, парящих в воздухе, а сквозь них, через кроны пальм пробиваются первые солнечные лучи нового дня. Каждый лист фибры, склонившийся под тяжестью влаги к земле более обыкновенного, вмещает на кончике миниатюрный бассейн, сверкающий в отраженном и преломляющемся свете. Паутина, подвешенная под самым коньком крыши, мерцает и переливается всеми цветами арко ирис — радуги, от красного до фиолетового.

Совсем не хочется вылезать наружу. Желание это, вначале робкое, усиливается по мере того, как сон уходит прочь. С каждой минутой я все четче осознаю себя проснувшимся в гамаке. Но, и это выяснилось только ночью, гамак оказался чересчур коротким, к тому же плохо сплетенным, и улечься в нем по диагонали — обычная практика — никак не получалось. Теперь же пробуждающийся мозг отказывается мириться с жестокой действительностью. А она недвусмысленно подсказывает, что вставать рано или поздно придется. Но пока я лежу и, пробурчав традиционное «буэнос диас»², начинаю приставать к проводнику с вопросами. Вопросов у меня с каждым днем, проведенным с индейцами, накапливается все больше и больше.

— Флавио, почему ваши женщины всегда едят отдельно от мужчин? — задаю я первый вопрос, давно интересовавший меня.

— Традиция, — говорит. — Сейчас все так живут. Раньше — уй! очень давно — еду клали в одну большую миску и ели руками. Охотник, который принес мясо, приглашал всех родственников. Семья усаживалась на землю кругом, столов тогда не было. Женщины и дети с одной стороны, мужчины с другой. И все ели. Пищу клали на листья платано. Каждый брал себе сколько хотел. А что теперь? Дети — «омбрес дель гран мундо»³. Не поставишь каждому по тарелке или ложки не дашь — так вообще есть не станут.

— А хозяин кто в доме? Мужчина или женщина?

— Хозяин всегда мужчина. Есть, правда, и такие, кто дает заправлять своим женщинам. Но их совсем мало.

В том, что хозяин в доме мужчина, сомневаться не приходится. Когда женщина забывает об этом, она получает хорошую оплеуху от мужа. Происходит это не часто и обыкновенно случается после праздника, когда все находятся в изрядном подпитии.

— Послушай, — не унимаюсь я, вспоминая о приобретении во временное пользование каноэ, — объясни мне, раз главный в семье мужчина, то почему деньги за каноэ я отдавал матери твоего отца?

— Потому что это ее каноэ. Она его сама купила, и теперь оно принадлежит только ей. Так вот, Андрес.

Флавио явно не расположен продолжать беседу в этот ранний час. Но мне завидно смотреть, как он, подпирая одной рукой голову, удобно устроился на импровизированном ложе из двух связанных между собой в виде лотка листьев фибры. Я улыбаюсь и продолжаю.

— Ответ все же, почему вы, кичуа, — иматат' ашкка микунги-чи — так много едите. В самом деле, нельзя же все время жевать?

— Такие мы, Андрес. Едим много, работаем много. — Говоря это, он потягивается и смачно зевает. — Колумбийцы тоже едят много. А вот в Перу едят совсем чуть-чуть, как ты. У них правительство продает патроны очень дорого, не то, что у нас. Поэтому они охотятся силками, ими много не наловишь. А у нас патроны дешевые. Мы стреляем да едим. Много, очень много. Если есть не будем, то умрем.

Зашевелился Чунчу. Он, как и Флавио, спал на листьях, а потому чувствует себя превосходно, много лучше меня. Они оба бодрые, для меня же перевернуться с затекшего бока на другой и не выпасть из гамака — сегодня целая проблема. Между тем выясняется, что в три часа ночи, когда я все же сумел задремать, они ходили вверх по обмелевшему руслу, но никого не видели. Вернувшись незадолго до рассвета, охотники улеглись спать.

Радуюсь появлению новой темы для продолжения беседы, спрашиваю обоих, кого они рассчитывали встретить в столь ранний предрассветный час. Гуант, пава-де-монте? Флавио вздыхает и пускается в объяснения, как, когда и на кого следует охотиться. Он не теряет надежды хоть немного научить меня, гринго, жить в лесу и говорить на языке людей.

— Утром мы охотились не только на пава. Пока еще совсем темно, ты можешь встретить многих животных. Гуанту, уатина, броненосца. А можешь пробродить до самого рассвета и совсем никого не найти.

— А как охотятся на пава?

— Вера пуэ...⁴ по-разному, — Флавио тянет слова, обдумывая, как продолжить. — Много есть способов. Утром, до рассвета, идешь в лес. Пава спят высоко на деревьях, и когда светает, начинают шепуршиться в листве, перелетать с ветки на ветку, кричать. Ты ходишь, смотришь, слушаешь. Как услышишь, начинай кричать, как они. Пава любопытная и совсем глупая. Подлетит посмотреть, кто это шумит, тут ты ее и стреляй. Бывает, что прилетают сразу две. Тогда после выстрела одна птица упадет, а другая чуть отлетит и спрячется в кроне. Если быстро перезарядишь ружье, сможешь убить и вторую. Но чаще не успеваешь. Пава хоть и дура, но жить хочет. Увидит, что ты зашевелился — немедленно улетит. Так-то, Андрес.

— Аа-а, щина, — прилипчивое словечко слетает с языка и начинается, как если бы сказать «так, ну и что дальше?».

— Аа-а. Еще есть способ. Когда созревают какие-нибудь плоды, все птицы, не только пава, прилетают их есть. Тогда совсем просто. Я иду, нахожу дерево, ну, к примеру, с маленькими фиолетовыми ягодами, мы их пайя муйю называем, или другое — уамбула, и жду пава под вечер. Стреляю их перед закатом, потом ночью там же, а утром пава снова прилетят. Хорошая охота.

— А какие пава есть в монте здесь, на Бобонасе?

— Есть разные. Я знаю паухиль, которую мы называем пауши. Это самая большая пава. Самая большая из всех, на кого мы охотимся в монте. Еще ее зовут пава реаль. Она как курица, даже больше, вся черного цвета и только крылья белые.

Есть еще карундзи, или пава ронка. Эта самая обычная. Встречаешь их всегда по три-четыре. Если они испуганы, то взлетают и кричат, как собаки, когда те дерутся. Сверху карундзи черноватые, живот цвета кофе. На груди перья вроде как немного розоватые становятся или красноватые. Какие еще есть? Пауа есть. Эта размером с карундзи. Слышал, вечерами иногда кричит: «Паааа-уа, паааа-уа». Еще я знаю уатараку. Эта, уатараку, самая маленькая, цвета кофе и рыжеватая маленько. Ее тоже за голос называли: когда она испугана, то громко орет «уатараку-уатараку-уатараку». Вот так, Андрес.

После короткой паузы я перевожу разговор в новое русло:

— А как охотятся на гуанту, кроме как с тарима?

— Тоже по-разному. Если у тебя есть собака, которая приучена к охоте, то с собакой. Когда нора гуанты близко от реки, то она пугается собаки, выскакивает и бежит к воде. Тут она может затаиться. Запоминай. В этом месте, на берегу, ее и поджидаешь. Иногда пятнадцать минут, иногда с полчаса. Люмуча очень хорошо плавает, нырять может. Как спрячется в воде — только нос сверху и торчит. Очень трудно заметить. Особенно если травы много по берегу. Но гуанта может и на другую сторону реки уйти. Тогда тебе ее ни за что не догнать. Там она выберется на берег выше или ниже по течению, и поминай, как звали. Даже собака не отыщет.

Ну а если собаки нет, приходится охотиться как я: строить тарима на дереве в местах, куда гуанта есть ходит. Иной раз мы ставим ружья на тропках. Это совсем просто. Ты только смотри: ружье надо крепить на локоть от земли. Люмуча маленькая, во-о-от такая вот. А вообще-то гуанту стрелять легче всего, ее много в лесу. И мясо это нам больше всего нравится. Ты сам пробовал, знаешь. Эс муй рико пара комер, — очень вкусно. Тут, на Бобонасе, не всегда есть гуанты. Сейчас, в августе самое время стрелять их. Много молодых, которые держатся у воды. Потом они уйдут вглубь леса, а там на них охотиться трудно. Но я слышал, что в других

местах, на Курарае или даже на Бобонасе, но ниже Сараяку, у Монтальво, где река уже течет медленно, — там гуант все время стреляют.

На сем разговор прерывается. Время позднее, пора вставать, раздувать костер, умываться и печь оставшиеся зеленые платано. Позже все трое пойдем ловить рыбу: у нас закончился почти весь провиант, что мы захватили с собой. Флавио рассчитывал вернуться на большую реку в два дня. Но утром на отмелях и по оголившемуся дну он нашел множество свежих следов гуанты и отпечатки копытцев венадо, а в одном месте напал на следы ошейниковых пекари-сахино. Вода продолжает убывать. Все больше и больше ширятся песчано-илистые пляжи и выпячиваются крупные валуны перекатов. Кромки кос, на которых тут и там скопились лужицы воды, покрылись стежками-крестиками следов маленьких куличков с пронзительными голосами, похожих на перевозчиков и называемых на кичуа яку пишку — «водяная птица». Бродя по руслу, иногда наткнешься и на довольно крупные отпечатки лап апангура пумы. Так канело-кичуа называют енота-крабоеда. По ночам этот небольшой зверек размером с обыкновенную лисицу и цвета разбавленного кофе — родственник енота-полоскуна, что живет в Северной Америке и Европе, — неторопливо бродит вдоль берега, подбирая оставленных водой моллюсков и мертвых рыб, а также разыскивая любимое лакомство — крабов-апангура⁵. При случае он не прочь наведаться на чакры, откуда ворует созревшие платано с розовой мякотью, гинья, клейкие каймиту с застывающим на губах соком, сочные ува и другие сладкие плоды. Следы апангура пумы весьма характерны: задние лапы оставляют длиннопалые отпечатки длиной десять с половиной сантиметров и шириной около семи, передние же в длину достигают шести с половиной, а в ширину — пяти сантиметров. Длина шага зверька на неспешном ходу равняется приблизительно сорока сантиметрам. Так что следы крабоеда очень похожи на отпечатки его сородича из Северной Америки. У этого зверька есть одна привычка. Найдя краба, он разгрызает панцирь и, громко чмокая и чавкая, высасывает мясо. Как тут не вспомнить сказку про енота-крабоеда:

Раньше апангура пума была человеком, юношей. По сосед-

ству с домом, где он жил вместе со своей матерью и без отца, стоял дом человека, у которого было две дочери. Каждое утро юноша, отправляясь на охоту, проходил мимо того дома, а вечером тем же путем возвращался обратно. Он был плохим охотником, а потому, чтобы никто не видел, как он возвращается пустым, приходил назад поздно вечером, по темну. И так изо дня в день.

Девушкам, мимо дома которых он ходил, стало интересно, почему он так поступает. Они думали, что он возвращается в темноте потому, что убивает много мяса и не хочет ни с кем делиться. И вот однажды они решили все выяснить: со свечой из шингилью они пробрались к дому, в котором жил юноша, и стали ждать. Как обычно, он вернулся ночью и отдал своей матери майту, чтобы та приготовила поесть. И вот через некоторое время она принесла сыну еду, но это было не мясо, а крабы-апангура. Он стал брать их двумя руками и громко высасывать: «чмок-чмок-чмок». Девушки все это видели, потому что прятались поблизости.

Тот юноша по ночам имел обыкновение пробираться в дом к девушкам. Но было темно, и сестры не знали, кто к ним приходит. И как-то раз девушки решили покончить с этим. Перед сном они взяли палки, положили их рядом с собой и стали ждать.

Ночью, как и всегда, появился юноша. Хвать одну из сестер за руку, а она его палкой по голове. Ой, больно! Тогда юноша схватил другую девушку. Но та ударила его так сильно, что почти убила.

Дочери того человека, в дом которого пробирался юноша, спали отдельно от отца. Но, услышав шум, он проснулся и спросил, что случилось. «Ничего, это у сестры рвота», — ответила одна из дочерей. Ай, какая рвота! Это почти мертвый юноша харкал кровью.

После этого сестры подумали, что убили того, кто приходил по ночам. Наутро отец снова спросил их, что за шум они подняли накануне. Девушки же ответили, что одной из них было нехорошо. А отец их удивился, когда увидел много крови на земле...

Обнаружив такое количество животных, да к тому же в одном месте, мы после непродолжительного совещания единогласно решаем задержаться на Умугпи еще на одну ночь. Разумно ли упустить хорошую возможность раздобыть мясо?

Вдали от большой реки лес воспринимается по-особому, а чувства обостряются. Там, ниже, худо ли бедно ли, пурина, на которой всегда отыщутся зеленые платано и уиру. По реке время от времени — иногда раз в день, иногда раз в три дня — поднимаются и спускаются люди, гремя шестами о борта каноэ. Здесь же царствует дух нетронутого леса.

Здесь — первобытность и первозданность. Вот самые точные слова, передающие атмосферу этого места. Дух настолько древний, всеобъемлющий и неподвластный разуму, что кажется, будто похороненные где-то в глубине человеческой сущности чувства вырвались наружу и перенесли тебя в мир, где слова не важны. А вокруг — фантазмагория, готовая в любое мгновение развеяться как зыбкий мираж. Мир, где деревья смыкаются на расстоянии вытянутой руки от прижавшейся к земле тамбу. Где множество клопов, термитов-кумищин, больших и маленьких муравьев-аньянгу, шествующих, словно ожившие зернышки, целыми колоннами по трухлявым столбам нашего пристанища. Это мир, в котором можно присесть на землю и через пять минут снять с себя пару коричневых, еще не успевших присосаться клещей или выгнать из-под полена черно-бурого блестящего скорпиона-упутинди. Добыв зверька или птицу, легко стать обладателем блох-уса, которые быстро переберутся на человека, хотя вряд ли приживутся на новом хозяине. Индейцы говорят, что в перьях тукана-сикуанга живут особенные блохи. Эти сикуанга уса поедают всех остальных блох, которые встречаются на прочих животных, в том числе и на человеке. Съев всех паразитов, они куда-то исчезают...

К десяти часам все готово. Флавио водружает на голову козырьком назад бейсболку ядовито-желтого цвета, берет старое, никогда не знавшее масла ружье, повязывает на пояс маленькую сумочку, в которой у него хранятся спички, патроны и рыболовные крючки, и молча направляется в противоположную от речки сторону. Чунчу, уловив мой вопросительный взгляд, утвердительно кивает головой:

— Аку! — пошли.

И вновь наша маленькая колонна исчезает среди стволов пятидесятиметровых гигантов, обвешанных розетками паразитов и оплетенных лианами толщиной от нитки до внушительного пень-

кового каната. Поначалу время от времени нам попадаются огромные бабочки-морфо. Они держатся поодиночке в руслах каменистых речушек и ручейков, где их легко узнать по сине-фиолетовым блестящим крыльям, края которых обрамлены темно-коричневой полосой. Нижняя же сторона коричневато-бурая, так что огромная четырнадцатисантиметровая бабочка то и дело пропадает из виду, когда к наблюдателю обращен невзрачный испод. Не менее красивы и похожие на парусников урании. С крыльями в черную с зеленым полоску, с желтоватыми и голубыми пятнышками, в одиночку или по двое они распластались на обнажениях скальных пород. Своими то и дело скручивающимися и раскручивающимися спиральными хоботками они с жадностью пьют насыщенную минеральными солями воду, выступающую на скалце через поры.

Но очень скоро шум бегущей по каменным перекатам реки обрывается, словно отделенный стеной. Уши наполняются птичьим визгом и свистами. Несмолкаемые серенады цикад и кузнечиков давно превратились в тишину леса. Их не замечаешь, если только намеренно не напоминаешь себе об их существовании. Время от времени в однотонном зеленоватом сумраке взгляд приковывают красные свечки соцветий киль сиса, прилепившиеся к коре в раскидистом веере вытянутых ланцетовидных листьев. Или махровые ярко-пурпурные шары инчи сиса, растущие прямо на голых стволах уачантси, которое лесные кичуа еще зовут «деревомани» за то, что поджаренные плоды по вкусу напоминают земляной орех.

Киль сиса — типичный эпифит. Хотя и считается, что большинство растений независимы друг от друга, многие из них фактически связаны теснейшими узами. И лучше всего это замечаешь именно здесь, во влажном лесу. Связи эти могут быть нерегулярными, даже случайными, а могут, наоборот, быть настолько тесными, что смерть одного из партнеров обрекает на гибель другого. Чтобы выбраться к свету, необходимому для поддержания жизни, эпифиты и лианы, каждый своим особым способом, используют в качестве опоры более сильные растения. Так, лианы поднимаются с земли, в которой они укоренились, вверх по деревьям. Они могут виться, взбираться или цепляться, и в этом им помогают

усики, крючки либо присасывающиеся корни. По большому счету, лианы не паразиты, ведь они получают пищу и воду из почвы, а проводящие трубки в их гибких одревесневших стеблях достигают впечатляющей длины в несколько десятков метров. Пробившись к освещенному солнцем верхнему краю лесного полога, они распускают листья и цветки, которых, как ни всматривайся, с земли обычно не видно.

Эпифиты поступают иначе. В своем стремлении добраться до солнечного света они отказались от всяких связей с почвой. Их основная проблема — обеспечить себя питательными веществами и водой. Не имея корней в почве, различные виды вынуждены были создать необычные приспособления, чтобы использовать каждую крошку гумуса и каждую каплю воды. В результате появились жесткие толстокожие суккулентные листья, которые удерживают воду для бромелиевых, и воздушные корни ароидных растений, иногда свешивающиеся вниз на полтора десятка метров, чтобы черпать воду из речного потока...

Тропа быстро сходит на нет. Мы петляем среди упавших стволов, спускаемся в распадки и вновь карабкаемся по склонам. Флавио без устали взмахивает ржавым мачете с пластмассовой оранжевой рукояткой, а ствол его ружья, заряженного крупной дробью, пляшет прямо у меня перед носом. Курок хоть и не взведен, но в голову лезут неприятные мысли. Не доверяю я этому ружью, ствольная коробка которого удерживается в прикладе тонкой бечевкой и доброй волей. У него дурной и непредсказуемый характер: то оно стреляет с первого раза, чаще со второго, а иногда вообще стрелять отказывается. Если что, то изрядная порция дроби достанется нам с Чунчу. Я прошу Флавио нести ружье на плече прикладом в нашу сторону. Он извиняется, сетует на то, что привык ходить в монте один: проводник попросту забывает, что позади него еще кто-то есть.

На дне очередной кебрады обнаруживается небольшой, но быстрый ручей. Именно в нем, по бочагам с прозрачной, словно слеза, водой нам и предстоит ловить рыбу. Но сначала необходимо раздобыть земляных червей-куика. Ищем место повлажнее и клинком мачете начинаем разрывать перегнивающие листья. Черви попадаются, хотя и не часто. За четверть часа мы вываживаем

из земли два десятка. Этого достаточно. Красных, извивающихся, Флавио складывает их на широкий лист платанильо, а чтобы они не расползались, присыпает щепоткой земли. Затем сворачивает лист в кулек, верхний край загибает и перевязывает поперек обрывком тонкой лианы, разрезанным надвое вдоль стебля. Такой кулек называется майту. Теперь червям никуда не деться, и носить их удобно, заткнув за пояс.

Мы с Чунчу еще копаемся в земле, а Флавио между тем делает удочку из тонкого стержня пальмового листа длиной полтора метра, достаточно прочного и гибкого. Из поясной сумки он извлекает маленький брусочек сантиметров десять длиной, с намотанной леской, свинцовым грузильцем и крошечным крючком. При помощи все той же лески индеец закрепляет свой брусочек на конце прута. Вот и все, удочка готова. Остается только аккуратно насадить червя, чтобы крючок полностью скрылся внутри, и можно делать первый заброс.

Никогда бы не подумал, что вываживание из хрустальных бочагов маленьких чути и умбунди может оказаться столь увлекательным. Спрятанный в червяке крючок медленно опускается ко дну у самого берега, но не успевает его коснуться: серебристая тень молнией выскакивает из-под коряги. Подсечка — и чути, блестя чешуей, уже болтается на леске. В одном бочаге удается наловить штук пять рыбок длиной сантиметров семь — десять. Оставшаяся «мелочь» нас не интересует, и мы перебираемся за быстрину, чуть ниже по течению.

При всей кажущейся простоте ловли рыбок существует ряд хитростей, не зная которых легко потерять большую часть улова. Некоторые из них я постигаю на собственных ошибках под улыбки и замечания проводников. Так, прежде чем снять скользкую и юркую рыбешку с крючка, ее необходимо обездвижить. Для этого большим пальцем надамывают кость, соединяющую жаберные крышки с туловищем в нижней части. Я еще не знаю этого, и добыча, уже снятая с крючка, тут же юркает в спасительную глубину. Поймать ее во второй раз будет намного труднее, даже помня о невероятной жадности этих рыбок.

Делая забросы и облавливая бочаги, мы, то бредя водой выше колена, то прыгая с камня на камень, не торопясь спускаемся вниз

по ручью, который, очевидно, впадает в речку. Проводники ловко выуживают с мелководья на перекатах круглых улиток — яку чуру. Они лежат на чистом месте и ни от кого не прячутся. Но мои глаза с непривычки никак не могут различить их среди черных, серых, бурых и коричневых кругляшков, выстилающих дно. Флавио и Блас по очереди указывают пальцем на моллюсков, после чего мне иногда удается их заметить. Чунчу все это доставляет несказанное удовольствие, и своего бурного восторга он не скрывает. Флавио же только улыбается, в очередной раз извлекая раковину прямо у меня из-под носа.

Наш двухчасовой улов состоит из полутора десятков рыбок и примерно такого же количества яку чуру. В мою обязанность входит тащить все это богатство в маленькой плетеной сумке-шигра. Пробираясь захламленными обрывистыми берегами к стоянке, я попутно выясняю у Флавио, почему мы ушли ловить рыбу на ручей, когда могли бы остаться на Умугпи.

— Рыбу найти трудно. Вода еще не спала, мутная. А в такой воде хорошо ловить только карачама. Ответ проводника, как это часто случается, немногословен, но исчерпывающ.

Вот и ранчито. Что ж, впереди обед и отдых. Можно вздремнуть, забравшись с ногами в чуть раскачивающийся гамак, просто помолчать. Или поговорить. Самое время вернуться к утреннему разговору.

До того как появились ружья, лесные кичуа повсеместно пользовались духовой трубкой-бодокерой, или пукуна, и маленькими дротиками-вирути, смазанными ядом, называемым амбиамби, или просто амби. Сейчас охотников с этим замечательным оружием можно встретить только в дальней сельве, в общинах канело-кичуа и сапаро на Конамбо, Пиндоюку и на маленьких глухих речках, не нанесенных ни на одну из известных мне карт. По воде добираться туда придется неделю или две. И Бог знает сколько понадобится времени, если идти лесом. Хотя, сказать по правде, без груза двигаться по проложенным кое-где тропам — чаки ньямби, тянущимся на десятки километров, часто бывает быстрее и короче, чем плыть по бесконечно извивающейся, петляющей реке.

Длинные духовые трубки и по сей день делают охотники ши-

виар, живущие близ рек Тигре и Корриентес, а также ачуар из глухих лесов Транскутуку. Только называют они их иначе — уум. Но многие общины, чьи земли лежат в относительной близости от обжитых колонистами мест, уже потеряли навыки и знания, необходимые для приготовления охотничьего яда — едва ли не основного компонента в охоте с бодокерой. Теперь им приходится совершать долгие путешествия в труднодоступные районы, где старики и кое-кто из молодых еще сохраняют умение предков.

Впрочем, не исключено, что и прежде далеко не все индейские племена умели одинаково хорошо изготавливать охотничий яд. По свидетельству ряда исследователей, кичуа в районе Курарая этот яд называют тикуну, что схоже с названием одного из племен в верхнем течении Амазонки. Путешественники прежних времен также свидетельствовали о том, что индейцы тикуну, иначе тукуну или тикуля, славились своим мастерством изготавливать яды, которые служили предметом обмена с соседними народами.

В сборнике «Амазонка, царица рек Южной Америки», увидевшем свет ровно сто лет назад — в 1905 году, приводится такое свидетельство: «Индейцы племени тикуля, живущие в окрестностях Лорето... вдоль бразильской границы, готовят самый лучший яд для стрел, составляющий во всей области Амазонки предмет торговли. За один унц яда платится товарами на сумму одного доллара. Способ приготовления яда составляет тайну, хотя известно, что он добывается главным образом из двух растений: чилибухи и коккулус (*Strychnos, Cocculus*)...»

Преимущество бодокеры перед ружьем и прочим огнестрельным оружием очевидно, хотя она не столь скорострельна. Пукуна практически бесшумна, а добывать ею можно самых разнообразных зверей и птиц. Главное — аккуратно выструганные вируты и правильно приготовленный яд. И не важно, бегают ли добыча по земле, как венадо или тапир, или же прячется в кронах деревьев, как обезьяна. К тому же бодокера не требует покупных патронов, пороха и дроби, что немаловажно для людей, в чьих руках даже несколько долларов — несчастый гость.

На втором месте после бодокеры стоит острога. Живущие под водой с трудом и не всегда успешно могут противопоста-

вить свое умение затаиваться и глубоко нырять молниеносному удару копья, которое в умелых руках превращается в эффективное, бесшумное и не менее бодокеры смертоносное оружие. Рыба, крокодиловый кайман и тарикайя — это та добыча, которая обыкновенно попадает в семейный котел после охоты с острогой. А вот силки и разного рода ловушки распространены среди канело-кичуа меньше, хотя и о них в сезон большой охоты не забывают.

Но, положив руку на сердце, все эти орудия постепенно теряют свою значимость с распространением ружей. И не важно, что последние заряжаются дымным порохом с дула, а патроны к казнозарядным дробовикам не всегда качественные.

Вспоминаю, как однажды Флавио показывал мне старую, потрепанную временем бодокеру.

— Эту пукуну отец привез из Монтальво, — говорил он. — Ей уже лет двадцать пять, а сколько она была у того, кто ее продал, — мы не знаем.

Я глядел на длинную, около трех метров трубку черного цвета с волосяной кисточкой вместо мушки.

— Из чего она сделана, из чунды?

— Да, чунда. А сверху это пунгара, — индеец поскреб ногтем шершавую поверхность. — Мы достаем ее из пчелиных гнезд. Ты же видел раньше. Ею изнутри мажут тинаха и заделывают щели в каное. Кроме чунды бодокеры делают еще из тара пугу руйя и пука каспи руйя. А это матири⁶, — продолжал Флавио, снимая со стены полый цилиндр длиной сантиметров двадцать пять, в который была продета длинная бечевка для ношения на шее. Сбоку к нему был приделан маленький круглый плод пильчи с отверстием.

— А из чего он? Уама?

— Нет, это чингана. Другое растение. Похоже на уама, но не уама. Здесь, — индеец показал на шар сбоку, — хранят хлопок-пугу.

Матири был плотно набит «подушкой» из сухой соломки, в которой торчали длинные и тонкие, остро заточенные с одного конца дротики-вирути. С другого на них был намотан хлопковый валик, улучшающий обтюрацию в канале ствола.

— Это сан, чтобы вирути не выпадали, — пояснял между тем Флавио, показывая на соломку. — Ее, как и вирути, делают из листьев чили руйя.

Рассматривая дротик, я спросил, почему он без яда.

— У нас нет амби-амби, — ответил Флавио. — А без яда можно только маленьких птичек убивать. Когда есть яд, то вирути вот по сих пор, — он отмерил ногтем сантиметров восемь, — обмакивают в амби и сушат над костром. Так яд может долго храниться. Идешь на неделю в монте, — ничего ему не будет. Главное, не намочить его. Поэтому, когда начинается дождь, надо укрывать матери листьями.

Флавио вложил дротик в бодокеру, обхватил ее руками у заднего конца и прижал к губам, целясь в воображаемую добычу в кроне дерева.

— А как узнаешь, хороший яд или плохой?

— Когда амби хороший, то обезьяна, если в нее попадешь, тут же кивает головой и делается как сонная. А минуты через две умирает. А если яд слабый, то она еще минут пятнадцать бегать будет.

— Далеко стреляют из пукуна?

— Обезьян шагов на двадцать можно стрелять. А сача уагра или венадо шагов на пять или десять. Так близко можно подобраться, когда они приходят на солонцы — уагра качи.

— А человека можно убить из пукуна? — наконец-то я задал вопрос, давно интересовавший меня.

— Нет, этим ядом нельзя. Амби-амби только для охоты годится. Раньше, очень давно, когда мы воевали, был яд, который убивал человека. Мы его ламас амби называем. Если им вирути мазать, тогда человек умрет.

И все же бодокера до сих пор не канула в Лету. О ее былой значимости можно судить хотя бы по тому, что в сказках канелокичуа, да и других лесных индейцев — тех же ачуар, например, — ей отводят роль лалочки-выручалочки. Один старый охотник из Канелоса рассказал мне такую историю об Амасанга Руна и Хури-Хури Супаи:

Амасанга был человеком. Таким, как мы. Он был очень хорошим охотником и всегда носил с собой бодокеру. Ею он добывал себе еду — зверей и птиц.

Хури-Хури был дьявол. Он ел людей, и когда приходил в селение, то съедал всех до одного. Никого не оставлял в живых.

Как-то раз Амасанга — он никогда не жил подолгу на одном месте и ходил от селения к селению — ушел из одного как раз незадолго до того, как туда пришел Хури-Хури. Хури-Хури съел всех, а потом стал преследовать Амасанга Руна, чтобы и его убить. Но Амасанга узнал, что за ним идет Хури-Хури, и потому взобрался на большое дерево.

Пришел Хури-Хури, увидел, что Амасанга деваться некуда, и полез вверх по стволу. Амасанга видит, Хури-Хури поднимается все выше и выше. И чтобы убежать, он положил свою бодокеру одним концом на сук соседнего дерева, а другим — на тот, где прятался. В лесу много огромных деревьев, их ветви метра на три сходятся. Так, по бодокере он перешел на другое дерево. Когда Хури-Хури поднялся, Амасанга убрал свою пукуна. Куда деваться Хури-Хури? А Амасанга стал переходить с дерева на дерево и так ушел далеко-далеко...

Как и повсюду на земле, в восточных предгорьях эквадорских Анд и в сельве охотники делят год на благоприятные и менее благоприятные сезоны. Когда созревают, становясь красно-оранжевыми, тяжелые гроздья чунды, что случается обычно в февралемарте, индейцы знают, что в лесу, на пуринах наливаются соком, опадают и начинают бродить плоды многих диких деревьев, привлекающие несметное число птиц и зверей.

Некоторые растения плодоносят в ноябре, другие в декабре и январе, как, например, пальма унгурауа, из плодов которой готовят самую вкусную, сладкую асуа. Так что основной охотничий сезон растягивается чуть ли не на полгода. В это время мужчины часто на несколько дней или на неделю-другую уходят в дальнее монте охотиться, настораживать на тропах ружья, ставить другие ловушки.

Когда речь идет о благоприятном и менее благоприятном времени года, неправильно представлять себе наполовину вымершие или, наоборот, изобилующие дичью леса. Впервые я приехал на земли общины моих проводников в конце июля, когда основной сезон уже минул, но мы и дня не голодали, питаюсь тем, что удавалось найти, поймать или раздобыть на пурине и в лесу. Случается,

правда, что отдельные участки монте вдруг буквально наполняются животными, обыкновенно сахино, уангана или обезьянами, но это связано не столько с определенным сезоном, сколько с какими-то иными причинами, заставляющими этих зверей в своих беспрестанных кочевьях возвращаться на старые места раз в два-три года. Но и сезон тоже имеет значение. В октябре-ноябре, к примеру, созревают плоды многих лесных деревьев, и птицы слетаются в такие места клевать сладкие ягоды, а звери приходят подбирать осыпавшиеся на землю плоды.

Женщины, значительное время проводящие на чакрах, редко участвуют в охоте. Рыбалка — другое дело. Многие из них прекрасно вываживают рыбу удочкой, в мастерстве своем не уступая мужчинам. Но и здесь, так же как и вообще в повседневной жизни, каждый член семьи играет отведенную ему традицией роль. Мужчины и подростки обычно практикуют приемы, таящие опасность для жизни или которые могут обернуться увечьями. Это, прежде всего, рыбалка на большой глубоководной реке, где часто приходится нырять, или ночная охота за рыбой в лагунах с черными кайманами, тоже сопряженная с некоторой долей риска. Здесь женщину увидишь не часто.

Проходя по реке на каноэ, мы нередко заставляли на берегах женщин, рыбачивших в полном одиночестве или в сопровождении маленьких детей. Конечно, рыба, которую они ловили, небольшая, а чаще даже совсем маленькая и не могла причинить вреда.

Вспоминается такой случай. Было это не на Бобонасе, а на землях одной из смешанных общин индейцев сиона и кичуа на реке Куябено — самого большого притока Агуарико, что неторопливо течет на крайнем северо-востоке эквадорского Орьенте и по левой руке впадает в Напо на границе с Перу.

Помню как сейчас: утро выдалось хмурым, и в небе не было даже намека на солнце. Мелкий дождик при полном отсутствии ветра накрапывал с полуночи. Натянув шорты, я отправился к реке умыться, но на берегу меня уже поджидал сюрприз: огромная, метра полтора в длину рыбина лежала в одном из каноэ с толстой леской, торчавшей из пасти, и глубокой ножевой раной в черепе. Весила она не меньше полусотни килограммов, а может, и больше. Рядом толпились мужчины, оживленно переговариваясь

между собой на языке пайкока, так что понять что-либо не представлялось возможным.

Чуть позже выяснилось, что накануне ночью дон Альберто и донья Мария — знахарь общины Пуэрто-Боливар и его жена, у которых я тогда жил, — ловили рыбу. Поймали только одну, но зато какую. Хватит и себе, и родственникам.

Пайчи — так называют этого речного монстра на всем северо-востоке — не такая частая добыча, как хотелось бы. Вроде равнинного тапира, которого хоть и много в окрестных лесах, но легко добыть его не удастся даже с ружьем. Мне было интересно, сколько же времени потребовалось, чтобы выудить эту громадину.

— Дье' минута' номас, сеньор, — ответила донья Мария, по обыкновению глотая окончания слов. «Всего лишь десять минут». Ее черное, изрезанное морщинками лицо светилось от радости и гордости одновременно. Десять минут! Что ж, совсем неплохо для двух стариков, одному из которых перевалило за семьдесят, а другой недавно стукнуло шестьдесят пять.

Пайчи, или южноамериканская арапаима, принадлежит к древнему малочисленному семейству Аравановых, или Костноязыких, останки представителей которого известны с нижнемеловых отложений, то есть им не менее 135 миллионов лет. Она считается одной из крупнейших пресноводных рыб, доживших до наших дней. По некоторым данным, пайчи может достигать в длину почти двух с половиной метров и веса в девяносто килограмм, по другим — более четырех с половиной метров и двухсот килограмм. Окраска ее чешуи очень красивая. Спереди большая часть тела оливково-зеленая, на уровне непарных плавников оно приобретает красноватый оттенок. По направлению к хвосту он усиливается, а сам хвост окрашен в темно-красный цвет. Крупные чешуйки местные жители иногда оставляют сушиться на солнце. Когда они затвердевают, их используют вместо медиатора для игры на гитаре. Когда я впервые увидел их, то подумал, что это лепестки: так были похожи эти полупрозрачные пластиночки на невестомые крылышки гигантского цветка яблони или персика.

Лесные кичуа, как и другие племена Северо-Западной Амазонии, отлично знают, как правильно использовать яды, содержа-

щиеся в тех или иных растениях, чтобы добыть много рыбы. Например, лиану-барбаску, известную не только сача руна, но также сиона, кофан и прочим племенам. В отравлении воды растительными ядами, чаще всего соком уже упомянутой барбаску, обычно участвует вся семья: собираются и мужчины, и молодые девушки, и совсем маленькие дети. Иногда несколько семей объединяются, чтобы одурманенная рыба не потерялась и не пропала без пользы, чего ни в коем случае нельзя допустить. Канело-кичуа с разных рек готовят несколько разновидностей ядов, и для каждого из них имеют название; впрочем, почти везде есть собственные имена, отличные от таковых у соседей.

После того как мясо или рыба попали домой, они незамедлительно переходят в полное ведение женщин: стряпня не мужское занятие. Живое подтверждение тому — мои спутники. Блюда, которые они теоретически способны приготовить, можно сосчитать по пальцам одной руки. На практике же количество сносно приготовленных блюд и того меньше. Флавио полагает, что охотник довольствуется самой простой пищей. Главное, чтобы в ней не чувствовалось недостатка.

Помнится, как-то мы надолго задержались на одном месте. Флавио пошел на компромисс со своими убеждениями и продемонстрировал поварское мастерство, приготовив кату-де-палянда, иначе масамора. Блюдо это в законченном виде представляет собой светлый густой суп из мелко тертых незрелых платано. В него добавляют соль и куски копченого мяса, например гуанты, таруга или рыбу. Сначала платано очищают с одной стороны от зеленой шкурки и начинают выскребать изнутри клинком мачете. Получившуюся мелкую стружку засыпают в котелок с кипящей водой. Там она разваривается и становится похожей на тягучий клейстер по виду, а по вкусу — на овсянку.

Но кату-де-палянда не единственное, что выходило из рук Флавио. О Чунчу я предпочитаю умолчать: как и я, кроме печеных и вареных платано он что-либо готовить не решался, дабы не переводить без пользы провиант. Флавио же иногда радовал нас еще одним блюдом — куа, завернутыми в листья платано и запеченными в собственном соку.

У этих десятисантиметровых квакш большая плоская голова с

огромными блестящими черными глазами. Сверху куа светлые, зеленовато-бурые, покрытые темно-коричневым мраморным рисунком. Брюшко грязно-белое, чуть желтоватое. На боках поперечные коричневые полосы, а на передних лапах сверху раскидано несколько чисто-белых пятен неправильной формы, а на задних они есть только на икрах. Кончики и передних, и задних лап увенчаны крупными присосками, что недвусмысленно указывает на древесный образ жизни их владельцев. С квакшами, как и с лягушками, приходится проявлять известную осторожность — некоторые из них не смертельно, но ядовиты. Бывает, что съедобный и ядовитый виды похожи друг на друга как две капли воды, и даже индейцы не могут различить их на глаз. В этом случае единственно верный способ разобраться, по мнению Флавио, это заставить земноводное подать голос, для чего его немилосердно сжимают. По голосам охотники прекрасно различают многих квакш и лягушек, внешне почти одинаковых. При малейшем подозрении в непригодности для еды их разрывают на кусочки и используют как наживку для ловли сомоиков-бульюкики, или барбудо.

Чтобы приготовить изысканное блюдо из куа, их необходимо, прежде всего, наловить. Проще всего это сделать после наступления темноты, когда квакши спускаются с деревьев на влажный песок и выдают себя громкими хорошо узнаваемыми голосами. Их отыскивают с фонарем, ломают суставы задних лапок и складывают в шигру. Так, живыми, но обездвиженными, они могут храниться несколько дней, не портясь.

Затем квакш необходимо разделать: куа берут за задние лапки и пару раз сильно бьют головой о камень. Убедившись, что она мертва, открывают рот, зачерпывают им воду и выливают обратно. Перевернув куа головой вниз, пальцем через рот извлекают внутренности. Промыв одну сильно похудевшую тушку, принимают за вторую, третью и четвертую. В меньшем количестве готовить земноводных нет смысла, так как они хоть и большие, но на костре заметно сбрасывают в весе. Когда все тушки разделаны, берут банановый лист и снизу до половины длины аккуратно обдирают глянцевые пластины-лопасти, оставляя только стержень. Эти две отделенные половинки кладутся поверх оставшихся лопастей, на них выкладывают куа и обильно присыпают солью. Лист

заворачивается в форме пенальчика-майту, а хвостик-черешок оборачивают вокруг, чтобы тот не развернулся. Все. Остается только прислонить кулек к бревну рядом с костром и выждать с полчаса.

Обычно куа попадают на стол вместе с крупными пресноводными улитками яку чуру, так как даже для того, чтобы заморить червячка, ни тех, ни других по отдельности человеку со здоровым аппетитом недостаточно. С моллюсками хлопот меньше: высыпем их в кипящую воду и даем повариться десять минут. После чего вылавливаем их из котелка и парой резких движений вытряхиваем из раковины. Чуру безвкусны, поэтому их обычно обильно солят перед тем, как положить в рот. Однако от ощущения, будто пережевываешь комок каучука или резины, избавиться тяжело.

Есть еще одно блюдо. Оно широко известно по всей Южной Америке как пальмито, а кичуа зовут его йойю — «трава». Чтобы приготовить пальмито, больших усилий не требуется. Достаточно отыскать стройную пальму-памбиль. Найдя растение, его рубят и очищают макушку от одеревеневших верхних покровов, под которыми скрыта мягкая волокнистая сердцевина, рассыпающаяся между пальцами. Ее можно съесть сырой, а можно сварить, но вкус в обоих случаях в точности отвечает названию, данному индейцами, — трава.

Рассуждая о еде, не могу не вспомнить один случай. Тогда я впервые увидел, как кичуа ловят и разделявают маленьких крокодиловых кайманов.

...Солнце уже клонилось к западу, но было все равно слишком рано, чтобы идти на охоту. Обычно мы покидали лагерь часов в пять вечера, а назад возвращались уже по темну, в глубоких сумерках или ночью. Ничего другого не оставалось, как коротать время, разглядывая в бинокль крикливую черную каракару, или мианка. Стройная птица размером с галку восседала на дереве неподалеку и высматривала, чем бы поживиться с нашей кучи отбросов. Ярко-красная, голая кожа на ее лице бесстрастной маской скрывала намерения. Однако по нетерпеливому поведению каракары и хриплым пронзительным крикам «хии-хии-хии» нетрудно было догадаться, что она только и ждет, чтобы лагерь опустел. На сей раз маленькому черному хищнику казалось заманчивее попытаться счастья вблизи пурины, нежели искать выброшенную

рекой на берег дохлую рыбу, улиток или крабов, которыми он обычно питается и в поисках которых вместе со своими сородичами обыскивает пляжи.

Нам, в свою очередь, спешить было некуда: батарейки из фонариков по обыкновению сушились на еще жарких лучах солнца, а Флавио и Чунчу давали мне очередной урок языка. Записывая и повторяя по несколько раз фразы, я выучился вполне сносно воспроизводить их на местном диалекте. Мой словарный запас уже давно пополнился необходимыми в повседневной жизни выражениями «има шути канги?» — «как твое имя?», «альи пунча» — «добрый день», «майтата рищанчи?» — «куда мы идем?», «иматан кай?» — «что это такое?» и еще несколькими десятками.

Диалект Бобонасы обладает бесчисленными, весьма характерными тонкостями в произношении, что легко заметить, сравнив его с языком гор, считающимся литературным в Эквадоре. Например, условно-правильное «има шути *канги*» в устах проводников звучало как «има шутиг'анги», а фраза «майтата *рищанчи*» превращалась в «майтата *рюнчи*».

Теперь мои спутники перешли к выражениям, без которых общение с женским полом — здесь Флавио и Чунчу проявили необыкновенное единодушие — было бы затруднительно. Самым пристойным из них оказалось «мучиуай» — «поцелуй-ка меня».

...Время за разговорами пролетело незаметно. Жара спала, стемнело, и настала пора отправляться в засидку, благо идти было недалеко. На сей раз мы вдвоем с Флавио тихо брели друг за другом по широкому песчаному руслу протоки, чтобы проверить выложенную несколько дней назад приваду для гуанты. Проводник призраком бесшумно вышагивал метрах в двух передо мной, а я шел следом, изо всех сил глядявываясь под ноги. Темноту озаряли лишь звезды, и я отчаянно старался не упасть на ровном месте, отнюдь не казавшемся мне таковым. Включить фонарик Флавио посчитал излишним, полагая, что упасть тут невозможно в принципе, а значит, можно двигаться на ощупь. Мне же тогда казалось, что он просто берег дорогие батарейки.

Замешкавшись, я налетел на неожиданно застывший темный силуэт проводника, уткнувшись в ружейный приклад. Чута!⁷ Флавио наконец озарил обступавший нас мрак. Однако вместо того,

чтобы осветить мне, он кого-то высматривал в небольшом, шагов десять на десять бочаге. Ступая по сырому песку и утопая в нем по щиколотку, мы как можно тише приблизились к воде. Резкие изменения в поведении Флавио к тому времени меня уже перестали удивлять, но было интересно, что же он увидел на сей раз. Луч фонаря ползал по неподвижной глади воды, проникал в ее толщу и выхватывал из глубины маленьких блестящих рыбешек, которые, ополоумев, металась взад-вперед, от берега к берегу. Но вот пятно света замерло, и в то же мгновение, будто раскаленный уголек, вспыхнул красный глаз маленького каймана. Вначале я увидел лишь горящую точку, но, взглядевшись, заметил вытянутые контуры головы и спины, расплывавшиеся на фоне черных коряг, травы и осыпавшихся на воду листьев.

Кайман неподвижно лежал у поверхности. Нас разделяли шагов пять, но Флавио не предпринимал никаких попыток добраться до него. Это удивляло. Тем более что то был первый кайман, встреченный нами за много дней. Почему бы не пустить в ход ружье? Постояв еще немного у кромки бочага, мы, не проронив ни слова, крадучись отошли и двинулись дальше.

Чтобы проверить приваду, нам понадобилось минут двадцать. С одним фонариком на двоих мы ломали кусты по давно не прореживавшейся, запущенной пурине. Тропинки, бывшие здесь несколько часов назад, как по волшебству канули в никуда, а поваленные стволы деревьев, вопреки здравому смыслу, бросались под ноги много чаще, чем днем. В довершение гроздь желтых платано оказалась девственно целой: необъяснимо, зная прожорливость гуанты. Бдение в засидке закончилось, так и не успев начаться.

Обратно мы двигались в том же темпе, что и полчаса назад. За несколько метров до бочага Флавио подал знак остановиться, передал мне фонарик с ружьем и стал снимать свою пятнистую куртку и резиновые сапоги. Велев оставаться на месте, он крадучись двинулся к сочащемуся из бочага ручью. Добравшись до воды, индеец медленно нагнулся и, не делая резких движений, схватил успешного перебраться на новое место каймана левой рукой за шею, а правой за хвост. Выудив рептилию из воды, мы продолжили путь к лагерю: Флавио с кайманом, а я с вещами. По дороге проводник объяснил, что поначалу специально не стал беспоко-

ить лягарту: он знал, что тот скоро сам выползет на мелководье, где его легче поймать. Тогда же я узнал, что кайманы часто вылезают по ночам на мелкие места и, неподвижно распластавшись на дне, караулят случайную жертву — лягушек, мелких зверьков и птиц.

В лагере надо было привязать пленника до утра. Часы показывали около одиннадцати, и всем не терпелось лечь спать. Чтобы кайман не смог дотянуться до веревки, перегрызть ее и сбежать, Флавио затянул ему петлю на животе перед задними лапами. Другой конец веревки привязали к столбу. Рептилия могла ползать, но вот освободиться у нее не было никакой возможности. Пока его вязали, кайман извивался, вырвался из рук, злобно шипел и сверлил нас взглядом неподвижных глаз с узкими вертикальными щелками зрачков. И, будь его длина более восьмидесяти сантиметров, нам бы пришлось попотеть.

Два последующих дня мы провели в обществе маленького хищника. Флавио мечтал забрать его в селение и откормить, но судьба распорядилась иначе. Весь третий день солнце ни разу не скрылось за облачком. Лягарту лежал у соседней хижины, и мы даже не сразу заметили, что он не подает признаков жизни. Обычно на день мы опускали каймана в ручей, но в то злополучное утро Флавио так увлекся плетением корзины, что совсем забыл про пленника. Пришлось быстро приниматься за разделку и копчение. Коптить мясо — обязательное условие в лесу, если только не собираешься съесть его немедленно. Коптят, чтобы принести жене и детям.

В своем дневнике я записал: «Разводится сильный костер, и тушка на три-четыре секунды кладется прямо в пламя сначала одной, потом другой стороной. Это позволяет обшелушить тонкий ороговевший слой, покрывающий толстую и грубую затвердевшую кожу. Затем каймана, приобретшего грязно-белый цвет, несут к реке, где тщательно обмывают и удаляют остатки черной пленки со спины. После этого кладут на бревно и мачете делают продольный разрез от анального отверстия до горла. Даже у такого небольшого экземпляра очень прочная кожа, и приходится прикладывать немалые усилия.

После того как тушка выпотрошена, из внутренностей выбирают сердце и желудок, все промывают. Желудок разрезают и

вычищают изнутри, попутно извлекая из него маленькие камушки, величина которых может быть и с песчинку, и с ноготь мизинца. В нашем случае оказалось тридцать семь камушков. Вслед за тем у пасти с одной стороны делается надруб, и нижняя челюсть частично отделяется от верхней. Получается совершенно плоская тушка, за исключением хвоста. Обработанного каймана разрезают поперек на две половинки, натирают изнутри парой щепоток соли и начинают сначала обжаривать, а потом коптить.

Для копчения каймана используется тот же прием, что и для других небольших животных. Из трех вертикально вбитых кольшковых с развилками на концах, трех перекладин и нескольких прутьев сооружается подобие столика для жарки, который здесь называют «пата». Костру не дают сильно разгораться, чтобы пламя не обуглило мясо. Сверху куски накрывают пальмовыми листьями. Флавио утверждает, что для приготовления небольшого лягарту требуется два часа, то есть столько же, сколько и для гуанты. Но чем дольше мясо будет коптиться на слабом огне и дыму, тем лучше оно сохранится в дальнейшем».

В не столь отдаленном прошлом мода на сумочки и сапоги из крокодиловой кожи привела к тому, что численность каймана по всем более или менее доступным рекам и озерам Амазонии быстро упала. Он исчез в тех местах, где на него интенсивно охотились: торговцы смекнули, что завсегда модных магазинов Европы и Северной Америки имеет самое смутное представление о том, чем отличается кожа крокодила от кожи каймана. Поэтому на экспорт отправляли и тех, и других. Популяция крокодилового каймана так и не восстановилась вплоть до сего дня практически на всей территории его исконного обитания, простирающейся от Южной Мексики на севере до устья реки Парана на юге.

В биологии крокодилового каймана есть масса интересных особенностей. Любопытнее всего то, что в расселении этих рептилий в новые места большую роль играют плавучие острова — маты, образованные водяным гиацинтом *Eichornia* и некоторыми другими водными растениями. На спокойных полноводных реках эти острова достигают значительных размеров, чуть ли не до одного квадратного километра, и движутся вниз, увлекаемые течением. На них-то и находят убежище молодые крокодиловые

кайманчики, уплывая на импровизированных кораблях за десятки километров от мест, где появились на свет. Случается, их уносит в океан, и тогда рептилии появляются вблизи близких к материку островов: пребывание в соленой воде этот вид переносит хорошо.

В Северо-Западной Амазонии люди прекрасно различают крокодилового каймана, или «кайман бланко», который хоть и вырастает до трех метров, но питается в основном крупными водяными улитками, пресноводными крабами и рыбой, и черного каймана — «кайман негро». Последний нередко достигает пятиметровой, а некоторые говорят, что и семиметровой длины и нападает на человека.

...Послеобеденное время пролетело незаметно, и вот уже солнце спряталось за деревья. Стемнело быстро. Расчистка, заваленная стволами лесных великанов, погрузилась во мрак, а стена леса чернеет в нескольких шагах от пляшущих, сыплющих искрами языков костра. То там, то здесь мерцают зеленые фонарики мисапу. Внезапно крупный красный огонек тьянгуи бесшумно выплыл из чащи и, описав дугу, подлетел к нашему биваку. Пораженный зрелищем, я попросил Флавио поймать насекомое, что и было проделано им с ловкостью. Крупный огненосный щелкун длиной сантиметра три с половиной лежал у меня на ладони. Красный огонек погас, но теперь на головогруды жесткого, словно маленькая, чуть рифленая косточка насекомого призрачно светились два круглых салатных пятна. Настолько ярких, что можно читать записи в моем блокноте, поднеся жука вплотную к испещренному чернилами листу бумаги. Заметив, что я удовлетворил свое любопытство, Флавио попросил вернуть ему насекомое. Едва тьянгуи оказался в руках проводника, как тот с хрустом переломил жука пополам и, к моему удивлению, швырнул в костер. На недоуменный вопрос: «Зачем?» он ответил, что всегда так поступают, если тьянгуи залетит под крышу. «Сделаешь так, и в дом придет зверь», то есть охота принесет удачу.

Уже полчаса, как стало совсем темно. «Угольки» носились по расчистке, но, на свое счастье, к костру больше не подлетали. Загадка, почему в полете жук светит красным светом, а когда его поймашь — зеленым, оказалась проста. Дело в том, что под над-

крыльями у тьянгуи есть органы свечения, не видимые, когда насекомое неподвижно сидит или ползает. Но стоит щелкуну поднять жесткие надкрылья, как скрытое ими пятно начинает источать ярчайший оранжево-красный свет. Менее же заметные зеленые пятнышки в полете теряются.

У этого щелкуна много названий. Севернее Напо его зовут тукуйю, не смешивая со светляком-кукуйю, который не относится к роду *Rugophogus*. А на Типутини жука называют именно кукуйю. Крупные светящиеся щелкуны были одними из первых необычных созданий, описанными европейскими натуралистами прошлых веков. Брэм, например, упоминает американских «огненных мух» в своей классической «Жизни животных», утверждая, что их довольно подробное описание еще в 1634 году давал Муффэ. О самом же щелкуне у него можно прочесть следующее:

«Кокуйю (*Rugophogus noctilucus*), как называют этих насекомых испанцы в Центральной Америке, четверо крупнее нашего иванова червячка. Глаза его, словно фонарики, издают настолько яркий свет, что при нем в темной комнате можно читать, писать и делать, что угодно. Если же таких светляков собрать несколько, то в темную ночь можно преспокойно ехать целому обществу при этом свете. До открытия Америки европейцами туземцы почти исключительно пользовались светом этих жуков, как в доме, так и снаружи... Люди употребляют себе в пользу свет подобных жуков самыми разнообразными способами, как, например, вместо маленьких лампочек, в виде красивых маленьких бумажных или тыквенных фонариков. Остроумнее всего ими пользуются дамы, которые употребляют светляков для отделки своих нарядов. Этим жучков пришивают в тюлевых мешочках к платью, из них делают диадемы, словно из живых самоцветных камней, и т. п.». Брэм ошибался только в одном: свет издают не глаза тьянгуи, как, впрочем, и в случае с другими представителями этого рода, но органы свечения на переднеспинке жука.

Ночью заморосило. Временами дождик затихает, но потом сквозь сон с новой силой принимается шуршать по сухим листьям крыши. Лесной жизни он не помеха: все те же голоса и шорохи теплой тропической ночи. Чем-то обеспокоенный, я внезапно просыпаюсь. Темень, небо в тучах... Воуух! — выстрел. Так и есть:

легкое одеяло проводника, которым он всегда накрывается с головой лежа неподвижно на спине, скомкано, а самого его нет. Медленно спускаюсь к реке, светя под ноги подсаженным фонариком. Сейчас совсем не хочется вымокнуть. Господи, как же темно. Даже салатовые огоньки мисапу не мерцают маячками в ветвях и траве. Да и деревьев-то почти не различить. Навстречу из мрака бесшумно выплывает призрачная человеческая фигура, на поверку оказывающаяся Флавио.

— Майманда шамунги?

— Пурингауа рища бультьямуни⁸.

В одной руке у него ружье, в другой маленькая, молодая еще гуанга. И правда, тьянгуи «привел мясо в дом». Выходит, утром мы будем палить, коптить и варить. А потом, если удача не оставит нас, снова. И так день за днем, пока жив Старый Лес и все те бегающие, ползающие и летающие твари, что справедливо почти тают его своим домом.

---

¹ Мне так и не удалось дознаться, что означает это название. Позже, работая со словарями, я отыскал слово «умука», которым в языке сапаро называют уатина. Поэтому название речки предположительно можно перевести как «река уатинов». Впрочем, один известный в Эквадоре этнолог утверждал, что «умукпи» это название цветка. Однако никто из знакомых охотников этого не подтвердил. Кроме того, среди притоков Бобонасы много речек, оканчивающихся на «-пи», то есть «вода, река»: Ятапи, Аулапи, Нальпи, Тсатсапи, Лупамби и другие.

² Добрый день (*исп.*).

³ Люди большого мира (*исп., шутл.*).

⁴ Видишь ли, ну-у... (*исп.*)

⁵ А вот индейцы с Напо словом «апангура» называют также и самого енота-крабеода.

⁶ Слово «матири» в значении «сумка, вместительное чего-либо» распространено и среди других племен Амазонии. Так, по свидетельству Бейтса, индейцы тукуну изготавливали сумки матири (с ударением на последний слог, а не на предпоследний, как в восточных диалектах кичуа). Весьма вероятно, что это слово было заимствовано многими индейскими племенами охотников из языков тупигуарани. А это может служить свидетельством культурных и языковых контактов между племенами Амазонки и коренным населением ее левых притоков.

⁷ Ах ты, черт! (*кичуа, разг.*)

⁸ — Откуда ты возвращаешься? — С охоты иду (*кичуа Бобонаса*).

Глава шестая

Ятапи

Прежде старики говорили, что горлица не поет, а плачет. Плачет, потому что у нее болит клюв. Ведь у человека тоже иногда болят зубы.

— Хочешь узнать Ятапи? — спросил как бы между прочим Флавио. Вопрос застал меня врасплох. Мы как раз достраивали ловушку для аталья пумы, которая накануне убила одну из кур у самого дома его отца. Невелика потеря, но шесть долларов бесследно исчезли в густых зарослях по высокому обрыву, под которым время от времени находят вымытые дождями каменные топоры. Дикая кошка стащила птицу с дерева, где индейские куры имеют обыкновение проводить ночи. И теперь Флавио задумал поймать маленького вора живьем, чтобы потом продать его в город.

Ятапи, один из правых притоков Бобонасы. Дальнее монте... Супаи... Пурина и леса, по негласной традиции, — «закрытые» охотничьи земли семей Флавио, Боливара и его братьев. Леса, в которые чужим проход закрыт. Конечно, я хочу на Ятапи. Мы пойдем туда и, если удача улыбнется, вернемся с мясом.

— Только купи патроны и две батарейки, а то у меня почти не осталось, — добавил Флавио.

Разговор этот случился пару недель назад. Патроны и батарейки к фонарику были куплены, но внезапно у моего давнего товарища по монте возникли непредвиденные трудности, вынудившие его остаться в Канелосе с Патрисией и детьми. Вместо Флавио пошел Боливар, чему я отчасти в душе был даже рад. С какой стороны не погляди, а старики знают больше молодых и могут поведать много интересного. Конечно, еще лучше было бы идти втроем...

И вот теперь я стоял у неширокой — шагов двадцать — и мелкой речушки. Было еще утро, но солнце взобралось уже высоко. Вода блестела и искрилась в его лучах, журчала, перекатываясь струями через валуны, и колыхала притопленные ветви деревьев. В неподвижном воздухе над заводью носились маленькие стрекозы с ярко-алым брюшком, а в густых и жестких кустиках ютсу по галечным пляжам и оголившимся островкам звенели цикады-дзю-лю. Противоположный берег сразу за руслом речки убегал на полсотни метров вверх каскадом зелени, уступами спадавшей, казалось, с самого неба. Голубого-голубого, в редких белоснежных облачках.

Я стоял и разглядывал круглые кошачьи следы. По илистому пляжу зверь прошел часа два-три назад, не больше, перешел речку вброд и скрылся среди деревьев, где следы терялись на лесной подстилке. Судя по отпечаткам лап — как-никак, восемь сантиметров в поперечнике — кошка была немаленькая.

— Дон Канелос, посмотри. Чьи это следы?

— Танчима, — Боливар даже не счит нужным отвлечься от изучения утренних следов гуанты и острых копытца таруга на другом конце пляжа.

— Бог с тобой, какая же это танчима. Гляди.

Старик наконец раз узнал все, что хотел, и теперь присоединился ко мне.

— Инчи пума мау¹.

— Инчи пума? Ты уверен?

— Точно тебе говорю, дон Андрес, инчи пума.

Вот и все. Наверное, Боливар больше удивился бы, найди он тут следы обыкновенной домашней кошки. А так что танчима, следы которой мы уже дважды за сегодняшнее утро видели на берегах речки, что инчи пума. Для меня же каждое встреченное животное или хотя бы след — маленькое событие.

Да, мне не разглядеть едва заметную поволоку на устланной сухими листьями земле — следы недавно прошедшего табунка сахино и не учуять их терпкий чесночный запах, когда звери совсем близко. В густых сумерках я вряд ли когда-нибудь сумею отыскать затаившегося в густой кроне муравьеда-урмига или безошибочно идти лесом, выдерживая правильное направление и не плу-

тая. Боливару не прочесть и не написать ни единой строчки. Ни по-испански, ни на своем родном языке. Но здесь, в монтанье, он знает все. Для него она что книга, в которой он и читатель, и главный герой, и писатель.

Однако мы давно знакомы и прекрасно ладим друг с другом. Он сам показывает и рассказывает о попадающихся растениях — съедобных, ядовитых или лекарственных. Рассказывает о птицах и животных, называет их индейские имена. Вот этот шоколадный гриб-трутовик с белым исподом — сипи ала, помогает при кашле, а белые бахромчатые грибочки — руйя пудзун ала, можно отварить и съесть.

Пока я набрасываю в блокноте следы, он стоит рядом и с интересом наблюдает за моими действиями. Старик свыкся с некоторыми моими «странностями» и виду не подает. Хотя я подозреваю, что в глубине души он не перестает удивляться.

С дикими кошками отношения у меня складывались непрос-то с самого начала. Даже заочно. Лесные же индейцы отводят им особое место среди прочих хищников монте и считают их животными с сильным «самаи», то есть духом. В лесах Орьенте водится несколько видов «пум».

Канело-кичуа с Бобонасы знают уже упоминавшуюся аталья пуму, или тигрильо, танчиму, инчи пуму, пука пуму, атун пуму, нинасича пуму, сипуру пуму, яна пуму, другое имя которой яку пума, альгудун пуму, называемую также путу пума, и уагра пуму.

Я знал, что аталья пума — «куриная пума» — самая маленькая из них, кофейного цвета с черными пятнами на шкуре, середина которых охристая. Есть две разновидности аталья пумы: более крупная и помельче, но обеих иначе называют пишку пума, то есть «птичья пума». Индейцы объясняют это тем, что маленькие кошки охотятся преимущественно на птиц и часто воруют кур у домов.

Танчима почти такого же окраса и размера. Инчи пума, в свою очередь, сильнее испещрена пятнами и более крупная. Пука пума, или дословно «красная пума», много крупнее. У нее на шкуре пятен нет вовсе, а сама она рыжеватого цвета. Атун пума, или «большая пума», окрашена в рыжий цвет и испещрена «розетками» пятен. Шкура сипуру пумы насыщенного, свинцового оттенка,

причем шерсть, в отличие от прочих кошек, длинная, пушистая, а сам зверек небольшой, живет как на земле, так и на деревьях.

Нинасича пума полностью черная, и лишь задняя часть у нее огненно-рыжая, а на боках голубые «звезды»; клыки же длиннее, чем у ягуара. Эту пуму никто и никогда не встречал в монте, но, как мне признался Бальтасар Ильянес, он видел ее однажды, когда пил уанду — сильный галлюциногенный напиток, считающийся во многих местностях священным. Название же свое это животное получило по аналогии с маленькой птичкой нинасича, задняя часть которой красного цвета.

Тело яна пумы, или «черной пумы», покрыто черной шерстью. Говорят, что она очень любит воду и охотится на рыб и речных черепаш. Поэтому еще ее называют яку пума — «водяная пума».

Рассказывая об альгудун пуме, все мои знакомые охотники утверждали, что, как следует из названия, она очень большая и чисто-белого цвета. Из ныне живущих ее никто не видел. Прежде старики говорили, что пуму пума встречалась в лесах вдоль Курарая.

Особняком канело-руна выделяют уагра пуму — крупную кошку, чью шкуру некоторые знахари по традиции используют как головной убор во время отдельных ритуалов. Поблизости от Бобонасы ни Флавио, ни Боливар, ни другие знакомые охотники никогда не встречали этого хищника. «Курарай якуи², вот где прежде было много уагра пум, — говорят все. — Здесь, на Бобонасе, их нет».

Поначалу мне было трудно понять, которые из перечисленных кошек монте и сельвы соответствуют названиям, принятым в научном мире. Я лишь предполагал, что хищник, которого канело-кичуа называют яна пума, — это черный ягуар, меланит. Альгудун пума — тот же ягуар, но альбинос.

Более или менее ситуация была ясна с аталья пумой, которая среди колонистов известна как тигрильо. Я думал, что практически наверняка под этим именем скрываются онцилла и маргай. Отпечатки четырехпалых лап меньшей из «птичьих пум», неоднократно встречавшиеся нам по берегам рек на иле и влажном песке, имели пять сантиметров в длину и пять с половиной в ширину. Длина шага на спокойном ходу составляла почти тридцать сантиметров. При этом животное ставит заднюю лапу не точно в след

передней, а слегка не доносит. Таким образом, отпечаток ноги аталья пумы состоит из полного следа задней лапы и подушечек передней.

Большая пятнистая атун пума, по моему мнению, была ягуаром.

По поводу остальных диких кошек я, к сожалению, поначалу не мог сказать ничего определенного. Индейцы же прекрасно различали каждую из них. Они также разделяли тигрес и леонес, понимая под последними кугуара — того хищника, которого европейцы называют собственно пумой и встречающегося в Сьерре и на восточных склонах Анд. Так что заподозрить охотников в отождествлении одного животного с другим или во лжи в большинстве случаев нельзя. Индейцы хорошо знакомы с местной фауной и редко ошибаются даже при чтении следов животных, хотя случается и такое. Отпечатки лап пука пумы намного более крупные, чем у аталья пумы, они не спугают со следами лап тоже большой яна пумы или другой сходной по размерам кошки. Со всем свежие следы, как-то показанные мне Флавио на Умугпи, были в длину девять с половиной сантиметров и примерно столько же в ширину.

В конечном итоге мне удалось решить головоломный «кошачий вопрос». Я выяснил, что пятнистая инчи пума — это оцелот. Что танчимой называют меньшую из двух аталья пум — онциллу, а большую — маргая — зовут амбурусия. Что свинцового цвета, длинношерстная сипуру пума, названная так за окрас шерсти, схожей с окрасом обезьяны-сипуру, — это ягуарунди. Ну а пука пума, несмотря на все заверения индейцев, оказалась собственно пумой, лишь окрасом шерсти несколько отличающейся от своей горной родственницы.

Не совсем ясной оставалась ситуация с уагра пумой, но все рассказы о ней изобилуют упоминаниями о том, что это самая большая, самая свирепая пума, у которой на редкость разнообразная окраска — от однотонно-черной или рыжей до пятнистой на груди или лбу. Никто из рассказчиков ни разу не встречал уагра пуму. Сейчас их мало, прежде было больше, но где-то далеко от тех мест, откуда родом охотники — такова приблизительно суть всех слухов об этой кошке.

Вот одна из таких историй:

Случилось это на Курарае. Было это, когда люди повсюду в сельве искали каучук и лечегуайю. То были старики, наши предки. Обычно они уходили в лес группами: одни искали каучук, а другие охотились для еды.

Как-то человек отправился на охоту в высокую монтанью, что лежит по верхнему течению Курарая. С собой он взял ружье. Не простое, а такое, которое стреляет пять раз подряд. За охотником увязалась маленькая собачка. Так вдвоем они ходили по лесу и дошли до глубокой кебрады. Тут собачка куда-то подевалась.

Охотник остановился подождать ее, как вдруг услышал шум, будто сильный ветер ревет в кронах и ломает ветви. Это была пума. Человек перепугался до смерти, так как никогда прежде не встречался с ягуаром. Он решил убежать и как раз заметил упавший через овраг ствол дерева. Он бросился к нему, а пума кинулась за ним следом, но не удержалась и упала в кебраду. Охотник остановился посмотреть, что случилось. И увидел, что ягуар никак не может выбраться из оврага и не может допрыгнуть до него. Рядом с пумой крутилась и обьявившаяся собачка, но та не обращала на нее никакого внимания. Ведь это была уагра пума, а она ест только людей.

Пока пума пыталась выбраться из кебрады, охотник прицелился и выстрелил в нее. Потом еще и еще раз, но все без толку. Наконец он увидел на груди зверя овальное желтое пятно и пустил пулю прямо в центр. Только после этого пума умерла.

Но перед тем как умереть, она страшно заревела. И на этот рев примчалась еще одна уагра пума — самка, но охотник застрелил и ее. Только после этого он спустился в кебраду, чтобы посмотреть на свою добычу и отрезать лапы. Он хотел показать их своим товарищам, иначе они никогда бы не поверили ему.

Когда охотник вернулся в тамбу и извлек на свет свою добычу, все перепугались до смерти, оставили работу и спешно перебрались на противоположный берег реки. И хорошо сделали. Наутро оказалось, что ночью в их лагерь приходила еще одна уагра пума, самец, и натоптала целую тропу вокруг. Если бы люди остались там, то непременно бы погибли.

Рассказы, подобные этому, можно услышать по всему Орьен-

те: хорошему слушателю люди всегда рады. В конце концов, я стал склоняться к мысли, что уагра пума это некий абстрактный образ сильного и коварного хищника, не имеющий живого аналога в реальной жизни.

Аналогичного мнения придерживаются и ряд эквадорских исследователей. Позволю себе процитировать отрывок из монографии, любезно предоставленной мне Натали Орбе — одним из научных сотрудников «Муseo Амасонико» в Кито.

«Один из самых удивительных демонов — это демон ягуара, Пума Супаи, который может появляться в облике любого хищника семейства кошачьих, — пишет она в своей работе «Религиозные воззрения кичуа-канелос». — Есть два класса ягуаров: обычные и демонические. Эти последние нападают на людей и причиняют им всяческий вред... Яна Уагра Пума Супаи охотится в образе черного ягуара. Эта кошка самая большая из всех встречающихся в Южной Америке. Прежде она была весьма многочисленна на землях, где сегодня живут кичуа-канелос, и внушала людям сильный страх». И это правда. Даже сегодня, будучи в лесу, вдали от дома, охотники вполголоса говорят о уагра пуме.

Несколько дней назад, взобравшись на самую вершину Кильпунду Урку, мы остановились перевести дух. Незадолго до того нам с Боливаром два с половиной часа пришлось буквально пробраться сквозь ветровал, прошедший месяца два назад и основательно заваливший участок тропы, который в другое время минуешь за двадцать минут. В этих местах Амазонии ураганные ветра обычно дуют в августе, когда на несколько дней наступают холода. Люди, которым случилось быть застигнутыми ими в лесах и выжить, вспоминают о том как о самых ужасных мгновениях в своей жизни. Скинув ношу, мы с облегчением присели на землю. Погода стояла хмурая, и панорама расстилавшихся под ногами ущелий, покрытых густым лесом и клубившихся серыми тучами, казалась зловещей и навевала неясную тоску. Лишь на склонах дальних холмов то там, то здесь желтели цветущие кроны деревьев пумбучи, привнося оживление в это закодированное царство сумрака.

— Здесь, на Кильпунду Урку, заперта уагра пума, дон Андрес, — негромко проговорил Боливар. — Когда-то она жила тут. Очень дав-

но, так старики рассказывали. Она жила под землей, в пещерах, прямо под нами, а охотиться выходила наружу. Эта уагра пума была очень большая, а рычала так громко, как корова мычит или как ветер воеет. В этой стороне тогда ни у кого пурин не было. Охотиться сюда тоже не ходили, потому что боялись. Наверное, поэтому она никого не убила. Но потом люди стали заходить в эти места, и как-то раз знахари собрались вместе, пили айягуаску и заперли уагра пуму под землей. Она и сейчас здесь.

Переводя дух, я глядел на заваленные деревьями и густо заросшие распадки. Было так сыро, что даже цикады молчали. И, вслушиваясь в эту необыкновенную тишину под сумрачным, набухшим дождем небом, я охотно верил словам старого индейца.

Кроме уагра пумы в восточных лесах живет еще одна загадочная маленькая кошка, охотящаяся стаями по шесть — десять животных. В высокой монтанье на Бобонасе о ней мало кто слышал. А вот кичуа из низкой сельвы вдоль Напо, Типутини и приграничных с Перу районов рассказывали о небольших пука пумах. Говорили, что шерсть у них темного, рыжеватого цвета и лишь на конце мордочки имеется черное пятно. Мои проводники напо-кичуа с Типутини утверждали, что эти тигрес отличаются от прочих злобным нравом и совсем не боятся человека. А один знакомый охотник-ачуар, Тайш Ямбиа, с глухой речки Уичим, что на крайнем юго-востоке Эквадора в лесах Транскутуку, также говорил о маленьких патукмай яуа, охотящихся стаями. По его словам, у этих рыжих кошек короткие хвосты, и когда они преследуют добычу, то лают, словно собаки. Правда, Тайш никогда не слышал, чтобы они нападали на людей.

Так и осталась эта загадка неразрешенной. Упоминание о коротких хвостах и голосе, похожим на собачий, наводит на мысль, что, по крайней мере, в некоторых историях про кошек, охотящихся стаями, речь в действительности идет о кустарниковой собаке. Сложением тела она действительно больше походит на представителя кошачьих.

Вообще же, когда разговариваешь с индейцами о диких кошках, важно иметь в виду следующее. Под словом «пума» лесные кичуа подразумевают не только собственно диких кошек, но и целый ряд других хищников. Так, хоря зовут дзуру пума на Бобо-

насе и чуру пума на берегах Напо. Тайру называют туи пума. Оба вида гризонов именуют туйю пума, а енота-крабоеда — апангура пума. Поэтому сами же индейцы иногда уточняют: «Ай трес класес де пумас³: большие, средние и маленькие. Но последние это не тигрес, просто мы называем их пумами».

— Скажи, ты когда-нибудь убивал атун пуму? — спрашиваю я Боливару, а сам продолжаю рисовать.

— Нет, атун пуму ни разу. Однажды на Курарае я убил инчи пуму. Мы охотились, и собака бегала где-то в лесу. Вдруг слышим из чащи: «тсиик-тсуунг, тсиик-тсуунг». Я подумал, это ями кричит, стрелять приготовился. Тут собака как выскочит прямо мне под ноги, а за ней инчи пума. Тсиик-тсуунг... Это не тромпетеро кричал, а тигре зубами щелкал, собаку хотел схватить. Ну, я и убил его. Близко, шагов за десять».

— А другие охотники убивают атун пум?

— Некоторые убивают, когда встречаются в лесу. А так нет. Старики говорили, что атун пума — это Сача Руна. Он охраняет нас от разных плохих вещей в лесу. Когда ты в монте, вдали от дома, всякое ведь может случиться».

Я на собственном опыте знаю, что подразумевает Боливар под «плохими вещами». Но сейчас не время рассуждать: пора убирать блокнот и отправляться дальше. Покидаем речку и идем едва заметной тропкой — пики ньямби, которая срезает излучины. Если же двигаться руслом, то пройдешь не один десяток лишних километров по камням и жидкой грязи.

Боливар движется впереди с ружьем. Я за ним следом — шагах в пяти. В одной руке импровизированная удочка из остова листа чили руйя, в другой мачете. За спиной в шигре, завязанной узлом на шее, я несу лишь десяток маленьких, с ладошку величиной, иссиня-черных рыбок-ньячи. Их мы наловили раньше в озере с топкими берегами у подножия отвесного каменного обрыва. Пока что это вся добыча за сегодняшний день. Боливар беспрестанно осматривает кроны деревьев, его глаза обшаривают упавшие стволы и кебрады. Особо внимательно он вглядывается в лохматые шапки пальм тара путу. Там, если повезет, можно застать ленивца-индильяма, который лакомится нежным памбилем и молодыми листьями. Тогда даже не надо стрелять. Достаточно сру-

бить дерево: ведь ленивец никуда не убежит. Напротив, еще сильнее зацепится за ствол пальмы.

У Боливара своеобразная манера двигаться, отличная от Флавио. Его сын высматривает добычу, делая плавные, мягкие движения. Боливар же совершает короткие резкие повороты головой во все стороны, а его тревожные черные глаза безостановочно обшаривают каждую ветку. Привычка смотреть заразительна: вслед за Боливаром я больше гляжу по кронам деревьев, нежели под ноги.

Иной раз индеец замирает на месте, нагибается и разглядывает следы животных, поедь обезьян, осыпавшиеся сверху ягоды или цветы. В другом месте он останавливается и принимается пронзительно свистеть, подражая голосу испуганной молодой гуатусы: «уиийть-уиийть-уить-уить-уить-уить, уиийть...» Если поблизости окажется кто-то из родителей, то он бросится спасать детеныша и выбежит прямо на охотника.

Найдя свежий след венадо, старый индеец кричит олененком, чтобы подманить важенку. Неслышно подойдя к лесной лагуне, он издает громкие гнусавые стоны, будто кто-то водит куском пенопласта по стеклу. От них кожа покрывается мурашками, но если в озере спрячется взрослый кайман, то он непременно покажется, услышав крик тревоги своих малышей.

Желтогрудые туканы-куилин поднимут переполох, услышав вопли испуганных птенцов. На них слетятся не только родители, но и соседи. Они будут кружить над человеком, пытаясь отогнать его прочь, и вот в этот момент нетрудно убить нескольких птиц.

Тропка снова выводит нас все к той же реке. Тут по бочажкам должны стоять колючие сомики-бульюкики с невероятно длинными усами. Роемся в подстилке, ищем червей-куика. Боливар забирает удочку и бредет по воде. Останавливается, делая забросы. Я бреду заросшим берегом, медленно спускаясь по течению и высматривая гнезда термитов. Ветви скрывают от меня и реку, и старика. О том, что он где-то рядом, я догадываюсь по монотонному свисту. Боливар протяжно свистит четырьмя нотами, не умолкая ни на мгновение. Так делали его дед и отец, когда ловили рыбу крючком, так же поступает и он. Считается, что свист привлекает бульюкики, и рыба сама плывет к рыбаку.

— Дон Андрес, ты видишь кумишин?

— Мана. Кайуи мана тъяу⁴.

В который раз я удивляюсь способности индейцев говорить в лесу на большое расстояние, не повышая голоса. Произнося фразы на одном дыхании, они добиваются того, что звук распространяется дальше, чем если бы их просто выкрикивать.

А термитов, которые сейчас так нужны, нет. Они словно сквозь землю провалились. Несмотря на все усилия, Боливар поймал только трех рыб. Дождь последний раз был день назад. Вода в реке хоть и спаала, но все еще глинистого цвета — где-то в истоках случился оползень. А бульюкики по мути идут на крючок неохотно. В таких случаях термиты — лучшая приманка, если есть немного взрывчатки. У Боливар как раз припасена маленькая толовая шашка из тех, что из-под полы продаются на рынке в Пуйо по восемь долларов за штуку. Глушить рыбу динамитом, а тем более продавать его категорически запрещено, но, как и на любом рынке, в городе можно купить почти все, что угодно.

Чтобы привлечь рыбу, термитники разламывают на куски и бросают в воду. Когда место выбрано удачно, то рыба начинает собираться, привлеченная сотнями крохотных насекомых. Вот тогда-то ее и глушат.

Но сегодня удача отвернулась от нас. Добыча невелика, а вдобавок ко всему Боливар окончательно разорвал свои единственные штаны. Надо возвращаться в лагерь. Это все длиннохвостый чикуан, с самого рассвета крутившийся неподалеку от нашего тамбу, накликал неудачу. Перепархивая с ветки на ветку, он ехидно кричал «чи-куан, чи-куан», предвещая неприятности. За это Боливар даже пытался прогнать его. Вот если бы птица задорно покрикивала «чи-чи-чи-чи», тогда другое дело.

Позже, в лагере, лежа под широким навесом, я буду снова и снова перечитывать записи прежних дней. Прошло так мало времени, а маленькая, но своенравная и капризная Ятапи успела стать совсем родной. словно мы всегда были знакомы. Только как будто надолго расставались, а теперь, встретившись вновь, в памяти воскресают знакомые образы. Увы, скоро нам снова придется проститься. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

«..Доминок колумбийцев-лесорубов. Небеса разверзлись, и дождь

лет как из ведра. Сумрачно, словно вечером. Небо разрывается раскатами грома прямо над головой, и долгий гул прокатывается от горизонта до горизонта, отражаясь от склонов мрачных ущелий. Очень сыро и холодно. Сушим у костра одежду, исходящую паром. Боливар говорит, что нужно нарвать листьев мандуру или ляранга и положить их на огонь. Тогда дождь должен прекратиться. А чтобы заставить умолкнуть гром, в костер бросают панцирь краба или кусочек смолы-пунгара из пчелиных гнезд. Вдруг откуда-то сверху по склону доносится треск и грохот: упало старое подгнившее дерево. Старик предупреждает, что в сильный дождь в лесу надо быть начеку: в такое время много больших сучьев, а то и целые деревья внезапно обламываются под собственной тяжестью и, падая на землю, могут серьезно поранить или даже убить человека».

Это было три дня назад.

«...сегодня узнал, что все хищные птицы съедобны, в том числе и сова-апапа, громкий крик которой нередко разносится в Канелосе по ночам. Из сов не едят только бульюкуку: считается, что на самом деле это Анга Супаи. В пищу используют и всех дневных хищников. Исключение составляют лишь те, кто питается падалью — кундур, ульяуанга, сиука и некоторые другие.

Из животных на Бобонасе среди прочих не едят сача альку — кустарниковых собак, пум и больших древесных дикобразов-пуча. Змей в пищу также не употребляют. Зато, по словам Боливара, прежде, когда ему было лет пятнадцать, ели больших летучих мышей — бьюра тутапишку. Сейчас ему пятьдесят восемь, и он не слышал, чтобы в Канелосе на них сегодня кто-то охотился».

Тогда же.

«...в лесу сегодня нашли дерево ауану, а под ним множество сухих ложечек-шкурков от плодов. Эти шкурки называют ауану кучара и прежде, когда не было металлических ложек, действительно использовали взамен последних. Каких-то лет пятнадцать назад их специально собирали и хранили в домах, так как большие деревянные ложки — мама кучара горцы приносили на Бобонасу редко и продавали дорого. Если шкурки оставить на солнце, то они корежатся и скручиваются. Но стоит опустить их в воду, и они на глазах принимают прежнюю форму.

Тут же, рядом с огромным деревом ауану росло небольшое тонкое деревце питун, на стволе которого метрах в четырех от земли висело два продолговатых зеленых плода, один из которых был надъеден. Боливар объяснил, что это поедь обезьянки-щиль-типу. Определил он это по тому, что плод остался висеть, прикрепленный к коре черешком. Если бы питун нашла рыжая белка-ардилья, то она бы утащила находку наверх, где и съела бы».

Это уже запись от вчерашнего дня.

«...накануне вечером боролись с муравьями-листорезами укуй, которые шествуют колоннами по и под нашими постелями из листьев фибры. Окуривали дымом, выкладывали чадившие головешки и рассыпали горячие угли из костра на их дороге, но толку от этого мало. Сегодня на рассвете Боливар обнаружил, что укуй добрались до уже сваренных платано из нашего запаса, изрядно его поели и продолжают уничтожать. Тогда он стал брать по одному банану и подносить его к костру. Оранжевые языки пламени слизывали разбегавшихся в панике, корчившихся от жара муравьев, а Боливар все приговаривал: «Воровать не боитесь, а умирать боитесь».

А вот самую последнюю запись я сделал наутро после первой ночи, проведенной на Ятапи.

С Ятапи у Болиvara связано многое. Именно на ней он однажды столкнулся с супаи. И вот как это было:

Двадцать четыре года назад Боливар, его свекор Хайме Танчима и шурин Доминго Танчима каждый на своем каноэ спустились по Ятапи с грузом фибры, которую собрали как раз на пури-не Хайме. Воды в реке было немного, и каноэ шли, не встречая серьезных препятствий. Это после дождей, когда маленькая Ятапи в считанные минуты вздувается на три метра, она становится «словно Пастаса», и плавание по ней требует невероятного напряжения сил и сопряжено с серьезным риском. Но в тот раз воды было немного, и индейцы быстро шли вниз по течению.

На второй день плавания — было уже около двух часов — они увидели, как с берега в реку сполз небольшой, метра два в длину, черный кайман. Свекор решил, что надо остановиться, построить ранчито, а ночью убить его.

Так и сделали. Когда стемнело, охотники, светя фонариком, по

горящим глазам нашли каймана. Старый Хайме выстрелил два раза, когда до животного было шагов шесть-семь, но то нырнуло и исчезло. Индейцы решили подождать полчаса и попытаться снова найти каймана.

Они заметили его лежавшим на берегу. Теперь первому выпало стрелять Доминго. Он успел выпалить два раза, прежде чем кайман исчез под водой.

Охотники выждали еще с полчаса и снова поплыли на поиски руна лягарту. Уже в который раз они увидели его на берегу. Теперь была очередь Боливара стрелять. Он тщательно прицелился и выстрелил... Кайман ушел.

Охотники прекратили охоту и вернулись в ранчито. А наутро, спускаясь по реке, опять заметили каймана, в которого на этот раз выстрелил Хайме.

Так и не убили они его. Только через три дня индейцы добрались до Канелоса: им пришлось спуститься до устья Ятапи, а потом подняться на шестах вверх по Бобонасе. Вернувшись домой, они рассказали всем о случившемся. Тогда знахарь пил айягуаску, а после сказал, что это был не кайман, а супаи. Вот почему они не сумели застрелить его...

¹ Это инчи пума (*кичуа Бобонаса*)

² На реке Курарай (*кичуа Бобонаса*)

³ Есть три класса пум (*исп*)

⁴ Нет, тут нету (*кичуа Бобонаса*)

Глава седьмая

Тени племен

*Раньше мы воевали с шуар и с гайя
У шуар были копья, а у гайя луки Мы
убивали их всех из бодокер, потому что
у нас не было ни копий, ни луков Для
этого есть один особый яд,
который называют ламас амби Он
убивает человека так же, как обычный
яд убивает обезьяну Так было, дон Андрес*

— Ты знаешь Уагра Урку¹, нет? — спросил Боливар в один из наших походов за лесным «мясом». — А Умугпи, Умугпи ты знаешь? Ты с Флавио туда ходил, верно? Так вот, если подниматься по Умугпи, а потом идти еще тропой, то придешь как раз к Уагра Урку. Это самая большая гора. Оттуда сверху все-все монте далеко видно. Прежде, давным-давно, там жили гайя. Мы с ними много воевали. Они были храбрыми воинами, и они стреляли из луков. У них были луки и стрелы. Так вот. Возле Уагра Урку и сейчас можешь найти много черепков, а иногда и целые кальяна, учу манга. Когда-нибудь мы туда пойдем.

Внезапно у меня родилась догадка:

— Послушай, дон Канелос. Ведь у жены Флавио фамилия Гайяс и она родом из Пакаяку?

— Да, на Пакаяку тоже жили гайя.

Вспоминаю, что как-то раз мы рубили чунды на столбы для нового дома, и Флавио рассказал, как они познакомились с Патрисией. Помнится, он еще жаловался, что ни отец, ни мать не хотели их брака. Теперь, кажется, мне становится ясно, в чем крылась причина недовольства Боливара женитьбой своего сына на одной из Гайяс. Нет, здесь не просто нежелание принимать в семью девушку, которую считали неподходящей парой сыну. Память о былых войнах жива до сих пор, хотя последние гайя исчезли более полувека назад, растворившись среди кичуаговорящих

соседей. Исчез и их язык. А уж стычки были и вовсе Бог весть когда. Может, сто лет назад, а может, и все сто пятьдесят.

Признаться, для меня это было откровением. Конечно, я знал, что многие кичуа противятся бракам своих детей с шуар, или, как они их часто называют между собой, с аука — дикарями. Но в этом случае все предельно ясно: противостояние с шуар продолжается на протяжении столетий. Последние стычки случались еще не так давно, и память о них свежа. На Бобонасе до сих пор бытует словосочетание «аука уарми». Так кичуа называют женщин шуар в противоположность «аушири уарми» — женщинам аушири, с которыми предки канело-кичуа тоже вели войны. Говорят, будто бы и те, и другие поджидали мужчин канело-кичуа в лесу и убивали их. Память о частых войнах прежних времен хранит и язык лесных индейцев. Сегодня кичуа при встрече скажет-спросит: «Альи каусанги?» — буквально «хорошо живешь?», а ачуар поприветствует знакомого хотя бы и после недолгой разлуки вопросом: «Пухамык?» — «ты жив?» И в первом, и во втором случаях смысловой акцент ставится именно на слова «живешь» и «жив».

По возвращении в Канелос я не забыл рассказ Боливара и, решив проверить свое предположение, при случае поинтересовался у Патрисии относительно ее предков.

— Ааа... да-да, Андрес, — скороговоркой, в свойственной ей манере, ответила жена Флавио. — Моя бабушка говорила, что раньше мы были гайя, сапаро, и жили не на Бобонасе, а в лесах. Давно это было, может, во времена прадедов, а может, и до них еще. Те гайя были очень храбрыми и совсем дикими. Как патамарилья² сегодня. И говорили они на своем языке, а не на кичуа. Но это давно было. Потом они стали «сивилисадо»³ и поселились на Пакаяку и Бобонасе. Больше я не знаю.

С мнением, что гайя были «очень храбрыми и совсем дикими», мне уже приходилось сталкиваться. В Канелосе, например, сегодня рассказывают такую историю:

Давным-давно мы жили на берегах Нальпи, это один из притоков Бобонасы. Там же жили и тайях аука. У Монтальво есть одна гора, которая называется Манга Урку. Там жили гайя. На Уагра Урку, в истоках Нальпи, были ушпа аука⁴. Гайя напали на Уагра Урку на рассвете, как пумы, захватили много людей и всех их съе-

ли, словно те были сахино. Спустя какое-то время они снова вернулись. Тогда, как предзнаменование этого, появился уакамайя, всего один уакамайя, который летел вверх по реке. А это значит, что гайя должны были появиться у устья Нальпи.

Там, возле устья, жили тайях аука, которые были смиренные, совсем как сахино. И гайя их убили. Они подстерegli тайях аука в том месте, где пересекались тропы. Гайя затаились по сторонам от троп. Один с копьем, другой тоже с копьем, но чуть подальше. Так они поджидали тайях аука, словно пумы. И они убили их, разделили мясо между собой и съели, словно те были сахино.

Так рассказывают в Канелосе о гайя. До того момента я не особенно углублялся в прошлое лесов над Бобонасой в частности и Орьенте в целом; как и населявших их индейских племен. Пока не услышал от Боливара сказку, в которой одни из главных героев носят имя исчезнувшего племени — Уцпа Аука:

Давным-давно гуайюса была как человек: Гуайюса Руна — мужчина и Гуайюса Мама — женщина. Тогда же жили и Уцпа Аука, тоже мужчина и женщина. И вот однажды Уцпа Аука пришел к Гуайюса Руна и сказал: «Зачем ты пьешь по утрам столько гуайюсы? Это плохо. Ты что, хочешь жить вечно?» Так спросил Уцпа Аука, и Гуайюса Руна ему ответил: «Это хорошо пить гуайюсу. Я хочу быть сильным».

С тех пор минуло много лет. Гуайюса Руна хоть и состарился, но остался крепким, а Уцпа Аука совсем одряхлел, еле ходил, опираясь на палку.

Этот рассказ стал последней каплей, переполнившей чашу. Меня не на шутку заинтересовало, а что же, собственно, происходило здесь в относительно недавние времена? Стоит попытаться разобраться в этом непрстом вопросе.

Но для начала следует дать хотя бы общее представление о том, какие племена населяли сельву к востоку от Анд на момент появления испанцев в этих землях.

Ко времени, когда первые испанские экспедиции, перебравшись через хребет Восточной Кордильеры, стали проникать в леса, в бассейне Амазонки доминировали два огромных культурно-лингвистических комплекса: тупи-гуарани и тукано. В междуречьях таких крупных рек, как Напо, Путумайо и Какета, то

есть на северо-западе, преобладали племена, современными этнологами и историками относимые к тукано. Верхнее течение Напо населяли кихос. Нижнее Напо, от ее впадения в Амазонку и до устья Путумайо, занимало так называемое «королевство Омагуа». В лесах к югу от Напо и до левого берега Пастасы жили многочисленные — несколько десятков — племена сапаро, объединявшиеся в племенные союзы. Наконец, территории от правобережья Пастасы и до самого Верхнего Мараньона принадлежали племенам хибаро.

К началу XVII века после более или менее основательного закрепления испанцев на Северо-Западе Амазонии ситуация с распределением индейских племен выглядела приблизительно следующим образом.

Кофан, которых было около семидесяти тысяч, населяли берега Агуарико. Сиона жили по Путумайо и ее притокам, и было их около пяти тысяч. Секойя также жили на Агуарико и притоках, и их тоже было около пяти тысяч человек. Энкабельядос — так называли различные племена, относимые сегодня к западным тукано, — насчитывали до десяти тысяч. Часть омагуа, которых было тридцать тысяч, занимали земли в междуречье Агуарико и Напо. Кихос — тоже около тридцати тысяч человек — жили выше, между реками Кока и Напо.

Собственно сапаро заселяли берега Курарая, и число их не превышало тысячи. По течению Курарая жили и оака, или деуака, также не превосходившие числом тысячу. По той же реке и ее притокам обитали симигаэ в количестве пяти тысяч. Уамбойя — около десяти тысяч — заселяли течение рек Палора, Уамбойя и их притоки. Андоа жили на Бобонасе, Пастасе и впадавших в них более мелких реках; насчитывали две тысячи человек. Коронадос, или ипапитса, — всего пять тысяч — обитали в тех же местах, как и пинда, в количестве двух тысяч человек. По соседству земли занимали роамайна и мурато — свыше четырех тысяч. Собственно шуар жили на реках Пастаса, Морона и Сантьяго, и было их до шестидесяти тысяч. Здесь же обитали ачуар — пять тысяч. Гайя, или гаэ, шивиар и уорани, всего семь тысяч, обитали на Тигре и притоках. Силья — двенадцать тысяч — занимали земли вдоль рек Чинчипе, Уанкапамба и притоков. Де-

сять тысяч пакаморо и намбиха заселяли верховья Чинчипе, а двенадцать тысяч ягуарсонго — Саморы и ее притоки⁵.

Следует помнить и вот еще о чем. Между 1767— 1890 годами племена по разным причинам переселялись на новые места, и испанцы взамен прежних давали им новые имена: напо, кичуа, руна; сапаро, сапара, сапарро (аука, хибаро, инфиелес, сальвахес); авихира, авишира, аушири, аушири, аучири и т. д.; энкабельядос, анготерос, пиохес, котос, орехонес.

В испанских источниках времен колонии отыскиваются весьма характерные сведения о жителях восточных лесов, какими они представлялись европейцам:

«Между этими реками — Напо и Пастаса — есть поселения голых людей, карибов, которые поедают друг друга и даже своих собственных детей и жен, когда те им надоедают. Наиважнейшие группы индейцев в тех местах, за исключением кихос и омагуа, это коронадос и оа, что живут вдоль реки Аррабима, притока Пастасы. Их наизлейшие враги гаэ, обитающие между реками Бооно⁶, Тигре, а также на Курарае. Прежде были кровавые времена, и эти индейцы слыли известными людоедами. Поесть человеческого мяса — вот основная цель всех их войн с коронадос и другими племенами. С испанцами у них были большие битвы...

От левого берега Тигре до Напо и Мараньона живут ямео. Прежде они враждовали с масамаэ и икито. Про последних рассказывают, что они тоже едят человеческое мясо».

Колониальные испанские историки, повествуя о сельве и ее индейцах, часто ссылались на сведения, доставшиеся от участников военной экспедиции Уайна Инки Капака, дошедшего до реки Кока. Они упоминают, что «это земли, где дождь льет, не прекращаясь... где люди живут в одном доме, большом и длинном. Что люди ходят голые, потому что земли те очень жаркие, и что жители их порочны и ленивы. Носят они всегда луки и стрелы, охотятся на попугаев и обезьян и едят человеческое мясо. И что устраивают большие праздники и поедают пленников...»

Как видно, сегодня можно долго размышлять о том, кто же они такие — современные кичуа лесов Орьенте, и разобраться в этом нелегко. Если оставить в стороне своеобразные мифы, сохраняющиеся до сего дня, их истоки достаточно туманны и заставля-

ют ломать голову многих этнографов, антропологов и историков. Даже внешне человека, пришедшего из сельвы, нетрудно отличить от горца, едва лишь взглянув на того. Одно то, как незнакомец ест, расскажет о многом: первый расправляется с едой быстро и молча, тогда как второй жует очень медленно, к тому же не прочь поговорить за едой, и тогда только слышишь что «дис ке... дис ке...»

Сегодняшних лесных кичуа выдают мягкие черты лица, на котором в большинстве случаев не найти и следа традиционного резко очерченного горбоносого инкского профиля, хотя их носы и не плоски. Они не «морадос», то есть их кожа не обожжена на щеках, не иссушена и не обветрена. Их девушки красивы. Они гораздо более походят на соседних шуар, ачуар и шивииар, нежели на тех индейцев, которые часто смотрят со страниц красочных журналов о природе и жителях высокогорных долин Анд. Одним словом, это совершенно иной антропологический тип. Кроме того, среди коренных жителей восточных лесов не встретить обладателя узких золотых коронок на зубах, что сплошь и рядом можно видеть в горах наряду с традиционными расшитыми белыми блузами женщин, синими или красными пончо, мотками золотистых бус на шее и узкополыми шляпами.

Среди историков и археологов нет единого мнения в вопросе происхождения разных групп кичуа Орьенте, и до сих пор он остается открытым. Одни полагают, что лесные кичуа, какими они известны сегодня, ведут начало от племен, населявших монте до прихода инков и торговавших с горцами-чинчай. Последние жили на территории современного Перу и к тому времени уже были покорены могущественным южным соседом — инками. В торговле чинчай пользовались официальным языком Тауантинсуйю, который позднее переняли и жители окраин будущих северных провинций империи, привнеся в него свои особенности.

Другие исследователи считают, что лесные кичуа ведут родословную от самих инков. При этом утверждают, будто их предки осели на землях, где живут сегодня, еще во времена военных походов Уайна Инки Капака и Тулака Инки Юпанки к востоку от Анд.

Наконец, высказывают предположение, что кичуа Орьенте — это племена из горных областей современного Эквадора, уже в

эпоху испанского владычества, то есть где-то в шестнадцатом веке, оттесненные в восточные леса.

На мой взгляд, наиболее правдоподобно выглядит другая версия, которая гласит, что часть кичуа Ор്യенте — те, что живут вдоль среднего и нижнего течения Напо, — это омагуа, перенявшие язык инков, сделавшийся для них родным. По своему происхождению они восходят к некогда многочисленной северной ветви племен тупи, ныне почти исчезнувшей. И прежде всего, к уничтоженным культурам омагуа и уитото. За долгое время совместного проживания в схожих условиях они испытали на себе сильнейшее влияние племен сапаро, западных тукано, в частности сиона-секойя, и кичуа Сьерры из разных горных районов.

Как я уже упомянул, когда испанцы только появились на территории, впоследствии называвшейся вице-королевством Перу, вице-королевством Новая Гранада, Великой Колумбией и, наконец, Эквадором, значительная часть лесных племен говорила на языках и диалектах тупи. Они оставили свой след в названиях рек — Ясуни, Типутини, в именах животных — яуати и жабути, таманоа и тамандуа, птиц — араса и арасари, растений — самуна и самаума; особенно по течению Напо и ее притоков. В этом далеко неполном списке первыми я привел слова, бытующие сегодня среди напо-кичуа и не воспринимаемые ими как иноязычные, а вторыми — названия из собственно языка тупи со среднего течения Амазонки. Их родство очевидно для специалистов и не требует доказательств.

Вытеснение родных языков, скорее всего, происходило не сразу. Вначале разговорный, максимально упрощенный кичуа стали использовать как язык торговли в верхнем течении Напо и ее притоков. И лишь затем он постепенно превратился в единственно родной язык почти для всего индейского населения восточного региона, распространившись до самой Пастасы. Предполагается, что начало этого процесса восходит еще к доколумбовому периоду. Но наиболее интенсивно он стал развиваться при испанцах. Они использовали язык кичуа — руна шими — для укрепления собственного влияния, расширения торгового обмена и усиления миссионерской деятельности среди разноязычных индейских племен. Особенно среди многочисленных сапаро.

Исходя из этого, так называемый процесс «кичуанизации», выраженный не только в заимствовании языка, но и отчасти традиций, можно охарактеризовать как продолжительный межкультурный обмен, который в конечном итоге почти стер изначальную самобытность племен и сделал всех их частью единого субэтноса — кичуа Орьенте.

Исключением, по всей видимости, могут служить этнографические группы канело-кичуа, где до сего времени трудно не заметить сильнейшее влияние культур западных ачуар и племен сапаро: собственно сапаро, андоа и других. В формировании канело-кичуа участвовали также племена гайя и ипапитса. Наиболее интенсивно взаимное проникновение культур происходило на протяжении девятнадцатого века и носило вполне мирный характер. Следы культурного обмена сегодня легко отыскать как в языке, мифологии и обрядах, так и в быту канело-кичуа, ачуар и шивуар. Точку в истории прежних племен поставили андоа, ассимилированные последними, и переставшие существовать уже в двадцатом веке. Язык их сошел в могилу вместе с последними из них⁸. Исходя из этого, на мой взгляд, было бы справедливо рассматривать канело-кичуа, западных ачуар, шивуар и собственно сапаро как этническую общность.

До наших дней сохранились истории, бытующие среди самих канело-кичуа и повествующие о том, как их предки регулярно предпринимали походы. В частности, за каменной солью на копи Ламас, что на реке Уальяга, а ведь это более тысячи километров на юг. Небольшие флотилии, насчитывавшие с десяток каноэ, сначала спускались по Бобонасе до ее слияния с Пастасой, затем продолжали путь до самого Мараньона, потом сплавлялись по Мараньону до устья Уальяги, а оттуда поднимались в предгорья Анд — к соляным копиям. К какому времени относятся эти походы на Уальягу, сколько они длились — индейцы ответить затрудняются.

Правда, каких-то двадцать лет назад жители Бобонасы еще ходили на каноэ за солью, но не столь далеко — на Пастасу. Об этом мне рассказывал Флавио, который помнил, как снизу по реке привозили большие куски серой соли, когда он был маленьким. В то время дороги, соединяющей миссию в Канелосе с Пуйо, еще не было. Следовательно, не было и многих доступных сегодня това-

ров, в том числе и соли. Сегодня такие экспедиции обыкновенно упоминаются как необычные случаи. Часто они полулегендарные и напоминают лесные сказки. Однако сам факт путешествий вполне достоверен. И он свидетельствует в пользу того, что индейцы, по крайней мере, с верховий Пастасы и притоков, поддерживали не только военные, но и регулярные торговые и культурные отношения с населением районов, отстоящих за тысячу километров от их земель.

Одну из сказок — о Качи Руна, объясняющую, почему на Бобонасе нет выходов соли и зачем люди плавали к низовьям Пастасы, я услышал от Боливара:

Когда-то на Бобонасе жил человек. Был он невысокого роста, и никто не знал, где его дом. Не знали, был ли у него дом вообще. Этот человек обыкновенно ходил от одного дома к другому. Поживет здесь немного, дальше пойдет. Так и жил.

В то время пищу солили не всегда. Когда соль заканчивалась, приходилось все есть пресным. И вот как-то раз пришел этот человек в дом, и его пригласили поесть со всеми. А соли не было. Он попробовал немного и видит, что еда совсем без соли. Тогда потер пальцем глаз, счистил гной из уголка глаза и бросил его в пищу. Люди удивились: зачем он так делает? Спросили. Человек ответил, что с солью еда вкуснее. Не поверили, сами попробовали. И правда, пища стала соленой.

Так ходил тот человек от дома к дому, пока однажды люди его не обидели: сказали, зачем портишь еду, уходи. И тогда он однажды просто исчез. Говорят, что будто бы ушел в Перу. А с тех пор как человек пропал, на Бобонасе вдруг не стало соли.

Недалеко от Чамбира, рядом с Пакаяку, есть место, которое называется Дила Уайя. Там раньше была соль, но как только маленький человек ушел с Бобонасы, та превратилась в камень. И сейчас здесь только камень, а соли совсем нет. Только тогда люди поняли, что обидели Качи Руна, хозяина солонцов. Потом всем уже пришлось плавать в Перу, вниз по Пастасе, откуда привозили соль.

Упоминания о том, что за солью на копи Ламас приплывало множество индейцев из западной части Амазонии, есть и в уже упомянутой мною книге «Амазонка, царица рек Южной Америки»:

«Выше этого селения [Юримагуас], на правом берегу реки находятся знаменитые соляные залежи; они тянутся на протяжении многих верст вдоль самого берега реки и могли бы снабжать солью Америку. В настоящее время они снабжают солью только лишь жителей амазонской области, а потребность в соли здесь весьма значительна, так как соленая рыба составляет один из главных источников питания. Соляные холмы, в которых слои соли чередуются с красной глиной, достигают здесь до ста метров высоты.

Там, где по склонам холмов дождь смыл красную глину, можно видеть пирамиды из чистой соли... Издалека, из дремучих лесов Укаяли и Мараньона, а также с притоков Амазонки, каждый год съезжаются летом индейцы за солью к берегам Гуаллаги; при этом они нисколько не заботятся окончить поскорее свое путешествие, занимаются охотой по берегам и рыбной ловлей, а временами опустошают банановые плантации прибрежных жителей.

Добывание соли ведется самым первобытным образом: первоначально обнажается от земли соляная залежь, на ней прорезают несколько неглубоких борозд, в которые затем льют воду до тех пор, пока они не углубятся настолько, что всю залежь соли можно расколоть на отдельные части».

Еще один любопытный факт, могущий служить подтверждением существования древних связей племен Бобонасы с другими районами Амазонии. Рассказывая о духовых трубках-бодокерах, я упомянул и о боевом яде, который называется ламас амби. Так вот, вероятность того, что этот яд также привозили с Уальяги, весьма велика. Складывается впечатление, что между различными племенами Северо-Западной и Западной Амазонии существовали налаженные и регулярно поддерживаемые торговые контакты. Аналогичное мнение высказывают многие современные исследователи этого огромного региона. И это еще один камень, брошенный в сторону обывательского европейского представления о том, что Амазония до прихода туда испанцев и португальцев представляла собой дикий, не знающий развитой цивилизации край.

И все же вопрос о том, кто были непосредственные предки индейцев с Бобонасы — из Канелоса и Пакаяку, которых я знаю,

остается открытым. Если верить сведениям, оставленным миссионерами, то основой населения этого района послужили племена, обитавшие в лесах по Пастасе. После того как в двадцатых годах XVII века сюда впервые проникли испанцы и начали основывать миссии, а позднее из-за передвижений индейцев в связи с появлением асьенд и каучуковым бумом, на Бобонасе сталкивались или находили прибежище многие племена. Кто-то воевал, кто-то искал спасения от преследователей. Со временем все они либо исчезали, либо смешивались между собой. Это и канинче, или гарринча, — одно из племен, входивших в группу хибаро, которые были расселены как раз там, где сегодня расположен Канелос, и гайя, жившие чуть южнее. В более поздние времена сюда стекались и часть андоа, и симигаэ, и ачуар, а также кихос с верховьев Напо. Вот эти, а также другие племена на протяжении всего колониального периода и вплоть до первой половины двадцатого века послужили той основой, из которой в будущем появились и мои товарищи по монте. И фамилия Канелос, которую они носят, лишнее тому подтверждение. Флавио однажды сказал мне: «Когда-то здесь жили ишпингу. Но их уже давно нет». А ведь «ишпингу» — это «канела», то есть коричное дерево. Когда-то так называли и одно из племен, живших в окрестностях миссии Канелос и поставлявших испанцам корицу. И, скорее всего, это были именно канинче, которых испанцы после обращения окрестили канелос.

Есть и другие примеры. В литературе имеются упоминания о том, что канелос делились на несколько основных групп: гуалинга, санди и инмунда. И если прежде это были наименования линиджей⁹, то в настоящее время они превратились в фамилии — Гуалинга, Санди, Инмунда и прочие. Причем каждый линидж занимал на Бобонасе и ее притоках вполне определенную территорию.

Даже в наши дни ни для кого не секрет, что человек, носящий фамилии Гуалинга и Санди, наверняка родом из Сараяку; или его предки были оттуда. Точно так же люди с фамилиями Канелос и Ильянес принадлежат Канелосу, а Гайяс — Пакаяку. Но сегодня все они всего лишь тени. Тени некогда могущественных племен.

¹ Огромная гора (*кичуа*).

² Так кичуа с Бобонасы называют кланы уаорани — Тагаэри и Тароменане, которые не поддерживают мирных контактов не только с кичуа и колонистами, но находятся в состоянии войны с другими племенными группами уаорани.

³ Цивилизованные (*исп.*).

⁴ Это имя они получили за светлую, в сравнении с соседними племенами, кожу с кичуа слово «ушпа» переводится как «зола».

⁵ Многие названия отсутствуют на современной карте народов восточной части Эквадора. Причина того — одни племена, носившие их, были ассимилированы и исчезли; другие сегодня известны под иными именами, не раз менявшимися на протяжении истории.

⁶ Одно из древних имен Бобонасы.

⁷ Сказывают, толкуют (*исп., прост.*).

⁸ На момент написания книги в живых оставались всего три старика андоа, помнящих на своем родном языке чуть более двух сотен слов и выражений.

⁹ Часть рода, образованная ближайшими родственниками, возводящими себя не к мифическому, а к реальному предку, которого они помнят. Термин «линидж» часто употребляется не единообразно. В одних случаях так называют только самих кровных родственников, в других — также и членов их семей.

Глава восьмая

Чертоги Амасанги

— Расскажи мне о уагра пуме.

— Ньюка мана риксиничу уагра пумата.

Щухгуна кундацката уйяцкани¹.

За кормой большого каное с подвесным мотором оставались неширокие протоки и рукава, ответвлявшиеся от главного русла Агуарико и терявшиеся в смыкающихся объятиях леса. Низкие берега, скрываемые бурным паводком в дождливый сезон, разительно отличались от того, что мне доводилось видеть в других местах Орьенте.

Хлесткие ветви прибрежных кустарников, оплетенные цветущими розовыми и фиолетовыми вьюнками, склонялись к самой воде. Сразу же за ними зеленой стеной ползли к небу огромные деревья, раскинувшие свои кроны в полусотне метров над землей. Стройные пальмы-памбиль распустили веера листьев. А стволы чонтильи внезапно возникали у самых бортов, норовя зацепить за руку длинными иглами. Испуганные маленькие американские лапчатонogi, так глубоко сидевшие в воде, что над поверхностью торчали лишь спина да голова на длинной шее, стремились поскорее уплыть прочь, ища спасения под нависшими кустами. Прямо по носу, над замершими лесом и рекой громоздилась свинцовая, отдававшая в синеву грозовая туча, зацепившаяся белесыми «ногами» ливневых струй за верхушки деревьев.

Здесь, у восточной границы Эквадора, в отличие от предгорий, что вздымаются холмами на западе, влажный лес труднопроходимой чащей покрывает плоскую, словно доска, равнину, высота которой не превышает двухсот двадцати метров над уровнем моря.

Это так называемая низкая сельва. Круглый год дневные температуры держатся у отметки плюс тридцать два градуса по Цельсию. Ночью воздух редко остывает ниже плюс пятнадцати: гарнизонный термометр не умеет врать. После захода солнца кажется прохладнее, чем есть на самом деле, но это обманчивое ощущение, вызванное существенной разницей между дневной и ночной температурой.

Восточные леса представляют собой пеструю мозаику растительных формаций, хотя с первого взгляда может показаться, что сельва однообразна и однородна. В действительности в монте выделяют два основных типа. Они характеризуются различиями в рельефе и видовым составом флоры и фауны. Это баха сельва, то есть «низкая сельва», и альта сельва, иначе «высокая сельва».

Низкая сельва — это и вечнозеленые не затапливаемые паводковыми водами леса. Это и моретали — болота с застоявшейся водой, поросшие пальмами мурити. Ну и, конечно, леса, затапливаемые «белыми водами» рек. Есть еще леса, затапливаемые «черными водами». Наконец, это и сильно увлажненные безлесные участки с густым травяным покровом.

Высокая сельва, в свою очередь, также делится на несколько типов. Незатапливаемые возвышенности междуречий на плоских предгорных равнинах, типичный пример которых — так называемая Кордильера-де-Курарай; низкая и высокая монтанья восточных предгорий Анд — все это альта сельва. Разумеется, индейцы, живущие в лесах, не хуже, а то и лучше ученых различают разнообразные растительные сообщества и для каждого из них имеют собственные названия. Шуар Транскутуку, например, различают, по меньшей мере, одиннадцать растительных сообществ и прекрасно знают, на каких почвах произрастают те или иные виды.

Амазонскую сельву не зря почитают самым величественным лесом, в который когда-либо ступал белый человек. Одни склонны идеализировать ее, другие — проклинать. Но при этом все одинаковы в признании ее величия. Один большой знаток тропических лесов как-то сказал, что «главный источник погрешностей заключается в том, что тропическая растительность имеет фатальную тенденцию пробуждать в людях, описывающих ее, неумеренное красноречие и тягу к преувеличениям. Немногие писавшие о дож-

девом лесе смогли противостоять искушению «красного словца». В погоне за превосходными степенями они либо описывают вещи, которых никогда не видели, либо дают неправильное описание реально существующих вещей».

Величие сельвы открывается не из поднебесья, в котором, неподвижно распластав крылья, лениво парит ослепительно-белый мачин анга. Оттуда виден лишь зеленый, освещенный солнцем бугорчатый ковер леса. Лишь кое-где он расцвечен желтыми, красными или фиолетовыми пятнами цветущих крон, рыжими обрывами-барранкас да прорезан извивающимися, словно змеи, кофейного цвета лентами равнинных рек.

По-настоящему величием леса проникаешься, когда, задрав голову, стоишь у подножия шестидесятиметрового великана. Когда вдыхаешь запахи леса, когда ешь то, что он тебе дает. Когда, наконец, стараешься, чтобы тебя самого кто-нибудь не съел.

Для индейцев, что родились здесь, сельва это свой, иногда страшный, иногда смешной, но родной мир.

«В этих тропических лесах каждое дерево, каждое растение как будто состязается со своими братьями, стремясь пробиться вверх, к свету и воздуху, и ветвями, и листьями, и стеблем, — писал Генри Уолтер Бейтс в своей замечательной книге «Натуралист на Амазонке», увидевшей свет в 1864 году. — Паразитные растения крепко охватывают своих соседей, с пренебрежительным безразличием пользуясь ими как орудиями собственного преуспевания. Принцип «живи и давай жить другим», по-видимому, не соблюдается в этих джунглях...

В этих лесах, где особь состязается с особью, вид — с видом, все стремятся пробиться к свету и воздуху, чтобы листья могли распускаться, а органы плодоношения — завершить свое развитие. Виды, ведущие успешную борьбу, приносят ущерб или гибель многим своим соседям или тем, за чей счет или с чьей помощью они живут... Некоторые растения, в том числе и деревья, также энергично стремятся распространить свои корни, как другие пробиться вверх. Следствие этих очевидных устремлений — подкрепленные стволы, висячие воздушные корни и другие тому подобные явления...

Мне думается, в тропической природе найдется немало такого, что могло бы уравновесить то неприятное впечатление, кото-

рое способен произвести мощный рост растительности. Несравненная красота и разнообразие листвы, яркие краски, бьющие отовсюду пышность и изобилие — по сравнению со всем этим самый богатый лесной пейзаж Северной Европы покажется, пожалуй, бесплодной пустыней. Гибель и страдания, связанные с неизбежным соревнованием, компенсируются той радостью бытия, которая бурлит в живых существах. Пусть соревнование здесь сильнее, чем где бы то ни было, и каждая особь подвергается более многочисленным опасностям, зато нигде не проявляется ярче эта радость бытия. Если бы растительные особи обладали способностью чувствовать, их мощный и быстрый рост, не прерываемый холодным сном зимы, доставлял бы им, пожалуй, удовольствие.

Между животными соревнование, быть может, еще сильнее, хищные виды проводят здесь настороже больше времени, чем в умеренном климате, но зато тут нет повторяющейся из года в год жестокой борьбы с природой в холодные сезоны. В иное время года деревья и воздух на открытых солнцу прогалинах пестрят птицами и насекомыми, словно радующимися своему существованию: тепло, солнечные лучи и обилие пищи служат источником того оживления и резвости, которыми охвачены собирающиеся здесь живые существа. Не следует, кроме того, упускать из виду брачные наряды — хотя яркие краски и узоры самцов и свойственны фауне всех стран, но в тропиках они достигают самого высокого совершенства».

Оказавшись в восточных лесах, невольно сравниваешь их с не менее уникальным в своей красоте местом — прямой противоположностью сельвы. Я говорю о пустыне. О пустыне в Северной Африке, к востоку от Нила. Встреча с ней до сих пор жива в моей памяти, и далекие образы величественных в своем суровом очаровании пейзажей мерещатся где-то в глубине, за зеленой стеной леса. И тишина чудится в хриплых, гортанных возгласах красно-синие-зеленых длиннохвостых попугаев-уакамайя.

... Тишина. Тишина неподвижности. Стук сердца в груди, отдающий громовыми раскатами в недрах головы. Кровавый песок равнины, усыпанной червоточинами бесформенных камней. Серые, растворившиеся в тени, ставшие прохладой шрамы вади.

Зябко. И ни капли влаги...

Кроваво-пыльный, в темных перьях облаков растрепанный закат. Свечение, разлившееся над бесцветно-пустым, призрачно-плоским, пышущим дневным жаром силуэтом далеких гор. Тех, за которыми засыпает мерцающее, перетекающее расплавленным золотом солнце... Бесконечно-плоская, сыпучая волна песка, убегающая от взгляда и тающая вдали у подножия отрогов Аль-Этбай. Тающая в жидком, едва заметном, белесом тумане, повисшем над бесконечным множеством песчинок в тени каменных уступов, где по ущельям бесшумно ползет дым ночи.

Песок, песок, песок... Песок, сухо струящийся между пальцев, скапливающийся в складках одежды, застревающий в волосах. Шорох песка под ногами. Камень, камень, камень. Гнейс и сланец...

Движение остывающего воздуха. Ветерок, словно тонкое шелковое полотно, словно невесомая пушинка, словно нежное, цвета розового вина перышко горлицы, едва заметно, нежно прикоснувшийся к иссушенной и обожженной коже. Живительная прохлада коротких сумерек как вода, дающая надежду. Как вода, о которой забыли крошащиеся в песок скалы и пески. Песок и скалы. И смерть. И ветер, как время, вытачивающий в камне узоры тонким, гнутым клинком хамсина...

Воспоминания... Но это осталось там, за океаном, за многие месяцы и тысячи километров отсюда. Здесь же, в верховьях Амазонки, жизнь бьет зеленым ключом, в водах которого тонет сознание. Тут на одном акре² растет добрая сотня различных деревьев. И это — не считая кустарников и прочих растений. Позволю себе еще одно сравнение. Если обратить взгляд на север, то там, в лесах Южной Мексики, Гватемалы и Сальвадора, тоже не обделенных видовым разнообразием, на той же площади можно обнаружить около четырех десятков видов деревьев. В Северной Америке или Европе вряд ли отыщется и двадцать.

Избыток тепла и влаги — вот причина великого буйства растительной жизни. Здесь много пальм. Это и покрытая шипами кокуде-ла-сельва, или чамбира, и ярина, веер листьев которой распускается прямо из комля, и унгурауа с роскошной шапкой длинных перистых листьев на вершине уходящего высоко вверх ствола. Там, где посуше и повыше, на пирамиде корней висят над землей пальмы тара пату. В подлеске стелется вьюнок-кенене, которым можно

излечить головную боль, а лиана-шиндифа свисает тонкими нежными нитями с ветвей деревьев, и сок ее отгоняет докучливых комаров-санкудос и кусачих мошек-аренильяс. Гигантский, ростом выше человека, древовидный папоротник пало матарайя растет в гордом одиночестве, потому что под его раскидистой кроной не рискует поселиться ни одно другое крупное растение.

Но лес, при всем его величии, хрупок и нежен. Здесь множество видов, но почти ни один из них не найдешь близко от другого, ему подобного. Зачастую родственные деревья отстоят друг от друга на несколько километров. Так что, когда среди девственной чащи появляется одна расчистка, рядом с ней вторая и третья, это означает начало конца. И даже если вдруг случится чудо и наступление на лес внезапно прекратится, потребуется не один десяток лет, чтобы на месте поверженных исполинов раскинулись кроны новых гигантов.

Когда попадаешь в лес и живешь в нем, частенько случается — особенно первое время, — что непередаваемое разнообразие и трудности с определением живых существ навевают глубокую тоску, а порой и отчаяние. Строишь вокруг и ничему не можешь подыскать имени. Все незнакомо — Безымянье. Я замечал подобное за собой. Это мир, для которого поначалу не хватает ни слов, ни имен. Но проходит месяц, второй, третий, и глаза начинают узнавать поначалу часто попадающихся птиц и растения, потом более редких, а уши постепенно запоминают голоса и звуки, рождающиеся за зеленым занавесом.

Животный мир низкой сельвы столь же многообразен, как и растительный, но беднее, нежели в монтанье. Впрочем, «беднее» — слово не совсем верное. В восточных лесах Эквадора — маленькой частички огромной Амазонии — живет около шестисот видов рыб, среди которых гигантская пайчи, пираньи, электрические угри и сомы-багре. Здесь же обитают приблизительно две с половиной сотни видов земноводных и рептилий, включая огромную голосистую жабу-уин, анаконду и боа, которого кичуа, в противоположность водяной змее, зовут пишку амарун — птичий удав.

Из прочих змей тут можно встретить окрашенную в голубой, черный и желтый цвета сикуанга амарун и угольно-черную уайра мачакуи. Эта тонкая «ветер-змея» двигается столь стремительно,

что за ней трудно уследить взглядом. К счастью, она не ядовита, но бытует поверье, что уайра мачакуи бросается на того человека, который часто обманывает других.

Странная мандуру палю — единственная из всех змей, которая, по глубокому убеждению охотников, жалит хвостом. Наконец, мутулу палю — большая, сильно ядовитая и злобная змея, бросающаяся на человека без всякого на то повода.

Лягушки, квакши и жабы по ночам закатывают в лесу настоящие концерты, соревнуясь в громкости производимых звуков с цикадами, сверчками и кузнечиками-чилих. Разнообразие голосов, особенно после дождя, столь велико, что запомнить их все кажется невозможным. Но все же есть лягушки, крики которых послужили причиной рождения у индейцев сказок. Одну из них — о лягушке-гоноару мне рассказал знакомый охотник-кичуа с Напо:

В прежние времена жил один человек. Как-то раз он пошел в монте охотиться. С собой захватил сына, уже юношу, которого звали Гоноару.

Они охотились целый день, и наконец отец убил обезьяну. Но она зацепилась за сучья и застряла в кроне дерева. Это было высокое и толстое дерево. Гоноару сказал:

— Я заберусь наверх и достану обезьяну.

Он поднялся, нашел обезьяну и стал глядеть, как спуститься. Однако лезть вниз ему было страшно, и он все никак не мог решиться. Тогда его отец сказал:

— Помочись вниз, чтобы выросла толстая и крепкая лиана.

Гоноару помочился, но лиана, которая выросла, оказалась тонкой и непрочной. Гоноару так боялся спускаться, что решил остаться ночевать на дереве. Отец же его вернулся домой.

Перед тем как стемнело, юноша нашел большое дупло и забрался в него, чтобы спать ночью. Когда же наступила темнота, он превратился в лягушку-гоноару, да так и остался жить на дереве. Сверху он кричит: «грооо, грооо-гро, грооо». «Папа, папа» — зовет Гоноару.

В монте есть места, где листья кустов и трава покрыты черными пятнами. Такие места называют гоноару ишпа. Это туалет Гоноару, который превратился в лягушку, стал сукаи..

Не меньше, чем земноводными и пресмыкающимися, леса

Северо-Западной Амазонии богаты млекопитающими. Об их разнообразии легко судить хотя бы по количеству одних лишь летучих мышей, которых в Орьенте встречается шесть десятков видов. Среди них многочисленные листоносы и, снискавшие у людей дурную славу, десмоды-кровососы — яуар тсунга. Первые большие любители сладких плодов и особенно гинья. Нередко чимбиялку полчищами слетаются на большие запасы созревающих, источающих аромат плодов, собранных индейцами. Вторые предпочитают кровь коров, лошадей и мулов, время от времени вызывая падеж скота от инфекций, которые переносят. Поэтому колонисты их не любят, а многие и побаиваются, так как десмоды не видят разницы между кровью коровы и ее владельца.

Однако настоящие хозяева леса — это насекомые: муравьи-аньянгу и цикады-дзулю, палочники-манчу и бабочки, жуки-щунду и осы, комары и мошки. Именно эта «мелюзга», порой едва уместяющаяся на ладони взрослого мужчины, царствует в сельве. В большинстве своем безобидные, эти создания служат пищей не только друг для друга, но и для птиц, животных и человека. Некоторых индейцы побаиваются. Так, считается, что манчу нельзя брать руками, потому что он является причиной появления на глазах катаракты, встречающейся у стариков и собак, которые по неосторожности схватили палочника и поплатились за это. В это верят кичуа. А шуар полагают, что супых, или амару — так называют палочников на языке шуар, — способны насылать болезни на человека даже издалека. И тогда без помощи знахаря-увишин не обойтись.

Боятся кичуа и больших цикад-фонариц, называемых на Напо чичара мачакуи — «цикада-змея». Индейцы считают, что это безвредное в действительности насекомое с нелепой внешностью смертельно ядовито.

Однако самые заметные обитатели сельвы — после полчищ насекомых и других членистоногих — все же птицы. Более тысячи видов огромных и совсем маленьких, кричащих и свистящих, скромно окрашенных и ослепляющих пестротой оперения созданий перепархивают в высоких кронах деревьев, ворошат лесную подстилку и прячутся в непролазных тростниковых дебрях. Но большинство их все же древесные жители. Даже некоторые виды куриных:

гокко и пенелопы — пава-де-монте — стали настоящими древесными обитателями, променяв землю на кроны исполинов.

В низкой сельве до сего дня сохранились весьма специфические пернатые. Такие как гоаџин, которого даже выделили в самостоятельное семейство из-за примечательных особенностей в строении тела. Обычно с џаншу встречаешься, пlying по реке. Эти птицы любят селиться в густосплетениях берегового кустарника, да и гнезятся здесь же. Взрослых гоаџинов природа одарила неординарной внешностью и глуповато-безразличным выражением глаз под длинным хохлом из узких буровато-желтых перьев. Я всегда с любопытством и неиссякаемым интересом наблюдал этих нескладных пернатых, которые даже при шуме мотора только подсакивают на ветку, что у них над головой, и рассеянно смотрят оттуда на проходящее мимо каноэ. Людей они боятся мало, так как индейцы не охотятся на них из-за неприятного вкуса мяса.

Очаровательные, как и все детеныши, птенцы џаншу ничуть не менее занимательны, чем взрослые птицы. Едва вылупившийся из яйца молодой гоаџинтик — обладатель четырех хорошо развитых когтей на крыльях, по два на каждое. Очень скоро в стремлении познать мир он начинает ползать. Передвигается при этом на четвереньках, используя все конечности, а покинув гнездо, еще и цепляется коготками за тонкие веточки. Во время своих странствий еще неуклюжий птенец нередко сваливается в воду, но, не в пример другим куриным, крошечный џаншу, вместо того чтобы беспомощно тонуть, быстро плывет к берегу, может даже нырнуть. Если по пути малыша никто не съест, он благополучно достигает тверди и, переведя дух, начинает восхождение на родное дерево, пуская в дело не только лапы и крылья, но и клюв.

В лесах, лежащих чуть западнее, по берегам речек с песчаными и каменистыми пляжами иногда можно увидеть небольшую пеструю птицу с рыжими пятнами на крыльях. Она похожа на цаплю, но не имеет к последним никакого отношения, несмотря даже на свое название — солнечная цапля. Канело-кичуа зовут ее туру юту. И хотя в пищу не употребляют, но иногда добывают, чтобы сделать приворот-симаюка, иначе пусанга, или сигаме-сигаме — «иди-за-мноной-иди-за-мноной». Считается, чтобы привлечь девушку или юношу, необходимо взять сердце, мозг, печень и длинную косточку ноги.

Из этой смеси и готовится собственно приворот, который противоположная сторона обязательно должна съесть. При этом важно, чтобы объект воздыхания принял приворот не из рук поклонника или поклонницы, иначе в новой семье не будет счастья.

Другие замечательные птицы — колибри. Колонисты обобщенно называют их пикафлор, а кичуа — кинди. По разнообразию этих крох Эквадор, вместе с соседними районами Колумбии и Перу, лидирует в обеих Америках: здесь обитают до ста шестидесяти видов этого семейства. Словно гигантские шмели, кинди носятся среди деревьев и каким-то чудом проскакивают сквозь хитросплетения ветвей, умудряясь оставаться целыми и невредимыми. Когда колибри зависает где-то поблизости перед цветком или обыскивает листочки в поисках насекомых, то сперва слышишь гул крыльев, словно шершень вьется за ухом, запутавшись в волосах. Потом мельком замечаешь и саму птицу, уносящуюся прочь с такой быстротой, что кажется, будто она растворяется в воздухе.

Обычно колибри совсем не пугливы и не боятся людей, но как следует разглядеть их очень непросто. Ожившие, переливающиеся в лучах солнца самоцветы, кинди носятся от одного цветка к другому, на месте задерживаясь лишь на пару мгновений. Такое проворство может вывести человека из себя, но он не в силах что-либо изменить. Остается ждать тех редких моментов, когда крошечные бестии присаживаются на ветки. Это чаще случается в прохладную и дождливую погоду, когда их нежное перо набухает влагой, температура тельца опускается, и на пичуг наваливается сонливость.

Колибри частые персонажи индейских сказок. Одну из них — о Кинди и Аканга мне рассказал старый Боливар:

Когда-то давно Кинди и Аканга были людьми и жили вместе в одном доме. Кинди был совсем маленького роста, но очень работающий. Аканга же имел рост, как у обычного человека, но работать он не любил.

Когда Кинди и Аканга женились на девушках — тоже кинди и аканга, — то оба начали делать себе чакры. Они нашли место и стали работать. Кинди работал тяжело и много, а пил только воду, простую воду. Аканга работать совсем не хотелось, и он все думал, как бы ему повалить побыстрее все деревья. Наконец он решил взять большой камень и сбросить его с холма. Так и сделал.

Кинди работает на своей чакре изо всех сил, повалил несколько деревьев. И вдруг слышит грохот: «турум-турум-турум». Он подумал: «Кто же это быстрее меня валит деревья?» Пошел посмотреть. Видит, на чакре у Аканга все деревья упали, а земля завалена огромными камнями! Вот такую чакру сделал себе Аканга.

После того как Кинди расчистил себе чакру, он посадил и юку, и платано, и маис. Аканга же не стал сажать ничего, ведь он не любил работать. Ему очень нравилось пить чичу, и выпить он мог очень много. Пил он ее так много, что целую тинаха выпивал за два дня.

Как-то Аканга пришел поглядеть, как работает Кинди. Но тот погнал его прочь. И тогда Аканга крикнул и превратился в птицу. Кинди тоже пискнул, и стал маленьким колибри. Теперь он пьет нектар, а аканга ест одних лишь ос.

Другие замечательные пернатые — туканы. Когда впервые видишь туканов-куилин — небольших, размером со стройного голубя симпатичных птиц с несоразмерно огромными яркими клювами, испытываешь удивление, как и при первых встречах с колибри. Быть может, у куилин и нет такого сочетания цветов, как у некоторых других перцеядов, но их оперение достойно описания. Верхняя часть тела шоколадно-черная с ярким малиново-красным надхвостьем. Грудь ярко-желтого цвета с двумя черными поперечными полосками. Огромный клюв двухцветный: его выгнутая дугой верхняя половина такая же желтая, как и грудь, в то время как нижняя смоляно-черная.

Куилин имеют обыкновение сбиваться в стайки по пять — восемь птиц. Так они кочуют по лесу в поисках созревающих плодов и ягод. Нередко туканы появляются в поселениях и тогда почти безбоязненно обклеивают кусты. Увлечшись едой, куилин подпускают человека вплотную и вообще улетают от приближающейся фигуры крайне неохотно. Причем обычно перепархивают на ветку повыше или соседнее дерево, где на время затаиваются. Такая доверчивость стала следствием того, что индейцы этих маленьких красивых туканов преследуют не слишком активно.

Гораздо меньше повезло их более крупному собрату, которого кичуа с берегов Напо и Тилутини называют пинща, а канелокичуа зовут атун сикунанга. Из шкурки этой черной с белой грудью и красным надхвостьем птицы, снятой вместе с головой и

огромным клювом, охотники с Бобонасы делают своеобразные головные украшения в виде шапочек — сикунга льяуту, которые надевают по случаю праздника Нинью Хиста. Шкурка натягивается на каркас, представляющий собой маленькую округлую корзиночку — ичилья ашанга, а потому плотно сидит на голове и не спадает.

Еще более охочи до этого тукана индейцы ачуар, которые зовут его тсуканга. Если кичуа ограничиваются одной птицей на человека, то бывшим «охотникам за головами» их требуется значительно больше. Из красных перьев мужчины изготавливают традиционные праздничные перьевые шапки — тауасап, столь характерные для ачуар и шуар.

Туканы своим неординарным видом с самого начала привлекали внимание и европейцев, порождая многочисленные легенды и небывлицы. Они бытовали не только среди неграмотных поселенцев, но и среди цвета науки эпохи Великих географических открытий. Бейтс так писал о тех временах и собственно о туканах:

«Всякий, увидев тукана, поневоле задает вопрос, зачем ему громадный клюв, который у некоторых видов достигает семь дюймов в длину и более двух дюймов в ширину. Можно сделать здесь несколько замечаний по этому поводу. Старинные натуралисты, будучи знакомы лишь с клювами тукана, который эти знатоки XVI и XVII столетий считали чудом природы, приходили к выводу, что птица должна принадлежать к отряду водяных и перепончатопалых, поскольку последний включает в себя так много видов с замечательно развитым клювом, приспособленным для ловли рыбы. Кроме того, некоторые путешественники сообщали невероятные истории о том, что туканы выходят к берегам рек поесть рыбы, и сообщения эти также поддерживали господствовавшие в течение долгого времени ошибочные взгляды на повадки птиц. В настоящее время, однако, хорошо известно, что туканы по своему образу жизни — настоящие древесные птицы и относятся к группе (включающей в себя трогонов, попугаев и бородаток), все представители которой плодоядные. На Амазонке, где эти птицы очень распространены, никто не притязает на то, будто когда-либо видел тукана в естественном состоянии, который ходил бы по земле или тем более вел себя как водоплавающая или голенастая птица».

Хищные птицы, встречающиеся в лесах, тоже многочисленны. Количество видов велико, однако на глаза каждый из них попадает относительно нечасто. Королевский гриф, которого сача руна за его размеры называют «кондор» или «кундур», производит неизгладимое впечатление, когда с громким шумом почти двухметровых в размахе крыльев, продираясь сквозь ветви и листву, с трудом взлетает метрах в двадцати от тебя, утаскивая в лапах добычу — гуатусу-сику или гуанту. На мой взгляд, это не только одна из самых крупных, но и красиво окрашенных птиц Орьенте. Особенно эффектна она во взрослом наряде: розовато-охристая на спинной, белая на брюшной стороне; хвост и крылья — рулевые и маховые перья — черные. А оголенные голова и шея окрашены в желтый, красный и голубовато-серый цвет.

Когда в монте пропадает человек, родственники начинают искать его. Они направляются в том направлении, куда ушел пропавший, и стараются следить за королевскими грифами и гальинасо. Эти падальщики обычно раньше всех замечают труп животного или человека, и даже густые кроны деревьев им не помеха: каким-то образом птицы умудряются безошибочно отыскивать пищу.

Вот какую забавную историю-«качо» рассказывают на Бобонасе о «кондорах», грифах-ульяуанга и... опять же о неугомонном Кинди:

Давным-давно кондоры и гальинасо жили на небе и спускались на землю только для того, чтобы поесть. Кинди был человеком, как мы, но только маленького роста. Жил он на земле, однако очень ему хотелось знать, что же происходит наверху. Но на небе жили и могли туда летать только кондоры и гальинасо. Кинди все время думал, как и ему попасть на небо. И вот что придумал.

У его соседа — опоссума-тсиник было много коров, но сам сосед лишь иногда приходил проверять их. А так как кондоры и гальинасо едят падаль, то Кинди украл одну корову и увел ее далеко в монте. Там он ее убил, чтобы приманить кондоров и ульяуанга.

Вернулся Кинди домой, а тут вдруг сосед приходит и говорит:

— Дружище, у меня пропала одна корова. Ты не знаешь, что случилось?

— Но, эрмано³, я не знаю, — ответил Кинди.

На следующий день Кинди взял ружье и отправился к корове сторожить. Но в этот раз кондоры не стали садиться на тушу, а только кружили высоко-высоко в небе. Вечером Кинди вернулся домой, а на утро второго дня вновь взял ружье и направился к корове.

Вскоре прилетели Кондор и Гальинасо. Они сели на корову, поели, а потом Кондор сказал Гальинасо:

— Как же мы с тобой вдвоем съедим такую кучу мяса? Давай позовем остальных.

— Давай, — согласился Гальинасо, и они улетели.

Кинди вечером вернулся домой, а утром третьего дня снова пошел сторожить к корове. На сей раз прилетели множество кондоров и гальинасо. Они спустились на тушу и принялись за еду.

Тут Кинди выбрался из места, где все время прятался, и спросил:

— Что вы делаете?

— Мы едим, — ответили ему Кондор и Гальинасо.

— Раз вы живете на небе, зачем спускаетесь на землю есть? — спросил Кинди.

— Потому что на небе нет еды. Одна только вода, — сказали Кондор и Гальинасо.

Тогда Кинди попросил:

— Друзья, возьмите меня с собой. Я хочу посмотреть небо.

— Нет, ты умрешь без еды. Да и как мы тебя поднимем? — ответил Гальинасо.

Но так как Кинди пил одну только воду, он не испугался умереть. Вместо этого он схватил ружье и произнес:

— Раз вы не хотите взять меня с собой, тогда я вас всех убью.

— Нет, нет, не убивай нас, — сразу заголосили кондоры и грифы. — Ладно, мы возьмем тебя с собой. Но как же тебя поднять?

И тогда Кинди произнес:

— Вот у меня есть рубашка. Хватайте меня за нее и несите.

Говорят, вход на небо раньше был как ножницы: закрывался и открывался. Грифы и кондоры, которые летели налегке, как стрела проносились в проход, когда он открывался. А тот Кондор, который тащил Кинди, все никак не мог пролететь на небо. Он приближался ко входу, но тот закрывался прямо перед ним, и прихо-

дилось возвращаться назад. Так повторялось несколько раз, и тогда Кондор сказал Кинди:

— Закрой глаза.

Кинди закрыл глаза, а Кондор взял да расстегнул рубашку Кинди, и тот полетел вниз. Он падал, падал и упал прямо на то место, где лежала корова.

Разозлившись, Кинди подобрал ружье и вернулся вечером домой. А тут его жена спрашивает, что да как? Ведь она-то думала, что ее муж уходит каждый день в монте охотиться.

Наутро Кинди вернулся к корове вместе с ружьем и поубивал всех кондоров и ульяуанга. В живых остались только два кондора и два галлинасо.

Вот такой «качо».

Хохлатая гарпия, или атун чулиали анга канело-кичуа и макисапа уamani индейцев с берегов Типутини и Напо, почитается охотниками как самая большая — больше кондора, по их мнению, — и сильная птица монте. Даже в глухих лесах вдали от человеческого жилья она встречается очень редко, и если кому-то повезет добыть ее, то это запоминается надолго, и даже через десять лет люди живо вспоминают, как это случилось. Осторожный, прекрасный охотник, гарпия ловит всех, кого может удержать в своих огромных и острых когтях. «У нее когти как мои пальцы», — так описал мне Флавио атун чулиали анга, для наглядности изобразив растопыренными и согнутыми пальцами на руке лапы хищника. Ее добычей становятся обезьяны-макисапа, молодые мачины и куту, трехпалые ленивцы-индильяма, не говоря уже о более мелких животных. А Боливар, в свою очередь, рассказал, как однажды на Курарае видел гарпию.

Случилось это давно, еще тогда, когда отец Флавио был молодым. Он с товарищами отправился на охоту. Они шли в монте, когда вдруг услышали сверху: «чурунг-чурунг-чурунг» — крик обезьяны-чурунгу. Боливар начал скрадывать ее и уже заметил самого зверя на высоком дереве, как, откуда ни возьмись, появилась громадная птица, схватила чурунгу и с добычей в лапах как ни в чем не бывало взмыла вверх и исчезла. Все произошло столь молниеносно, что Боливар даже выстрелить не успел. Рассказывая, старый индеец разводил в стороны руки, говоря, что размах кры-

льев атун чулиали анга такой же, а лапы у хищника толще, чем предплечье человека.

— Она утащила чурунгу, как если бы он вообще ничего не весил, — говорил Боливар. — А ведь в нем было восемь, а то и все десять либрас⁴, дон Андрес.

Более века назад Альфред Брэм писал о гарпии: «Это сильная птица с необыкновенно высоким и крепким клювом, толстыми ногами, оканчивающимися длинными пальцами с чрезвычайно большими и сильно изогнутыми когтями. Оперение ее обильное и мягкое; на затылке оно удлиняется в широкий хохол, который может подниматься. Хохол, спина, крылья, хвост, верхняя часть груди и бока тела шиферно-черного цвета; нижняя часть груди белая, а брюшко белое с черными крапинками. Она водится в каждом обширном лесу, начиная от Мексики до середины Бразилии и от Атлантического океана до Тихого.

«Ни одной хищной птицы, — говорит Чуди, — индейцы не боются в такой мере, как гарпии. Ее величина, мужество и сила делают ее одним из самых опасных врагов перуанских плантаций. Во многих лесистых местах для индейцев становится невозможным держать птиц или маленьких собак, так как эта дерзкая хищная птица беспрестанно уносит их». Кроме птиц, гарпия нападает также на обезьян, неполнозубых, косуль и даже детей.

...перья гарпии с незапамятных времен составляют крайне ценное украшение у индейцев, которые поэтому держат этих птиц смолоду в неволе, чтобы добывать их перья легче, чем путем охоты за взрослыми птицами. Насколько вообще гарпии в почете у индейцев, видно из того, что если кому-нибудь из них посчастливится убить эту птицу, то он ходит с ней из хижины в хижину и собирает дань в виде яиц, кур, маиса и т. п. вещей. Мясо, жир и помет гарпии считаются на берегах Амазонки драгоценными целебными средствами».

Еще одна крупная, сильная и почти столь же редкая, как хохлатая гарпия, птица из монтаньи вдоль течения Бобонасы — это длиннохвостая гарпия, среди канело-кичуа известная как атун мундители анга. Иногда эти хищники, окрашенные сверху в коричнево-черный, а снизу в сероватый цвет, встречаются маленькими группами по три-четыре птицы. Случайно увидев их в мон-

те, каждый кичуа обязательно попытается подкрасться и убить одного. Удастся это не всегда: атун мундити анга не только остроумен и замечает любое движение поблизости, но и крепок на рану, так что даже тяжело раненый он улетает и пропадает для охотника.

Гораздо чаще попадаются на глаза не столь крупные, но по своему примечательные пернатые хищники. Инди анга — небольшая, размером с ястреба-перепелятника птица с ярко-желтыми ногами, окрашенная в темный голубовато-серый цвет, более светлый на нижней стороне тела. Свое название на языке кичуа она получила за то, что в пасмурную дождливую погоду незадолго до того, как проглянет солнце, инди анга в одиночку или парами летает кругами над лесом и, часто взмахивая широкими крыльями и коротко паря, звонко кричит «кя-кя-кя-кя...». В такие моменты охотники говорят, что «солнечный ястреб» вылетел погреться.

Если инди анга заявляет о себе громким голосом, то другой маленький хищник, по размерам и буроватой окраске схожий с молодым перепелятником, — урпи анга, молча прячется среди ветвей. На руна шими его имя обозначает «голубиный ястреб», что полностью отвечает его повадкам. Это одна из многих хищных птиц, которых индейцы с Бобонасы охотно употребляют в пищу. «Урпи анга ест только горлиц, поэтому у него хорошее мясо», — говорят охотники.

Лес полон не только насекомыми, пресмыкающимися, рептилиями и птицами, но изобилует и разными видами млекопитающих, прячущихся в норах, дуплах, скрывающихся в густых кронах лесного полога.

Одни из самых своеобразных животных монте это броненосцы-армадило. Маленькие девятипоясные — качикамбу, и внушительные гигантские. На берегах Напо и притоков последние известны как кутимбу, а на Бобонасе под именем якун. Но все они представляют лакомую добычу для индейцев. Когда созревают разнообразные лесные плоды, кичуа строят скрадки-тарима рядом с плодоносящими деревьями и стреляют качикамбу при свете фонаря так же, как и гуанту. Прежде, когда не было ружей, на этих броненосцев охотились с собакой, которая загоняла зверька в нору, откуда его и выкапывали.

Кутимбу, выделяющийся среди собратьев поистине гигантскими размерами, много реже попадает под выстрел. Зверь, длина которого может достигать одного метра, а вес — полусотни килограммов, выходит кормиться только по ночам. На своем пути он разворачивает упавшие стволы деревьев в поисках гнезд муравьев, личинок жуков-долгоносиков и термитов. Индейцы утверждают, что кутимбу убить очень трудно даже из ружья: дробь плющится или отскакивает от его прочного костяного панциря, не нанося животному заметных повреждений. Поэтому, чтобы наверняка добыть зверя, целиться приходится в голову, а она, в сравнении с телом кутимбу, совсем небольшая.

Обезьяны, в отличие от броненосцев, предпочитают держаться высоко над землей, в кронах, и очень редко спускаются вниз. Зачастую об их присутствии можно догадаться только по погрызенным цветам, семенам и плодам, валяющимся под деревьями. Кичуа при случае охотно стреляют в любую обезьяну размером крупнее маленьких игрунок-чичику, однако подойти на выстрел к группе кормящихся животных бывает довольно сложно. А нередко случается так: подкрадешься к обезьянам, шебаршащимся в листве, и только тут замечаешь, что дерево чересчур высокое и дрови не достать зверьков.

Маленьких обезьянок, например леонсильо, иногда ловят и держат дома для забавы, посадив на поводок из тонкой бечевки. Зверьки быстро привыкают к хозяину, и обычно сопровождают его, сидя на плече или голове, а при испуге прячутся у него под мышкой или на груди. На более крупных обезьян, уже таких, как атун чичику, индейцы охотятся ради мяса. Оно, на мой взгляд, не отличается выдающимися вкусовыми качествами, довольно жесткое и жилистое у большинства видов. Впрочем, мясо есть мясо, и с этой точки зрения обезьяна ничем не хуже каймана или черепахи.

Среди охотников-кичуа бытует много смешных историй, главные персонажи которых обезьяны. Так, рассказывают, что самая отважная и проказливая из всех обезьян — это мачин. Самцы не прочь закидать ветками человека, бродящего по лесу без ружья. А с женщинами и девушками они вообще не церемонятся: подкрадываются к ним сзади и задирают юбки.

В монтанье на Бобонасе индейцы знают такую забавную сказку об обезьяне-мачин и ленивце-индильяма:

В прежние времена индильяма и мачин были людьми. Так рассказывали старики. Индильяма Руна жил сам по себе, а Мачин Руна — сам по себе. Как-то раз они встретились и стали друзьями. Индильяма Руна в конце недели приходил в гости к Мачин Руна, а тот, в свою очередь, через неделю навещал друга.

Однажды они отправились охотиться и убили обезьяну. Но она застряла в ветках и никак не хотела падать на землю. Мачин Руна сказал:

— Надо лезть за обезьяной и снять ее с дерева. Ты полезай первым, а я за тобой.

Индильяма Руна полез вперед, а Мачин Руна следом за ним. Так они поднимались очень долго. Наконец добрались до ветки, где застряла обезьяна. Мачин Руна схватил ее и швырнул вниз. Обезьяна упала на землю.

Тогда Мачин Руна, он был очень шаловливым, сказал:

— Смотри-ка, эта обезьяна упала и даже не крикнула. Давай и мы прыгнем, чтобы не лезть назад так же медленно, как поднимались. Но ты прыгай первым.

Так сказал Мачин Руна своему другу и, схватив его, швырнул вниз. Обезьяна-то была мертвая, вот почему она не закричала. Индильяма Руна летел, падая с дерева, и в конце — бум! — ударился о землю.

— Аай-аай, аай-аай, — стонал он, ведь упал с самого верха. А Мачин Руна спустился по стволу тем же путем, что и поднимался. Какой шутник! Сбросил Индильяма Руна вниз! Теперь индильяма до сих пор стонет: «аай-аай, аай-аай».

Интересные сказки в лесах можно услышать и о ночных обезьянах. Среди них — легенда о Хури-Хури Супаи, который как раз и ассоциируется у индейцев с этими зверьками. Кстати, хури-хури — это имя большеглазых обезьянок-дурукули.

Старики — руку ййяя — рассказывают, что давным-давно собралось как-то много людей по случаю свадьбы. Там были и охотники, и дети. Все, чтобы приготовить много еды для праздника, отправились в дальнее монте. Там они построили тамбу, чтобы отдыхать и спать после охоты, а сами, оставив детей и наказав им

не играть и не смеяться громко, ушли в лес. Там они убили много животных. И чурунгу, и уангана, разных-разных зверей.

Оставшись одни, дети не послушались стариков. И только один маленький мальчик, как и велел отец, сидел тихо. Другие же стали играть с обезьянами, кричать. Они уговаривали того мальчика присоединиться к ним, говорили ему: «Иди поиграй с нами!» Но малыш не хотел. Вечером мужчины вернулись, а на следующее утро опять ушли на охоту. Дети же снова не послушались их совета и принялись играть.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ними появился юноша, которого звали хозяином обезьян. И был он сильным и красивым. Завидев его, дети притихли, потому что испугались. Тогда юноша обратился к ним: «Кто из вас играл с обезьянами?» И маленький мальчик, который сидел в стороне от всех, ответил: «Я не играл с ними». Остальные же, кто играл, промолчали, словно были немыми. Тогда супаи подошел к маленькому мальчику и проговорил: «Скажи своему отцу, чтобы он не ел мяса, которое принесут другие, ни платано, не пил чичу и вообще не прикасался к еде. А когда наступит вечер, вы должны забраться на дерево инаю и крепко привязать себя веревкой». Другим же детям он сказал: «Вы сварите мясо отдельно». Так он сказал, а потом исчез.

Наступил вечер, и отцы вернулись с охоты, конечно, голодными. Маленький мальчик сказал своему: «Папа, сюда приходил человек и велел мне передать, чтобы мы с тобой не ели мяса». «Почему?» — спросил отец, и мальчик ответил, что супаи ткнул палкой в мясо, в платано и в чичу.

Когда наступила ночь, все легли спать. Видя, что товарищи уснули, мальчик и его отец пытались разбудить их, даже тыкали в них головешками из костра, но все впустую.

В два часа ночи они услышали сильный шум: будто ветер гудел и приближался ливень, но тот шум был намного громче. Тогда они взобрались на инаю, и оттуда до них донеслось: «хури-хури-хури-хури...». Совсем рядом с ними прошли хури-хури, которые направлялись прямо к тамбу, где спали люди. Они съели всех, а утром, возвращаясь, вновь прошли рядом с сидевшими на дереве.

Когда рассвело, отец и сын спустились на землю. Хотя им и было страшно, они пошли посмотреть, что случилось с тамбу. Там они

увидели, что никого из их товарищей нет, будто вымели все веником. От тех людей совсем-совсем ничего не осталось.

Посмотрев, отец с мальчиком пошли дорогой, которой приходили хури-хури, и наконец увидели огромное дерево, в котором было большое дупло. Изнутри доносился храп: это хури-хури крепко спали. Тогда они возвратились к себе в селение и все рассказали родственникам тех, кого съели хури-хури. Те набили корзины перцем-учу и дровами и отправились убивать хури-хури. Когда они дошли до большого дерева, то разложили костер, бросили в него ахи и стали смотреть, как дым окутывает ветки. Хури-хури падали один за другим, а люди, которые их ждали, каждого убивали. Последней упала красивая девушка хури-хури. Один юноша схватил ее: он хотел сделать ее своей женой. Только тот Хури-Хури, что приходил в тамбу к детям, сумел убежать. На вершине дерева у него была спрятана пукуна, и, перекидывая ее с ветки на ветку, он уходил все дальше и дальше, пока совсем не исчез.

Девушку же хури-хури люди увели с собой. Она очень хорошо присматривала за маленькими детьми. Но это была хури-хури, а потому она ела малышей. Хури-хури убила много детей, надрезая острым коготком черепа и съедая мозг. Дети после этого становились глупыми и умирали. Когда девушка поняла, что люди догадались, кто убивает их детей, то умчалась в лес. Вот с тех пор и существуют хури-хури, потому что в живых остались двое из них — юноша, что убежал, и девушка, которую забрали люди.

В больших, полноводных и спокойных реках Востока живет еще одно интересное животное. Это пресноводный дельфин — амазонская иния, или буфео. Кичуа зовут этих удивительных животных бугью и полагают, что давным-давно они были людьми, но совсем глупыми. Среди напо-кичуа с берегов Типутини бытует такое поверье:

В старину старики рассказывали о людях, которые были очень глупыми. Однажды охотники убили одного злого супаи, Хури-Хури, и сожгли его на костре. После этого собрали всю золу и хорошенько завернули в лист, сделав прочный майту. Майту они отдали двум уамбрас — юноше и девушке, — сказав, чтобы те отнесли его подалее в монте и выбросили прочь. Особенно предупредили: «Ни

в коем случае не разворачивайте майту». Но те двое оказались весьма проказливыми и не послушали наказа стариков. Не пройдя и половины пути, они решили взглянуть, что же внутри свертка, и осторожно расковыряли его. В тот же миг оттуда вылезло несметное множество насекомых — муравьи-льютури, комары, осы, целые тучи кусачих насекомых. Набились в глаза тем двум проказливым уамбрас. Они ослепли, и не могли больше видеть. Тогда оба пошли к реке и бросились вниз, сказав каждый: «Теперь я буфео». С тех пор и существуют бугью.

Обыкновенно индейцы не охотятся на речных дельфинов и не едят их мясо. Но иногда случается, что юноше хочется приворожить девушку. Тогда он убивает бугью и из его зубов, измельченных в порошок, приготавливает приворот-симаюка, который подсыпает в еду или питье. Годится также и жир дельфина. Изготовление приворотов занятие рискованное: в случае несоблюдения ряда предписаний можно самому заболеть и умереть.

А правила гласят, что человек, убивший буфео, не должен есть ахи, сахар и соль, а также спать с женщиной на протяжении двух недель. Не сделаешь этого — и станешь таким же глупым, как буфео. Будешь ходить, словно пьяный, свалишься в реку и утонешь. Да мало ли разных неприятностей может случиться.

...Сельва кишит живыми существами, и можно бесконечно долго говорить о каждом из них. Но самое лучшее — это увидеть все собственными глазами. Познакомиться с лесными людьми и пожить их жизнью. Послушать сказки, которые рассказывают старики, просыпаясь в три часа утра, чтобы пить гуайюсу. Полюбить эти леса так, как любят их те, кто родился в них.

---

¹ Я сам не знаю уагра пуму. Слышал то, что рассказывали другие (*кичуа Бобонаса*).

² Мера площади, равная 0, 405 га.

³ Нет, брат (*исп.*).

⁴ Фунт, мера веса, в Эквадоре приблизительно равная 0,46 кг.

Глава девятая

О чакре и паху

Говорят, прежде женщины не умели рожать детей. Когда приходило время, матери разрезали живот. Поэтому все женщины умирали. Как-то одна женщина работала на чакре и почувствовала, что ребенок вот-вот должен появиться. Она не знала, что делать, когда вдруг увидела старуху. Та сделала так, что ребенок родился, а женщина осталась жива. С тех пор все женщины умеют рожать детей.

Жара стояла нестерпимая. Стрелки часов еще не доползли и до полудня, но солнце пекло так, что работать было едва ли возможно. Странный день. Обыкновенно к этому времени в ясную погоду поднимается ветерок, который, постепенно крепчая, приносит облегчение уже до самой сумеречной прохлады. Но сегодня все было иначе. Даже невесомые белые облачка, что одинокими полупрозрачными хлопьями медленно выползали из-за леса на восточном краю чакры, стороной обходили раскаленный, приклеившийся к зениту и нестерпимо блиставший диск солнца. И лишь пара изящных, пепельно-серых с черным, вилохвостых коршунов — тихира анга, заваливаясь на острое крыло, описывала бесконечные круги на фоне сочного голубого неба.

Но мы работали. Рис надо убрать во что бы то ни стало. Большая его часть и так уже сторела на неумном солнце, так что дай Бог с засеянного гектара собрать хотя бы пару кинталей¹. Куда там, на продажу, поест хватит — уже хорошо.

В воздухе все та же горячая осязаемая сырость, прижимающая к пожелтевшей стерне. Футболка и штаны набухли потом так, что хоть отжимай, а в сапогах, накалившихся, словно сковорода на плите, при каждом шаге раздавалось смачное хлопанье.

Это позже я буду выливать по полчашки пота из каждого сапога, а сейчас надо работать.левой рукой сжимаешь желтеющий сноп риса, правой рубишь его под корень мачете и отбрасываешь

в сторону. Хороший, с метелками полными зерна — в одну копушку, плохой — прочь на сухие стволы деревьев, что остались еще с расчистки и теперь межами делят чакру на равные полосы. Хватаешь — рубишь, хватаешь — рубишь... А пот бежит по лицу, раскаленному солнцем. Руки блестят, давно почернели от загара. Одинокая бабочка порхает рядом, и стоит замереть в неподвижности, как она пристраивается на потную одежду или прямо на кожу и своим хоботком ощупывает их, пьет насыщенный солями раствор. Хватаешь — рубишь, хватаешь — рубишь...

В нескольких десятках шагов, «ныряя» в воздухе на своих широких крыльях, от дерева к дереву перелетают и перекликаются свистящими голосами стайки непоседливых птичек чийюн синевато-грифельного цвета. Издали они чем-то напоминают соек. А маленькие угольно-черные тиндишку, похожие на скворцов, только того и ждут, когда мы уйдем, чтобы попировать созревшим рисовым зерном...

Так мы убирали рис. Нет, ноги не утопали в воде: в здешних местах его сеют в землю. Но редкая невыносимая жара в тот день все-таки заставила нас — меня, моего проводника и друга Эль-Хоакина «Чичику», а также еще одного индейца Рене «Куахо» прежде времени возвратиться домой. Обычно мы заканчивали жать в четыре, а сегодня едва дотянули до половины второго.

Какое это счастье стянуть с себя грязную одежду и упасть с большого бальсового плота в прохладную реку. Окунуться с головой, а потом еще раз, еще и еще... Мыло и шампунь — две великие вещи, которые я могу себе позволить!

Говоря по правде, вода казалась не намного прохладней воздуха, но все же прохладней. И потому, поплескавшись в ней минут двадцать, можно было снова почувствовать себя человеком. Почувствовать даже, что замерзает. Почувствовать, что жизнь хороша. И пусть женщины остерегаются купаться в глубоких местах, страшась больших пуракин — электрических угрей. Мы-то не женщины, так зачем отказывать себе в удовольствии!

Я уже говорил, что чакры занимают в жизни кичуа особое место. Поэтому ко всему, что связано с землей и выращиванием растений, индейцы относятся с большим пиететом и вниманием: от того, как хорошо родит чакра, зависит благополучие и достаток семьи.

Еще относительно недавно племена, живущие в лесах к востоку от Анд, — и кичуа в их числе — представлялись большей части западного общества довольно примитивными и воинственными, чей вклад в сокровищницу человеческой мысли ничтожен, а уровень развития много ниже, чем у жителей Старого Света. Пожалуй, лишь инков, ацтеков и майя европейский снобизм с оговорками признавал создателями сложных социальных, политических и религиозных систем.

Сплошь и рядом среди обывателей Старого и Нового Света, которых принято называть «цивилизованными», — всем прочим, непохожим на них, в этой чести отказывалось, — было распространено мнение, суть которого сводилась к следующему. Лесные индейцы — это не более чем допотопные, какие-то ископаемые создания, умственно недоразвитые и застывшие в этом состоянии, которым совершенно нечему научить нас, гордящихся своей просвещенностью европейцев, с нашей замечательной высокоразвитой культурой и науками. Считалось, что все эти «дикари» и «людоеды» существуют в стороне от «магистрального пути», как выражались некоторые, и уже самим своим существованием мешают прогрессу. Сначала противились насаждению христианства, затем не желали умирать фактическими рабами, моя золото и собирая каучук, а теперь протестуют против добычи нефти на своих землях.

Не так давно, однако, подобное представление претерпело существенные изменения. По крайней мере, среди небольшой части общества. Интерес к изучению сохранившихся племен сельвы достиг невиданного прежде размаха, а полученные результаты пролили свет на их достижения. Медленно, но верно прежние стереотипы становятся достоянием прошлого. На их месте вырисовывается совсем иная картина. Многим стало очевидно, что лесные племена — кичуа Амазонии и уаорани, шуар и ачуар, сиона и кофан — не только в высшей степени прагматичные люди со здоровым пониманием действительности. Это народы, не чуждые абстрактных философских идей, создатели сложных моральных и жизненных норм, основанных на древнем опыте и традициях. Одна из них — подсеčno-огневое земледелие в тропическом лесу.

Так как я в большей степени знаком с жизнью лесных кичуа,

то в дальнейшем рассказе буду исходить из личного опыта, накопленного за время жизни среди именно этих индейцев.

Выбирая место под будущие чакру или пурину, кичуа принимают во внимание целый ряд условий, которым обязан отвечать приглянувшийся участок монте. Здесь недопустимо проявлять легкомыслие и пренебрегать опытом, накопленным предшествующими поколениями.

Прежде всего, поблизости должна протекать река, а земля должна быть пригодной для высаживаемых растений. Желательно, чтобы место не затапливалось паводками, позволяло без труда выполнять повседневные работы; чтобы не приходилось далеко ходить на охоту или рыбалку.

На Бобонасе и Типугини индейцы знают несколько разновидностей чакр, каждая из которых обладает характерными особенностями. В самых общих чертах чакры делят по первичному признаку на две группы. Это рупачиука, или чакра, разбитая с последующим выжиганием поваленных и высохших деревьев, и чауа чакра — та, при расчистке которой огонь не использовали, а деревья просто оставили лежать и гнить. Есть еще промежуточный вариант, называемый рупачина: поваленные стволы сожжены не полностью из-за начавшихся дождей и лежат до ближайшего сухого периода; а в землю уже посажены юка, платано и барбаску.

Первые, хотя далеко не обязательно, встречаются преимущественно в предгорьях на глинистых почвах с большим содержанием железа, так называемых пука альпа, или красных землях, которые действительно красного цвета. Здесь огонь пускают на второй-третьей неделе от начала валки деревьев, если тому способствует погода — дождей или совсем нет, или они выпадают очень редко. Зола, остающаяся после выжигания, становится естественным удобрением, так как ферролитовые почвы сами по себе мало плодородны. Кроме того, зола не позволяет расти сорнякам. На выжженных участках, где еще дымят пышущие изнутри жаром толстые стволы, остается мало живых существ. Большинство из них, не успев перебраться в безопасное место, погибает в огне или задыхается. И тогда то здесь, то там взгляд натывается на панцири сухопутных крабов, лесных черепах, обгоревшие трупы мелких животных и птиц, множество насекомых. Един-

ственные, кто пирует на пожарищах, так это муравьи. Большие и маленькие, поодиночке и колоннами — они находят здесь избыток пищи. Мертвые и полуживые насекомые утаскиваются ими в муравейники бесследно, а от более крупных созданий на почерневшей земле белеют обглоданные дочиста кости.

Во втором случае чакра разбивается на черных лесных почвах или же на островах больших рек, где земля намного богаче питательными веществами, а потому не так требовательна к дополнительным удобрениям.

На своих чакрах и пуринах лесные кичуа выращивают люму, или юку, маис-сара, камоте и его разновидности. Из клубневых высаживают бататы, например папачина, папа хивара, хуви люлун папа, сани папа, или темный батат, атун папа, светлый батат, манди, тутапишку манди, пука манди и тьюцманди.

Из плодовых здесь растут хлебное дерево-папарауа, какао как таковое, а также светлое какао-киля, питун и чунда. Не менее многочисленны и фруктовые деревья. Это хулюн, или бадея, хризифиллум-хапио, уики йюра, папайя, ананас-чиуилья, пука камби, каспи камби, наранхилья-ляранга, волосатая и колючая чамбира, чунда, рамус и уилья.

Одними из основных и быстрорастущих растений на чакрах по праву считаются разнообразные виды бананов, местные названия которых мачин палянда, куту палянда, уангана палянда и атун палянда. Также есть нуа и маленькие сладкие гинья. Большинство бананов идет в пищу только после приготовления — варки или обжаривания, другие можно есть в сыром виде. Здесь же высаживают сахарный тростник-уиру, ачiotе-мандуру, местную разновидность фасоли пуруту, тыкву, острый перец-учу и его разновидности — льюлю учу и пукашкка учу.

Но будет ошибкой считать, что на чакрах индейцы сажают только растения, годные в пищу. Нередко встречаются лекарственные травы, кустарники и деревья, используемые знахарями для лечения или же в специальных обрядах. Это, прежде всего, рунду-ма, различные виды уанду и тот же манди, которые пускают в ход при лечении диареи, болей в теле, а также при змеиных, муравьиных и паучьих укусах. Канело-кичуа высаживают и лиану-барбаску, чтобы не тратить время на поиски дикой лозы в монте.

Расчистка леса под чакру — занятие в высшей мере трудоемкое, отнимающее много времени и сил. К счастью, у большинства тропических деревьев древесина мягкая и легко поддается не только топору, но даже и мачете. Расчистка проводится в несколько этапов. Перво-наперво вырубают весь подрост и небольшие деревья высотой до пяти метров. После этого участок покидают на неделю или на две — в зависимости от погоды. За это время листья засыхают и опадают, в дальнейшем давая возможность высадить самые необходимые культуры. Затем начинают жечь ветви и стволы, а через несколько дней в остывшую землю высаживают черенки юки, платано, гинья, острый учу, фруктовые и лекарственные растения. Тогда же по краю могут высадить и маис — кукурузу.

Затем наступает четвертый этап. Чтобы обеспечить солнечным светом только что высаженные растения, валят самые большие деревья, дающие густую тень. Однако индейцы всегда оставляют те из них, которые дают плоды, привлекающие птиц и животных. Например, мурити частенько одиноко торчит посреди свежих расчисток. Такой подход решает и вопрос охоты: звери знают, где найти привычный корм, и за свежим мясом — гуантами и броненосцами — не придется ходить слишком далеко. Ведь когда созревают оранжевые грозди той же чунды или блестящие чешуйчатые плоды мурити, множество животных и птиц приходят и прилетают полакомиться ими. Даже болотные курочки-питьюру с удовольствием клюют их, если им удастся отыскать плоды, надбеденные уatinaми и гуантами: ведь сами они не могут расклевать прочную шкуру.

Наконец приходит время пятого, завершающего этапа — окончательной расчистки. Вообще-то ее могут произвести и до посева, если решают засаживать полностью готовый участок. Могут и после, но, в любом случае, когда повалят большие деревья. В монте она производится всего один раз в год, несмотря на то что сорняки растут даже быстрее, чем культурные растения. Но и здесь не все просто. В случае с юкой, например, важно соблюсти ряд условий. Так, когда созревает ее урожай, а это обычно случается каждые шесть или восемь месяцев, уже нельзя делать полную расчистку, но только в тех местах, которые того действительно требуют.

В противном случае нежные кустики, любящие негустую тень, пострадают от прямых солнечных лучей и жары. Выкраивая время для поздней расчистки, приходится считаться и с нравами прочих растений, уже высаженных на чакре или пурине: одновременно здесь могут произрастать до сорока видов.

Как только посреди леса проглянет клочок расчищенной земли, откуда ни возьмись, появляются и шустрые любопытные гарапатеро, или, как их называют кичуа, маули. Питаются они разнообразными насекомыми, особенно клещами-гарапатос, от которых и получили свое испанское название. Маули поодиночке и выводками шныряют среди поваленных деревьев, непрерывно переговариваясь между собой, и тогда шорохи листьев и скрипячая скороговорка доносятся сразу со всех сторон. Иногда птица издает громкий плачущий крик, по которому кичуа и называли ее. Черного, с длинным и ступенчатым как у сороки хвостом, гарапатеро всегда видишь близ поселений человека. Частенько они сидят прямо на спине спокойно пасущейся коровы, мула, лошади или же плещутся в ручье, протекающим в нескольких шагах от уаси. При этом одна птица остается на страже и внимательно следит за местностью. Ее большая голова, кажущаяся еще более крупной благодаря короткому и несоразмерно толстому черному клюву, поворачивается так, словно у птицы нервный тик. Со стороны это выглядит весьма забавно и добавляет очарования этим милым созданием, да к тому же не слишком пугливым.

Второй птицей, скоро замечающей появление человека в лесу, я бы назвал грифа-ульяуанга. Нет, не того, что собирается в большие стаи на окраинах крупных поселений и гарнизонов, где подбывает объедки, а другого, склонного к одиночеству и которого канело-кичуа зовут сиука. Он такой же черный, но цвет голой головы взрослой птицы грязно-желтый, а не серый. В полете этот гриф кажется массивнее и тяжелее своего общительного собрата за счет более длинных, широких и светлых, похожих на орлиные, крыльев и удлинненных перьев хвоста. Часто индейцы так и называют его — «гальинасо кон рабо», то есть «с хвостом», и отличают от первого — «син рабо», иначе «без хвоста». Я никогда не встречал сиука в стаях с урубубу, наверное, потому, что он очень осторожен и, не доверяя человеку, никогда не теряет бдительности. Мне

даже казалось, что парящая обыкновенно низко над лесом птица робко, исподволь подсматривает за тем, что делается на чакрах и возле домов индейцев, и тут же прячется за макушками деревьев. Как и другие грифы, после дождя сиука долго сушит перо, сидя на торчащей в сторону ветви лесного исполина, откуда просматриваются все окрестности, и подкрасться незамеченным к отдыхающей птице очень трудно. Кичуа имеют привычку подшучивать над ульяуанга не только из-за его внешности. Дело в том, что первая часть имени созвучна с другим словом — «улью», обозначающим мужской половой член. В быстрой речи разница в одну букву исчезает окончательно, что вызывает бурный смех присутствующих. Поэтому даже индейцы предпочитают называть грифов испанским словом «галлинас».

Но вернемся на чакру. Несмотря на то что ее хранительницей и хозяйкой традиционно считают женщин — ведь не мужчине, а именно женщине Чакра Мама передала свои знания, — землю от леса расчищает вся семья, включая детей. Там, где требуется много сил — раскорчевка и рубка, женщины и мужчины действуют сообща, часто приглашая соседей на мингу². А те всегда готовы помочь выполнить тяжелую работу при условии, что и им окажут посильную помощь, когда в этом возникнет надобность.

Высаживание юки, напротив, — занятие традиционно женское, и от того, насколько хорошо женщина справляется с ним, зависит ее авторитет в глазах окружающих. Не умеет сажать юку, плохо работает, не смотрит за детьми — так назовут килья уарми, то есть ни на что не годной. О той же, у которой все ладится, скажут синчи уарми — сильная женщина. Работающие на чакре индианки еще не так давно строго соблюдали целый свод правил, цель которых — не навредить растениям, особенно в период их созревания. Так, например, они не смели работать при менструациях, иначе наливающиеся клубни могут сгнить на корню. Несколько дней до и после сева женщины не должны сосать сладкие стебли сахарного тростника, иначе черенки юки, высаженные в землю, так и останутся жесткими и не прорастут.

Несколько дней до и после высаживания юки запрещалось выметать мусор веником. Нарушение этого правила грозило обер-

нуться тем, что клубни вырастут маленькими и невкусными. Даже в наши дни никто не станет высаживать люму по вторникам, так как есть поверье, что она все равно не вырастет. Впрочем, это правило распространяется только на юку.

Перед посадкой женщина должна справиться люму паху — обряд, долженствующий сделать урожай обильным и защитить его от всяческих напастей. Остановлюсь на этом подробнее.

Паху — это обобщенное название ритуалов, основанных на использовании, как говорят кичуа, «силы», по их убеждению присутствующей во всем, что окружает человека. Они известны с незапамятных времен. Их справляли деды и бабки, справляют и сейчас. Некоторые ритуалы забылись, другие остались. Совершая паху, индейцы верят, что облегчают высаженным растениям рост и развитие, оберегают их от зла и приумножают урожай. Хотя посадка большинства культур считается почти исключительной привилегией женщин, мужчины тоже могут участвовать в некоторых ритуалах паху, а другие — их исключительное право.

В лесах на Востоке, к северу от Пастасы, например, можно стать свидетелем трех главных разновидностей этого обряда. Первый относится к посадкам. Вторые свершаются для исцеления больного, а посредством третьего наводят порчу.

Паху, связанные с обработкой земли, различают в зависимости от растения, которому они «посвящены». Так, это может быть палянда паху, если желают, чтобы платано выросли большими и сильными, или люму паху, предназначенный юке.

...Помню, как-то вечером, пока готовился ужин, я разговаривал с Патрисией. Она перебирала руками волосы хныкавших детей, выискивая блох в их шевелюрах. Найдя паразита, женщина ловко прихватывала блоху ногтями и отправляла себе в рот. Но вместе с тем Вьеха — так несколько фамильярно Флавио именует свою жену — с готовностью отвечала на мои расспросы: как лепят мукауа, что и когда сажают на чакрах, какие супаи живут в монте. Рассказывала об асуа, о приметах, поверьях... Рассказала и о люму паху, заметив, правда, что сама она его не делает, но многие из тех, кого знает, до сих пор верят: если не свершишь обряд — юка не уродится.

Вот как, по словам Патрисии, свершается люму паху. Человек,

будь то женщина или мужчина, перед тем, как посадить нарубленные на куски в десять — пятнадцать сантиметров стволы юки, натирает себе руки табаком, а саму юку «купает» в мандуру, то есть обтирает красной краской из кожурь растертых семян; табак вообще считается необходимым при всех паху. После этого юку обмахивают пучком листьев дерева уайра каспи. Так же как это делают при исцелении человека.

Смысл всех действий следующий. Табак среди кичуа традиционно почитается средством, которое на дух не переносят супаи; упоминание об этом встречается в сказках, то же говорят и знахари. Поэтому, натирая руки табаком, человек заранее отгоняет все вредоносные силы от растения. Ачиоте должен придать юке жизненных сил, а обмахивание лишний раз «очищает» нарубленные черенки, из которых вырастут новые кусты.

Перед посадкой барбаску тоже справляют паху. Считается, что он особенно удается тем мужчинам — лиану сажают только мужчины, — у которых громко хрустят суставы пальцев рук.

Вторая разновидность паху — ритуалы, справляемые, когда хотят вылечить тело или «очистить» больного человека. Он включает в себя несколько обрядов, среди прочих и маляйре паху.

Обычно маляйре, или, как говорят на Бобонасе, «малягре» — болезнь, сопровождаемая непрерывной тошнотой, рвотой и диареей³, лечат следующим образом. Эту напасть может изгнать не только йячах⁴, но и всякий, кто умеет. Берут большой комок ваты, в который кладут белое куриное перо, немного белой собачьей шерсти, чуть-чуть волос человека с лобка, настругивают коровий рог, добавляют небольшой кусочек ветки пальмы-рамус, из которой обычно плетут различные украшения на Святую Неделю, и заворачивают свечку. После этого начинают «чистить» больного, с силой вода этим комком по телу, голове, рукам и ногам — аналогично тому, как горцы катают куриное яйцо для той же цели. Минут через десять — пятнадцать вату со всем завернутым в нее бросают на пол. Если раздался звук, будто упал тяжелый предмет, то это означает, что болезнь «перешла» в комок. Также смотрят и на руки лечившего: когда все хорошо, его кисти и ладони приобретают желтый цвет. Для проверки, действительно ли маляйре ушла из тела, пациента заставляют съесть десять шариков табака,

и если человека не стошнит — он здоров. Таков малягре паху, как мне его описывали на Бобонасе.

Во время этого же паху мне довелось присутствовать на Типутини. Там он справляется иначе, и основная роль отводится именно знахарю. Обстоятельства, при которых я увидел сам обряд, были не слишком веселыми: заболела Нена — полуторарагодовая дочь уже упомянутого мною проводника Эль-Хоакина и его жены Ла-Мариэлы «Ла-Мари». Лекарства из имевшегося скудного запаса ей не помогали. И за двое суток с момента, как болезнь проявилась, ребенок совсем ослаб, угасая буквально на глазах. Девочка ничего не ела, и ее беспрестанно рвало. Вечером второго дня по моему настоянию все же пригласили йячах. Вот что я записал тогда у себя в дневнике:

«Пришел Анхель, его сын, еще несколько человек. Анхель сел в гамак, сын лег на пол. Рядом с каждым был пучок веток, но не уайра панга, а других, с мелкими листиками и довольно душистых. Так посидели, поговорили. Когда пришел Чичику, Анхель взял в руку свой пучок и стал обмахивать ребенка. Ла-Мари, сидевшая перед ним на полу, зажгла ему сигарету из пачки, лежавшей рядом. Анхель хлебнул поданного ему «ликера» на тростнике (стаканчик ходил по кругу: кто хотел — тот пил, кто не хотел — нет) и не спеша продолжал обтряхивать. Он сидел в гамаке, работая то правой, то левой рукой, чередуя их, когда одна уставала. Так продолжалось минут десять, после чего Анхель передал ребенка с матерью заботе своего взрослого сына, перебравшегося к тому времени в соседний гамак. Тот с неохотой хлебнул «ликера», Ла-Мари зажгла сигарету, и началось все сначала. Этот обтряхивал своим «веником» точно так же, как и Анхель. Прошло еще минут десять. Нена лежала на коленях Ла-Мари и плакала. Потом настала очередь Анхеля — десять минут. В это время все сидевшие спокойно разговаривали, и это никак не отражалось на лечении.

Под конец Анхель провел «веником» вдоль тела Нены — по груди, голове и ногам, стряхнул все в сторону и отложил ветки. Эль-Хоакин принес сырое белое куриное яйцо и передал его знахарю. Тот, держа его в ладони, принялся катать яйцо по телу ребенка, довольно быстро водя им, как будто что-то стирая. Так он катал по голове, вискам, груди, животу, рукам, по ногам, как бы

делая массаж. Затем он поднялся, подошел к столу и о край аккуратно разбил скорлупу, а содержимое вылил в стакан с водой, некоторое время что-то там рассматривал. После этого Нену перенесли на другое место, ко входу в «спальню», посадили в тазик с водой, и Анхель вымыл ее. При этом по кругу ходил стаканчик с местным вином, и Анхель не отказывался:

- Ньюкапа?
- Канба.
- Салю'... Паграчу⁵.

Потом Ла-Мари отнесла девочку за перегородку и уложила спать, а сама присоединилась к нам. Подошли еще люди. Первый литровый пакет кончился. Стало ясно, что нужен второй. Вместе с тем некоторые продолжали помаленьку пить «ликер», и атмосфера становилась все более непринужденной. Допили второй пакет, допили и содержимое бутылки, после чего все переместились в соседний дом...»

В тот раз Анхель так и не сумел вылечить больную девочку, заключив, что это маляйре. Повторять лечение никто не собирался, так как полагали, что если маляйре не «уходит» с первого раза, то уже ничего не поможет. Через день Ла-Мари по моему настоянию все же увезла дочь на каноэ в больницу. Когда спустя двое суток она вернулась со все еще слабенькой, ходившей словно спростонья Неной, то рассказала, что доктор определил у ребенка глистов и дал лекарство. Неделью спустя девочка уже окончательно поправилась. Восемью месяцами ранее от болезни с подобными симптомами умер мальчик того же возраста, что и дочь Чичику.

Третий вид паху — обряды, цель которых причинить человеку вред. Преждевременное старение, выпадение волос или поседение — для индейцев все это следствие паху и часто происки знахарей, пускающих в свои жертвы так называемые «магические стрелы» — чунда паля...

Но самое время возвратиться к разговору о чакрах. Будучи превосходными земледельцами, лесные кичуа понимают, что земля, истощившись после нескольких урожаев, требует отдыха. Поэтому ее на время оставляют набираться сил. Это вовсе не означает, что чакру или пурину забрасывают навсегда, отдавая расчистку во власть леса. Их продолжают использовать, но более аккуратно.

Находящуюся «под паром» землю канело-кичуа, к примеру, делят на ушун, маука и пиата, исходя при этом из того, насколько полно в процессе «отдыха» эксплуатируется земля.

Словом «ушун» называют участок, который отдыхает на протяжении полугода или года. Тут могут посадить юку на месте только что собранного урожая другой культуры. На почвах, богатых органическими веществами, один и тот же участок дает урожай три года подряд, в основном юки. А платано хорошо растут и пять лет.

Маука, иначе льюкча уку, это участок, «отдыхающий» дольше — от двух до семи лет и уже изрядно заросший сорными растениями. Этим же словом индеец-кичуа может назвать и совсем свежую раскорчевку в монте, заваленную толстыми стволами, ветвями и не выкорчеванными пнями. Здесь обычно выборочно оставляют на корню те виды, которые позже будут использованы в строительстве, медицине или древесина и плоды которых пригодятся для украшений и разных поделок. Чакра, «отдыхающая» таким способом, со стороны кажется прогалиной в лесу, более или менее густо заросшей деревьями высотой десять — пятнадцать метров. Так что, выбравшись на маука, с непривычки даже и не сообразишь, что находишься на обрабатываемой земле.

Наконец, третья разновидность называется пиата, или руку маука. Это участок земли, используемый до пяти лет подряд. Здесь растут деревья, приносящие плоды. Фактически руку маука это посаженный руками человека фруктовый лес, с годами медленно растворяющийся в окружающей его сельве. Тут выращивают чунду, уабо, пата, пасу, питун, хапио и уачантси. То есть породы, живущие и плодоносящие двадцать, тридцать и более лет. Все это время отдельные плодовые деревья погибают, а когда исчезнет последнее, то пиата сменяет так называемый «боске секундарио» — вторичный лес, в котором следы бывшего хозяйствования человека почти стерлись.

И тем не менее даже по прошествии многих десятков лет индейцы с уверенностью показывают место в монте, где у их предков были чакры и пурины. Для этого им достаточно заметить хотя бы одну пальму чунда или старое лимонное дерево, чтобы понять,

что прежде тут хозяйничали люди. Нередко всего одно-единственное дерево, найденное среди высокоствольного леса, решает спорные вопросы между общинами кичуа или соседствующими племенами с различными жизненными укладами. Иногда это позволяет избежать обострения застарелых конфликтов, например, между напо-кичуа, оседло живущими на берегах Типутини, и кочевниками уаорани с юга. Последние до недавнего времени занимались в основном охотой, а не земледелием, и широко кочевали по сельве, в том числе близ Типутини и Ясуни. Поэтому следы давней обработки земли склоняют чашу весов в пользу рунас и удерживают мирное равновесие в лесах. И только горячие молодые головы, как с одной, так и с другой стороны, время от времени перебрасываются колкими, обидными высказываниями. Но это, по крайней мере, всего лишь слова, а не пронзенные копьями трупы кичуа и не изувеченные пулями и картечью останки воинов уаорани⁶.

---

¹ Мера веса, приблизительно равная 50 кг. Также – большой мешок (*исп.*).

² Минга (*кичуа*) – работы, выполняемые сообществом членами нескольких семей. Основаны на традиции взаимопомощи и носят добровольный характер. Приглашающий человек, согласно нормам вежливости, поит приглашенных чичей, а по окончании минги зовет всех на обед или на ужин.

³ Под названием «малаяре» скрывается не одна болезнь, но, я подозреваю, несколько со сходными симптомами. По крайней мере, это могут быть: заражение глистами, сильное пищевое отравление, возможно, дизентерия и, не исключено, холера.

⁴ Буквально «знающий, умеющий». От глагола йячана – «знать, уметь» (*кичуа*).

⁵ – Для меня? – Для тебя. – Твое здоровье... Спасибо (*кичуа Nano и исп.*).

⁶ Индейцы уаорани – «замиренные» группы – имеют сегодня дробовые ружья, но в военных набегах пользуются исключительно копьями, как и те, что избегают мирных контактов. Кичуа же в подобных случаях используют исключительно ружья.

Глава десятая

Альпакоча

*...и с той поры каждый раз,
как луна-Килья поднимается из-за леса,
жена-Филлоку плачет: «Куда же ушел мой муж».*

В тот вечер луна так и не показалась из-за деревьев, а потому жена не плакала по своему мужу, словно позабыв о горе. Мало кто обратил на то внимание. Хотя, сказать по правде, лучше бы она лила слезы навзрыд. Но нет. Тогда, скорее уже ночью, нежели вечером, лишь звезды мерцали и струились в густой непроницаемой черноте. Мерцали над головой и струились, отражаясь в еще более черных, чем небо, водах озера, окруженного со всех сторон старым лесом, подступившим к самому берегу и даже сползшим с него. Подступившим черной изрезанной стеной, отделившей грифельную черноту неба от смоляно-вязкой зеркальной глади.

Восемь ярких звезд Уайрачина, вытянувшись вдоль Уагра Ньямби — Млечного пути, медленно ползли к зениту. На западе, словно в такт им, старший из братьев-близнецов — Чишанга Йийя — неспешно уходил с небосвода и уже нетвердо мерцал, путаясь в кронах самых высоких деревьев. Пасть Каймана — Лягарту Кастуна раздвоилась, одновременно готовая поглотить зазевавшуюся жертву и сверху, и снизу, но пять тесно сжавшихся звездочек Уата Уауа — братьев-одногодков сдерживали ярость чудовища¹.

Узкое старое-престарое каноэ медленно скользило вдоль густо заросшего берега, тихим плеском легкого однолопастного весла сея панику среди спавших в склонившихся над водой ветвях гоацинов-цзанцу, которые спросонья, да в потемках, лишь хлопа-

ли крыльями, не зная, куда деваться от неведомой опасности. А может, это не щаншу, а большие камукуй — сразу не разберешь.

Старший из двух моих спутников напу-руна — Эль-Хоакин «Чичику», застыв тенью на носу, поджав ноги и глядя прямо по курсу, изредка давал указания своему восьмилетнему племяннику Кристиану, правившему на корме. Бог знает как, но в этой непроглядной тьме, обступавшей нас со всех сторон, он находил верное направление. Наконец каноэ, качнувшись, уткнулось носом в топкий берег. Здесь, чуть поодаль от кромки воды, угадывалась прогалина, которой и суждено было стать местом нашего ночлега.

Вряд ли кто уже скажет, даже старики, почему это озеро-лагу-ну назвали Альпакоча — «земляное озеро». Оно мало чем отличается от множества таких же маленьких озер, что спрятаны по сельве вдоль Типутини. И когда дожди переполняют его водой, оно точно так же, как и остальные, соединяется с рекой протокой. Тогда, в сезон ливней Тамья Килья, по ней в Альпакоча заплывают огромные черные кайманы, путешествующие с верховьев реки вниз по течению вместе с высокой водой. Сейчас в лагуне остались в лучшем случае маленькие, не длиннее метра, молодые кайманчики. По крайней мере, охотники, побывавшие здесь пару недель назад, не видели крупных руна лягарту, изредка достигающих шестиметровой длины и, не в пример «белому» крокодиловому кайману, нападающих на людей и переворачивающих каноэ.

Хлюпя по прибрежной жиже сапогами, мы выгружаем на сухое место нехитрый скарб: три маленьких рюкзака со сменной одеждой, противомоскитной сеткой и клеенкой от дождя, котелок под рыбу да банку с солью. Не теряя более времени, Эль-Хоакин отчерпывает набежавшую из трещины в борту воду и мы, отталкивая увязшее носом каноэ, отчаливаем...

И без того верткая, долбленка становится еще менее остойчивой, когда Чичику выпрямляется во весь рост и принимается распутывать длинную сеть. Старая, спутавшаяся — в ней больше про-рех, чем ячей. Немного подумав, он решает ставить ее поперек озера, почти перегораживая его. Один конец привязывает к воткнутому в дно длинному шесту, а другой тянет к противоположно-

му берегу, к свисающим кустарникам. Маленький Кристиан — «Мачин» неторопливо подгребает веслом по мере того, как все новые и новые метры полотна скрываются в глубине.

Вот и берег, заросший так густо, что выбраться на него кажется невозможным. Ветки, сухие белые сучья, притопленные стволы деревьев в луче фонарика меняют очертания, двигаются, извиваются словно призраки. Эль-Хоакин вяжет конец и дает команду племяннику отгребать назад.

И снова легкий плеск весла. Его едва слышно среди многоголосья звуков, доносящихся из ночи, живой, пульсирующей. Неистово плещется рыба, где-то булькает, что-то падает в воду. Звенят цикады и кузнечики, и совка-бульюкуку, как обычно, поет, невидимая в надежно укрывшей ее темноте.

Воздух медленно остывает, и легкая прохлада окутывает все вокруг, заставляет время от времени поеживаться. Чтобы не уснуть, я отчерпываю ладонями быстро прибывающую воду, в то время как Чичику, стоя на носу с зажатой в руке длинной острой, шарит лучом по глади озера. Легкая, прочная, с наконецником-«вилкой» из стальной проволоки, она хороша и для мелких кебрад, и для реки, и для лагуны. Никакая средних размеров рыба не может устоять против этой остроги. Она настигает и колючего сомика-пикалона, и зубастого пашина, и отважную, сильную корбину. Разве что закованные в прочную косяную броню карачама да большой скат-хвосток — райя не всегда поддаются острым зубцам. Но белесой, неторопливо плывущей, словно парящей в потоке света почти у самой поверхности бокачико не уйти. Точный молниеносный выпад, и рыбешка длиной с ладонь и почти такой же ширины уже извивается и бьет хвостом на дне каное, пронзенная навывлет.

Метрах в восьмидесяти от первой мы находим место для второй сети: на сей раз озеро будет перегороджено от берега до берега. Чута!.. Из темноты навстречу каное выплывают изогнувшиеся над самой водой, усеянные иглами стволы пальм чонтилья. Словоно руки, они тянутся с суши над водой на несколько метров, а потом вдруг взмывают вверх и распускаются небольшой, но густой шапкой листьев.

Кое-как уворачиваясь от колючек, крепим один конец сети, и

на манер первой Чичику принимается ставить ее, по ходу распутывая. Эта — еще более старая, изодранная, перекрученная — обещает немало хлопот. Тьма непроницаемая. Хочешь — режь ножом, хочешь — схвати рукой. Небо, до того ясное, теперь затянуло легкой облачностью, скрывшей слабые звезды и окружившей неживым ватным светом самые яркие. Я не вижу ничего, кроме лица да рук Эль-Хоакина, мелькающих в луче фонаря. Каноэ раскачивается, черпая и без того быстро прибывающую воду. Чичику отплывывается и отфыркивается от мошкары, летящей на свет фонарика, висящего у него на воротае футболки. Сверкают брызги и окатывают с головой, когда кусок рваной сети с шумом бьет по воде. Сеть запуталась основательно, и Эль-Хоакин в конце концов начинает негромко ругаться. Что называется, «без души», но в таких выражениях, что я понимаю едва ли треть сказанного.

Неправдоподобно медленно, но лес все же приближается; еще немного — и все, сеть поставлена, конец мучениям. Возвращаемся вдоль самого берега, вспугивая спящих птиц. Что-то осыпается, бьется о землю, и кажется, что это какое-то из ночных животных шебаршится за непроницаемой чернотой деревьев. Тут треснет, там зашуршит. Над головой просвистели крыльями утки-невидимки. Плеск играющей рыбы не прекращается ни на мгновение. Чичику вполголоса замечает, что, наверное, быть дождю: рыба всегда гуляет перед сильным ливнем.

В луче фонаря, шарящего по сторонам, зажигаются угольки глаз маленького руна лягарту, лежащего на полупритопленном суку. Другой затаился у берега под корягой. В угольной черноте леса на мгновение вспыхивают и гаснут салатные маячки светляков. Аяяшилю, как их зовут кичуа из этих мест, «ногти чертей». Есть поверье, что жуки-светляки это обломившиеся когти лесных чертей. Да и по форме насекомые напоминают коготок. Когда черти копают землю или таскают дрова, они иногда теряют ногти на руках. Считается, что аяяшилю могут нести болезни: у чертей под ногтями скапливается грязь точно так же, как и у людей.

Очередной сильный всплеск в дальнем конце лагуны пробуждает в памяти рассказы о супаи, живущем в глубине озера. Знахарь Анхель как-то рассказывал о Яку Уарми — Водяной Женщине, которая охраняет Альпакоча, сторожит рыб и зверей. Он

говорил, что это полуженщина-полурыба, супаи, иногда оборачивающийся огромной анакондой. Все жители маленькой деревни общины Льянчама помнят случай, когда чем-то недовольная Яку Уарми в облике змеи-яку мама перевернула каноэ с охотниками. Перепуганным мужчинам кое-как удалось выбраться на берег, после чего мокрые, но живые все спешно вернулись по своим семьям. Спустя несколько дней мужчины, захватив с собой товарищей, отправились посмотреть, что случилось с каноэ, и очень удивились, найдя его на берегу шагах в сорока от кромки воды.

Вспоминаю, как незадолго до отъезда из России прочитал у Бейтса: «Во всем Амазонском крае туземцы верят в существование какой-то чудовищной водяной змеи, как говорят, во много десятком фатомов² длиной, которая появляется то тут, то там, в разных местах на реке. Ее называют «маи д'агуа» — матерью, или духом, воды. Этот миф, связанный, без сомнения, с тем, что иногда встречаются сукуружу необыкновенно больших размеров, имеет множество разнообразных форм, и об этих фантастических легендах толкуют стар и млад у костров в глухих поселениях».

Вот, быть может, и сейчас супаи готовит какую-нибудь пакость из тех, что они так любят подстраивать охотящимся и рыбачащим в монте людям. Нет, неспроста столько рыбы. Не зря же говорили старики, что где зверь или рыба, там и анимасу — так еще называют в этих местах лесных чертей.

Говорили, что Яку Уарми, полюбив охотника и желая навсегда оставить его для себя, послала ему множество рыбы, уводя все дальше и дальше в лес от человеческого жилья, пока тот бесследно не пропадал в монте. Кто знает, может быть, и нам уготована та же участь...

Мысли медленно кружат в голове, но сонно, вяло, нехотя, погружая в еще большую апатию и расслабленность, когда хочется только смотреть и ничего не делать. Красный всполох зарницы на мгновение озаряет небо на востоке, а потом снова наваливается темнота. Опять и опять зажигаются тени далекой грозы. Где-то уже идет дождь...

Вот и первая сеть. Минул от силы час, как ее поставили, а рыба уже неподвижно висит в ней, застряв в ячейках жабрами. Подплываем ближе и начинаем вынимать серебристых бокачико, бросая

бьющихся рыб на дно каноэ. Их огромные круглые глаза-блюдца тускло светятся кровавым рубиновым светом в луче фонаря. Маленький Мачин гребет вдоль сети, и уже скоро вся рыба выбрана, но двум бокачико удалось выскользнуть из рук Эль-Хоакина, уйти в глубину.

Пора возвращаться к оставленным на берегу вещам и устраивать ночлег: построить тамбу — укрытие от дождя, развести костер.

Стребаем сухие листья в кучу. Чичику из стоячей сухой колоды мачете рубит мелкую щепу и стружку, и вскоре его замечание, словно самому себе прошептал: «Фуэра эль дьябло!» — «Прочь, дьявол!» возвещает о рождении слабенького язычка пламени, который больше едко дымит, чем освещает пространство вокруг лагеря. На четыре воткнутых в землю шеста натягиваем тент, стелим на землю клеенку, вешаем полог от комаров. Теперь можно немного передохнуть перед тем, как плыть проверять вторую сеть. Разговаривать не хочется, поэтому просто сидим и думаем каждый о своем. Кристиан откровенно клюет носом.

Эх, луна бы сейчас совсем не помешала. Где же ты, братец Килья? Глядя в костер, я вспоминаю индейскую сказку о том, как он появился на небе. Сказку очень старую, передававшуюся от поколения к поколению, о Килья и Филюку — луне и ночном ястребе филюку, которые в прежние времена были людьми и жили на земле.

Когда-то давным-давно, говорили старики, Филюку была человеком, рассказывал мне накануне Эль-Хоакин. Однажды ее муж решил взобраться на высокое дерево пути йюра. Зачем? Никто уже не знает зачем. Он поднимался вверх по стволу, а жена его едва поспевала за ним. Это была очень нерасторопная женщина, и к тому же у нее спадала юбка, путаясь в ветвях и развиваясь на ветру. Видя это, муж сказал: «Раз ты такая неуклюжая, оставайся одна здесь и будь с этих пор ночной птицей филюку». И жена, услышав эти слова, обернулась ночным ястребом и полетела прочь, повторяя «филюку-ку-ку, филюку-ку-ку». Поэтому сегодня, оставшись в одиночестве на земле, она плачет, когда смотрит на луну, и ее всхлипывания — «Ньюка кусалья-ля-ля» — разносятся далеко по монте. «Мой муж, мой муж, куда ушел мой муж?» — повторяет она.

Красивая история, которую другие рассказывают иначе:

В начале времен, говорят они, Килья — луна была человеком, юношей. Как и рунас, она жила на земле, а не пряталась в облаках и не светила с неба, как сейчас.

Этот юноша взял за привычку каждую ночь надоедать своей сестре. Конечно, он не говорил ей: «Я твой брат», поэтому девушка не знала, кто же мешает ей спать. Днем Килья был, как и все остальные братья, серьезным, неразговорчивым. Он не шутил со своей сестрой, не играл с ней.

Девушка подумала: «Как бы мне узнать, кто приходит надоедать мне по ночам?» И решила она нарвать плодов уиту и черным соком их вымазать того, кто приходил каждую ночь. Так и сделала, приговаривая: «Несомненно, этот руна придет и сегодня».

Когда стемнело и девушка уснула, пришел ее брат Килья. Только он обнял ее, как она вымазала ему лицо краской уиту. Фау!.. Килья бросился бежать прочь, стал мыть лицо водой, но никак не мог смыть большое черное пятно.

«Что же мне теперь делать?» — думал он. И надумал потерять лицо рыбкай-карачама. Впустую. Но с тех пор рот у карачама испачкан черным, а лицо юноши местами немного оттерлось, но так и осталось пятнистым.

И тогда позвал он Вариса, чтобы тот в свою очередь попытался очистить лицо Килья. Вот почему по сей день рот у Вариса черный. А лицо юноши по-прежнему оставалось перепачканным.

Поэтому, превратившись в луну, Килья такой пятнистый и сейчас. Это все потому, что сестра вымазала ему лицо соком уиту. Никто точно не знает, как Бог допустил, чтобы Килья поднялся наверх. Наверное, в те времена было возможно взобраться на самое небо.

Имя же сестры Килья было Филюку. Она осталась здесь, на земле. Если бы она не была такой медлительной, должно быть, сегодня на небе было бы две луны. Но она отстала и осталась одна-одинешенька, словно вдова.

В те давние времена птичка Киуа Пишку тоже был человеком. Килья попросил его: «Помоги мне, я больше не хочу жить здесь. Я хочу подняться наверх. Помоги мне». Собрались вместе много Киуа Пишку, и стали они подниматься все выше и выше. Но пе-

ред тем Килья сказал своей сестре: «Если хочешь, давай поднимемся вместе, но поспеши». Филюку все никак не могла одеть юбку, не получалось у нее завязать и свой чумби³. Каждый раз она спадала. А между тем ее брат Килья уже поднялся наверх и больше не вернулся. Он превратился в луну.

Его сестра, оставшись в одиночестве, стала ночным ястребом филюку. И теперь можно слышать, как она плачет каждый раз, когда луна выходит из-за леса: «Братец мой! Братец мой!»

Хвост у этого ночного ястреба длинный: то юбка, которая все спадала, да чумби, что развевался по ветру.

Так рассказывают о том, как Килья поднялся на небо. Килья — руна, который мешал спать своей сестре. Сегодня луна не может светить ярко, ведь лицо у нее перепачкано уиту. Она совсем не похожа на Ияйя Инди, на солнце, которое светит хорошо и дает жизнь всему, что есть на земле.

Костер прогорел, пора смотреть сети, а потом еще чистить и присаливать рыбу, чтобы не пропала.

...Хотя накануне мы и легли спать далеко за полночь, проснулись с рассветом. Быстро свернули лагерь, сложили вещи в кучу, а сами поплыли проверять и снимать сети.

Утро серое, тихое, свежее. Ожили птицы, наполнив голосами лес. Перекликались на разные лады гарапатеро и пицира, с сухой колоды доносилась барабанная дробь красноголового дятла-люнцисири. Где-то в густой кроне «пел» куту, завывая ветром в ружейном стволе: «хууу-хуууу-хууу...». Над головой в белесом рассветном небе носились маленькие стрижи, часто трепеща острыми узкими крылышками, в озере плескалась рыба.

В свете народившегося дня лагуна производила иное впечатление. Ночью казалось, что это — лишь маленький узкий и длинный залив. А где-то там, в темноте, простирается водная гладь на много сотен метров. Где-то там, в глубинах, живут супаи, огромные пятнистые анаконды и черные кайманы. Сейчас же я смотрел на густой береговой лес другими глазами. Он, как это часто случается днем, перестал быть загадочным, волшебным. Перестал быть сказкой. Колючие чонтильи, ползущие над водой, стали всего лишь пальмами, с которых свисали гнезда-чулки черно-желтых касиков-пересмешников чиру; скелеты топляка — мертвыми ствола-

ми деревьев. Местами вьюнок так густо окутал ветви, что скрыл под собой кроны, превратив их в салатные шапки, украшенные фиолетово-розовыми цветами, а на соседних деревьях, вот-вот готовые отвалиться под собственной тяжестью, лепились огромные бромелии, выпустившие красные стрелки соцветий. Во всем этом хитросплетении перепархивали рыже-бурые гоацины, обретшие плоть и переставшие быть лишь неосязаемым звуком над головой.

Между тем из сетей выбрали попавшуюся за ночь рыбу — несколько бокачико и одну большую, с локоть длиной, уже уснувшую серебристо-белую корбину, сняли полотна. У пары маленьких бокачико кайманы успели отъесть головы и изжевать хвосты. Тем не менее все мы довольны пойманной рыбой, точнее, ее количеством.

А тем временем разлившееся над лесом на востоке золото подсказало, что солнце — Йяйя Инди вышло из-за горизонта и скоро разгонит влажную свежесть подернутого туманом мира ночной сельвы. Уже совсем скоро белоснежный мачин уamani будет чертить круги в восходящих потоках воздуха, высматривая в гуще ветвей первую жертву. А до тех пор надо успеть вернуться домой...

¹ Уайрачина — созвездие Орион, Чишанга Йяйя — Венера, «Вечерняя Звезда», Лягарту Кастуна — скопление звезд Гиады в созвездии Телец, Уата Уауа — хорошо заметное на небе скопление звезд Плеяды в том же созвездии

² Фатом — мера, применяющаяся главным образом для измерения глубины. Один фатом равен 6 футам, или 183 см

³ Женский пояс (*кичуа*)

Глава одиннадцатая

По кебрадам с барбаску

*Бывает и так: идет себе человек в монте,
и все кажется ему, что кто-то
крадется за ним, следит. Обернется — никого,
только деревья вокруг. Дальше идет, опять мерещится ему,
что преследует его кто-то. И снова никого
Вдруг — чута! — хватъ за плечо. Пугаешься сильно,
оборачиваешься и тут видишь дерево за спиной,
ниоткуда. Это тоже сутаи, который за тобой краляся*

Тропа вилась через лес. Местами она сползала в кебрады, пересохшие от продолжавшейся уже более месяца засухи, или же упиралась в переброшенный на противоположный край оврага ствол дерева. Густо заросшие старые чакры — пурмас — остались далеко позади. Теперь вокруг был лишь старый лес с высокими самуна и не менее величественными санди йюра¹. Их светло-серая кора казалась белой на фоне темно-зеленой листвы, кофейных узловатых стеблей лиан, перекрученными канатами свисавших из вышины, и сухих, темно-соломенного цвета, огромных листьев пальм мурити, спадавших вдоль гладких стройных стволов. Высоко в кронах, теряясь в хаосе полога, проглядывали большие круглые, словно мячи, коричневого цвета осиные гнезда, прилепившиеся к горизонтальным сучьям. А кое-где на стволах, часто у самого комля, наплывами серели жилые термитники. Они же, но почерневшие, рассыпавшиеся на неправильные угловатые куски-«соты», лежали на земле, покинутые своими хозяевами — крохотными, телесного цвета термитами-кумищин. Иногда на дне этого затененного леса фонариком вспыхивал большой ярко-красный цветок крус сиса, прилепившийся на стволе дерева, называемого на языке кичуа крус каспи.

Изредка попадались небольшие «поляны» — участки, поросшие невысокими, не выше десяти метров, тонкими деревцами и кустарниками, а оттого светлые в сравнении с окружавшей их

чашей. Такие места здесь называют супаи чакра. Говорят, лесные черти выращивают на них свои растения, так же как это делают люди у себя на расчистках. Если супаи забросят свою чакру, то пройдет немного времени, и она зарастет большим лесом.

Было утро, но солнце уже прогрело воздух, и футболка на мне потемнела от пота. На голые руки, покрытые древесным сором, слетались маленькие, не более нескольких миллиметров, черные пчелки, привлеченные запахом вспотевшего тела. Впереди, шагах в пятнадцать, быстро шагал Эль-Хоакин, неся на плече неправдоподобно старое для этих мест одноствольное курковое ружье, стреляющее лишь изредка, несмотря на ритуал ежедневной утренней починки с помощью плоскогубцев, ножовки и молотка.

Эти ружья, именуемые здесь «ретро», а на Бобонасе больше известные как «карабина», — единственное огнестрельное оружие, доступное индейцам, если не принимать во внимание шомпольные дробовики-«чименеа». Нарезные винтовки продавать гражданскому населению категорически запрещено, так что ими вооружены лишь правительственные солдаты в гарнизонах, колумбийские повстанцы-геррильяс да эскадроны смерти парамилитарес.

На спине расплывшейся по всем направлениям футболки Чичику с трудом читалась бодрившая оптимизмом надпись: «В сельве все возможно». Далее следовало отточие, оставляя полный простор для работы воображения.

Позади меня, на том же расстоянии, замыкающим шагал Эль-Мануэль — молодой индеец, родственник Чичику по материнской линии, и нес в большой шигре, с закинутым, как обычно, на лоб ремнем несколько мотков тонких корней лианы-барбаску. Втроем, мы направлялись к неглубокой кебраде, носящей название Параяяку. Накануне, охотясь недалеко от нее, Чичику и я в нескольких бочагах нашли множество рыбы. Но поймали лишь нескольких пашинов на крючок да забили мачете пару длинноусых сомиков-пикалонов и коричневых скатов-райя, один из которых в диаметре превышал полметра. И вот теперь мы шли травить рыбу соком барбаску — аука хамби, сильным растительным ядом, которым традиционно пользуются в лесах от Напо до Пастасы, когда хотят добыть много рыбы сразу для нескольких семей.

Мы уходим влево от тропы, и я сразу же чувствую, насколько легче было двигаться по торной дороге. Нет, это не сплошная непроходимая стена зарослей, пробиться через которую можно, лишь беспрестанно рубя мачете направо и налево, подобно отважным героям-путешественникам из старых приключенческих романов. Это просто лес. Причем лес с относительно негустым подлеском, просматривающимся шагов на двадцать по низу. Однако ходить здесь нелегко. Хотя и минуло уже более месяца, после последнего дождя — с конца декабря стоит солнечное жаркое лето-«верано», в тех местах, где когда-то бежали ручьи, земля просохла не до конца, и ноги то и дело вязнут, натываются на ползущие по поверхности корни с вымытой между ними почвой. Приходится нагибаться, уклоняясь от растущих веером невысоких пальм-рамус, листья которых с нижней стороны усажены по стеблям редкими, но острыми иглами.

Время между тем близится к полудню, и становится жарче. По лесу спутники мои идут тем же быстрым шагом, что и по тропе. На пот уже не обращаешь внимания, футболка и штаны набухли, хоть отжимай. Нормальное состояние для этих мест, лежащих в великой низменности менее чем в одном градусе к югу от экватора. Чичику и Эль-Мануэль тоже потеют. Им так же жарко, как и мне: спины мокрые, на висках, носу, над верхней губой выступили мелкие капельки пота. Но, как ни странно, жара не утомляет ни физически, ни морально. Ты просто чувствуешь, что жарко, но не оцениваешь это ни как напасть, ни как благо. Таков этот лес. С одной стороны, он кусается и жалит, но с другой, наполняет неким отстраненным спокойствием, учит принимать вещи такими, какие они есть. Учит не жаловаться на временные, преходящие трудности и не искать ни легких, ни тяжелых путей, ведя тебя между этими двумя крайностями.

Вот и сама кебрада. Неширокое, метра два, русло, вьющееся по плоской равнине. Кое-где оно распадается на несколько обмелевших рукавов. Местами кебрада совсем пересохла, но там, где поглубже, в бочагах осталась прозрачная вода. Здесь-то и скопилась рыба, пережидающая засуху. На мелководье лежат круглые коричневые в черных пятнах «блины» райя, выставив над поверхностью только круглые пупырышки глаз. Тут же, но под прикрытием не-

высоких береговых обрывчиков, стоят длинные, лишённые чешуи, но с острыми ядовитыми шипами на грудных и спинном плавниках сомики-пикалоны длиной сантиметров двадцать. Кичуа с Типутини называют их нанги. Хищные зубастые пашины-дормидоны, наоборот, предпочитают держаться в наиболее глубоких местах, где охотятся на разнообразную мелкую рыбешку.

Краем кебрады поднимаемся вверх по течению, пока не набредаем на бочаг, где еще вчера была рыба. Осматриваем место. Чичику бросает в воду кусочки ветки и убеждается, что ничего не изменилось: обитатели кебрады жадно кидаются на упавший сор, пуская круги. Да, все по-прежнему. И даже большая куча помета лесного тапира — сача уагра — так и лежит никем не развороченная, и только муть в ямах-следах осела, указывая, что животное прошло очень давно.

О следах тапира, о тропе, оставленной им, напо-кичуа рассказывают интересную историю:

В начале времени жил один человек, мужчина. Как-то он отправился в лес. Проходил целый день и нашел следы, которые оставил сача уагра — тапир. Он пошел по этим следам и вскоре увидел кучу помета возле кебрады. Тапир всегда испражняется возле воды: в кебрадах, пантаналах², у лагун.

На следующий день человек продолжил идти по следам и отыскал еще одну кучу, чуть более свежую. Потом еще одну. У этой кучи человек спросил: «Когда же прошел здесь тапир?» И помет ответил ему: «Давно, пять лет назад».

На следующий день человек опять шел тропой тапира. И шел он так, пока не отыскал помет, оставленный четыре с половиной, три, два года тому назад. Потом нашел кучу годовой давности, восьми месяцев, месяца. Наконец человек наткнулся на помет, который сача уагра оставил всего несколько дней назад. И вот как-то днем охотник увидел у озера спящего тапира. Он подкрался и разрубил тело на две части, пополам. Передняя часть осталась на земле, а задняя — чистое мясо — свалилась в воду. Так появилась яку уагра — манати.

Старики говорили, что все, происходящее на земле, отражается в небе. И тропа тапира появилась наверху как белая полоса, Уагра Ньямби. Еще они говорили, что это и тропа уангана...

Такая вот история.

Между тем Чичику и Эль-Мануэль выбирают два нетолстых дерева, парой ударов мачете срубают их и делают импровизированные колотушки, длиной в четверть метра каждая; начерно обдирают кору. Достав из шигры связки барбаску, они берут себе по куску и принимаются мочалить их, положив на корни-контрфорсы. Дело продвигается быстро.

— Хоакин, щух рату маньячиуай³.

Мы с Чичику меняемся местами: он идет рубить длинный шест, а я мочалю корень, источающий запах растертой травы. Эль-Мануэль предупреждает, чтобы я не облизывал пальцы, испачканные соком, иначе буду мучиться жжением в горле и животе. Между прочим, он замечает, что правильнее было бы сказать «пасачиуай» вместо «маньячиуай»: смысл тот же, но для уха напo-кичуа звучит привычнее.

Наконец четверть часа спустя все принесенные мотки корней измочалены. Отобрав несколько «нитей» и скрутив в клубок, Эль-Хоакин засовывает их во вторую, маленькую шигру, завязывает и крепит к концу длинного тонкого шеста. С его помощью барбаску «полощут», опуская в воду то с одного, то с другого края бочага и давая растечься белесому соку, которого, к моему удивлению, оказывается больше, чем можно было предположить изначально. Яд, смешиваясь с водой, быстро растворяется в ней, не оставляя видимого следа.

Пока один из охотников травил, другой соорудил из пальмовых листьев загородку, перекрыв узкую протоку, по которой ополумевшая от яда рыба могла бы уйти в соседний глубокий бочаг.

Не прошло и пяти минут, как появились первые признаки действия аука хамби. Из глубины к поверхности стали подниматься мелкие серебристые рыбешки, которые плавали взад-вперед, глотали ртами воздух, ложились на бок и кружились, сверкая, словно металлические монетки на солнце. Минули еще десять минут, и яд подействовал на более крупную, но все еще слишком небольшую, чтобы бить ее острой, рыбу.

По-настоящему рыбалка началась спустя полчаса, когда пашины и пикалоны потеряли осторожность, стали не столь стремительными. Вооружившись кто мачете, кто острой, мы, разой-

дясь вдоль берега, принялись бить отравленную рыбу и выбрасывать ее на сушу, где она трепыхалась, привлекая своим запахом небольших стройных, цвета серы ос и вездесущих муравьев. Осы, злые и кусачие, кружили в воздухе и лепились к случайно потревоженному Эль-Мануэлем гнезду. Он, вовремя спохватившись, хоть и залепил его жидкой, вязкой землей, но насекомые этого, казалось, не заметили и продолжали злобствовать. Так мы и били рыбу, стараясь избежать взбешенных ос.

На каждый вид рыбы барбаску действует по-разному. Те же пикалоны, словно пьяные, медленно плавают по мелководью. Пашины же сходят с ума, бьются, мечутся, не находя себе места.

У самого края кебрады росло огромное дерево, корнями выпиравшее из прибрежного обрывчика. Вода вымыла полости между ними, образовав запутанную систему ходов-лабиринтов, в которых скрывались сомики и пашины. То и дело, будто из-под земли, — да так, по существу, и было — раздавались барабанные булькающие глухие звуки: это рыба билась в тесных пещерках. Для того чтобы выгнать ее из укрытия, Чичику засунул, как мог глубоко внутрь, моток барбаску. И очень скоро обезумевшие пашины повалили наружу, попадая под короткие частые удары мачете. Нанги и дормидоны — «сонни», плещась, отравленные, вылезали почти посуху один за другим буквально из-под земли, и этот неправдоподобный поток рыбы никак не заканчивался. У добытых пикалонов мы сразу же отрывали или обрубали колючки на плавниках. Бывает, что индейцы откусывают их зубами.

Убеждаюсь, что легкость этого способа ловли рыбы — мнимая. Много более привычные к напряженной работе в жару, мои спутники-кичуа, казалось, нисколько не устали. А вот меня она совершенно лишила сил. Немного отдохнув в тени и ловя обнаженными торсами редкие освежающие движения воздуха, мы снова оделись, сложили разбросанную по берегу рыбу в шигры, закинули их за спины, закрепив длинными ремнями на лбу, и... отправились проверять ловушки, которые накануне Эль-Хоакин и я соорудили недалеко от Парауаяку.

Эти трампас⁴ — совершенно особой конструкции, называются мотело уаси, что с кичуа дословно переводится как «черепаший домик». Именно лесных черепах ловят этими нехитрыми

приспособлениями напу рунас. Обычно, бродя охотой в монте, ищут место, где яуати — так называют их в этой местности — наследили на влажной почве своими кривыми ножками, оставив после себя ямки вывороченной земли и кое-где отпечатки задевавшего за неровности панциря. Как правило, это бывает в низинках и сыроватых, густо заросших руслах кебрад. Здесь вместо приманки кладут несколько маленьких скатов-райя или одну большую рыбину. Впрочем, годится любое мясо: начиная гнить на жаре, оно распространяет по округе сладковатый запах падали, привлекающий черепах. Вокруг привады возводят шалашик из плотно подогнанных и связанных для прочности у вершины лианой шестов высотой около полуметра. Яуати, приковыляв на смердящее мясо, тычется мордочкой в стенки мотело уаси, но добраться до приманки не может. Когда возвращается охотник, он застаёт одну, а то и двух-трех черепах поблизости от ловушки. Без труда собирает их, затыкает панцирь спереди и сзади обрубками веток и либо уносит с собой, либо оставляет на тропе, чтобы забрать на обратном пути.

Вот и теперь Чичику, исчезнув в густых колючих кустах, заваленных упавшими деревьями, вскоре возвращается с двумя большими, сантиметров по тридцать в длину, яуати. Та, что плоская снизу — самец; другая, с вогнутым щитком панциря — самка. За каждую на рынке в Нуэво-Рокафуэрте — гарнизонном поселении в нескольких километрах от границы с Перу — дадут по пять долларов. Большие деньги для здешних, удаленных от обжитых краев лесов.

Погрузив добычу в шигры поверх рыбы, мы трогаемся в обратный путь к дому, где нас ждёт заслуженный отдых, чича и традиционное вечернее купание в реке.

---

¹ Словом «йюра» на диалекте напо-кичуа обозначают любое дерево. Канело-кичуа произносят его как «руйя».

² Болото (исп.).

³ Хоакин, одолжи-ка мне (кичуа *Бобонаса*).

⁴ Ловушки (исп.).

Глава двенадцатая

Мореталь

*Ты знаешь нина амарун? Нет? Он
красный, как огонь. Там, где он
живет, деревья засыхают.
Сначала появляется болотце, потом
вода закипает, и все растения умирают.
А через некоторое время на этом
месте делается озеро. Так рождаются
лагуны в сельве. Не все, но некоторые.
Я сам знаю одну такую.*

Вблизи перуанской границы Напо, там, где она по правую руку принимает в себя Ясуни, широка и полноводна. Даже очень широка. Хотя человек, недавно приехавший в эти края, взглянув на реку, скажет, что не такая уж она и величественная. Метров триста-четыреста, не более. И будет добросовестно заблуждаться. Ибо то, что с первого взгляда можно принять за противоположный берег, в действительности — не что иное, как длинный остров, густо заросший грамалоте, пинду и зонтиками цекропий с бледными стволами и большими изумрудными листьями на концах тонких ветвей. Действительная же ширина Напо здесь в два раза больше.

Огромные острова, часто простершиеся на несколько километров в длину, расчлениют русло на многочисленные протоки-чиктас, ширина которых порой достигает полусотни, а то и более метров. Течение в них не намного слабее, чем в основном русле, и становится особенно заметным после дождей, когда вода поднимается и река несет ветви, стволы деревьев и грязно-желтые хлопья пены — немое свидетельство оползней и обвалов, случившихся в верховьях. Чтобы поверить, насколько стремительным может быть бег воды в равнинной реке, надо пройти на шестах вдоль берега против течения. Тогда не покажутся преувеличением слова монаха ордена Святого Доминика Гаспара де Карвахала — спутника капитана Франсиско де Орельяна, первого из европейцев,

прошедшего по Напо и открывшего Амазонку. В «Повествовании о новооткрытии достославной великой реки Амазонки» Карвахаль писал:

«...если мы даже захотели бы подняться назад по воде, это было бы уже невозможно из-за сильного течения, идти же сушей было немислимо».

Большое каноэ, управляемое неопытным гребцом, может попасть в скопление поваленных в реку деревьев и запутаться в их цепких безлистных кронах. Потребуется изрядное напряжение сил, крепкие шесты и снаровка, чтобы освободить долбленку из плена. Если же такое несчастье случится с маленьким, рассчитанным на одного человека каноэ-киля, борта которого едва-едва возвышаются над водой, то шансы потерять суденышко и провести неопределенное время на топляке увеличиваются многократно. И лучше гребцу быть трезвым, иначе и самому недолго отправиться на дно, а вернее, вниз по реке, где утопленника выловят уже на перуанской стороне.

Дождя не было несколько дней. Напо заметно обмелела, оголив обширные песчаные острова. Нагретый солнцем светло-серый песок струил горячее марево, причудливо искажавшее корявые силуэты топляка и ослепительно-белые столбики маленьких цапель, одиноко приткнувшихся на мысках. Длиннокрылые каракары — плайя цира медленно летали вдоль островов, высматривая рыбешек, крабов и моллюсков, оставленных рекой умирать на тверди, которая с каждым часом все ширилась и ширилась.

Население маленького поселка Нуэво-Рокафуэрте и индейцы — обитатели прибрежных свайных домов с раннего утра отправлялись с накидными сетями на отмели, где, бродя по щиколотку в воде, высматривали на дне сомиков-карачама и другую рыбу. То и дело можно было видеть мужскую или женскую фигурку, ходившую, казалось, прямо по речной глади метрах в двухстах от берега.

Эль-Хоакин на корме, я на носу — мы быстро гребли, наискось пересекая большой плес, а Ла-Мари с новорожденным сыном на руках примостилась в середине на стланих вместе с вещами. Мы направлялись на левый берег навестить старую бабушку жены Чичику, пополнить запасы платано и поохотиться. Там мы планирова-

ли провести день, ночь и еще день, после чего вернуться в Нуэво-Рокафуэрте.

Стараясь обходить стороной ремолинос — водовороты, то тут, то там возникавшие по сторонам от каноэ, вслушиваясь в шум перекатываемых по дну камней, мы без происшествий пересекли плес и вошли в чикту. Теперь можно было расслабиться, отдавшись на волю течения, и лишь время от времени подгрести однолопастным веслом, выправляя нос долбленки на середину протоки. Мимо, по крутым, но невысоким берегам, проплывали большие свайные дома — атун уаси, со столь характерными для построек напо-кичуа четырехскатными пальмовыми крышами¹. Временами на глаза попадались коровы. Они пасутся на островах большую часть года, за исключением нескольких месяцев — с апреля по конец июня, когда непрекращающиеся ливни влажного сезона поднимают уровень реки на несколько метров. Тогда даже на чакры приходится пробираться на лодке или по груди в воде, а скот заранее перегоняют на возвышенности.

Вот мы и на месте. Каноэ разворачивается против течения и после нескольких сильных гребков выскакивает носом на илистый берег, протискиваясь между пришвартованными лодками и большим плотом. Такие плоты-бальсас с возведенными на них шалашами еще полвека назад ходили вверх и вниз по Напо, перевозя грузы и пассажиров. Сегодня они все больше привязаны по берегам и превратились в место для стирки белья и купания.

Выгружаем скарб. Ла-Мари с ребенком поднимается в дом, который с воды едва заметен за высокими деревьями, а Чичику и я остаемся снаружи. Спустя несколько минут приглашают и нас. В доме живет одинокая старуха. Пока идет обмен новостями, нам дают вареные плоды мурити. Асуа не предлагают — ее нет. Признаюсь, я даже рад этому: не по вкусу мне чича, которую пьют на Напо. Местные индианки, в отличие от женщин с Бобонасы и Пастасы, добавляют в масату плоды камоте. Этим они добиваются быстрой ферментации закваски, почти отказавшись от утомительного пережевывания. Но камоте придает чиче горьковато-кислый привкус, который моему желудку не по душе. По этой же причине я не в восторге и от хаманчи, приготовляемой женщиной-ачуар.

Но нам некогда засиживаться. Время уже перевалило за три часа пополудни, и надо собираться на охоту. Чичику берет ружье, я большой топор с длинным топорщиком, мачете и шигру. Не успеваем выйти за чакры, как в чаще с истеричными криками взлетают две бурые уатараку и затаиваются в кронах. Одну индеец убивает сразу, а вторую подманивает, подражая голосу птиц. Добытых пав ощипываем тут же: позднее они окоченеют, и перья будут выдергиваться только вместе с кожей. Как и в других местах восточных лесов, на берегах Напо ценят, прежде всего, практичность, а не то, насколько эстетично выглядит добыча.

Кладем пав в шигру и шагаем дальше. Расчистки попадаются все реже и реже, пока не исчезают вовсе. Начинается лес. В нем настолько сыро, что тропа представляет собой вязкое грязное месиво. На отдельных участках она проложена по спиленным или упавшим стволам, ветвям деревьев и кочкам. Шаг в сторону — и нога чуть ли не по колено погружается в хлюпающую рыжую жижу, подернутую радужной пленкой. Повсюду из воды торчат пальмы-мурити. Старые огромные и совсем еще молодые, выкинувшие лишь несколько больших листьев-лап. Много невысоких, но уже мертвых деревьев, из которых сочится бурый студень, в который превратилась мягкая сердцевина.

Чичику оглядывает ближайшие пальмы. Он выбирает ту, в которой могли поселиться крупные, длиной с большой палец, и столь же жирные личинки пальмового долгоносика — куру. Несколько ударов мачете на высоте полутора метров от комля. Нет, упругая белая сердцевина под прочной «скорлупой» коры не пронизана ходами насекомых.

Отыскиваем другую пальму. Эта с виду еще живая, но если присмотреться внимательнее, можно заметить, что ладошки-листья на толстых длинных черешках поникли, а новые, пробивающиеся между ними, нездорово-вялые. Как раз в таких пальмах и живут куру. В погибших мурити их редко можно найти. Чтобы понять почему, достаточно сделать надруб, из которого по стволу тут же побегут грязно-бурые ручейки воды и начнут вываливаться куски желе. В таких условиях личинки просто захлебнулись бы.

Повалив ствол, начинаем разворачивать его при помощи топора и мачете. Вот и первая куру. Чичику случайно разрубил ее

пополам и теперь, критически осмотрев, засунул себе в рот. Чмокая, он высосал белое содержимое из жесткой шкурки. Вторая личинка попала мне под мачете, и на сей раз моя очередь есть ее.

Сырые куру почти безвкусны, поэтому я предпочитаю тушеных в листьях или поджаренных на пальмовом масле в сковороде. Тогда у них появляется сильный, хотя и очень специфический вкус: как-никак, насекомые поедают древесину мурити, которая сильно отдает чем-то средним между силосом и бражкой.

— За сколько они вырастают? — спрашиваю я Чичику, с остервенением размахивающего топором.

— За месяц.

— Да быть того не может, — я искренне поражен. В высокой монтанье, на Бобонасе, Флавио уверял меня, что туку — так их там называют — становятся большими за три месяца. А тут за месяц...

— Правда, за месяц. Иногда даже за три недели. Если луна большая, то они растут быстрее. Но обычно все же месяц нужен.

— А откуда ты знаешь?

— Рублю пальму, а через месяц прихожу и собираю куру.

Действительно, глупый вопрос. Я мог бы и сам догадаться. Ведь не раз и не два прежде натыкался в лесу на специально поваленные стволы пальм — мурити и чунды. Порой с них можно собрать до десятка долгоносиков, которые прилетают на запах поврежденной древесины. А иногда на одном стволе находят до тридцати восьми жуков, как случилось однажды в общине Пакаяку на Бобонасе. Их тоже едят, насаживая сзади на палочку и поджаривая с солью на костре. Это лакомство для маленьких детей.

Что ж, возможно, в стволах мурити личинки развиваются быстрее, чем в чундах на Верхней Бобонасе, где мореталей почти нет. Кто знает.

Кроме куру, в пальмовой древесине живут личинки другого жука-долгоносика — уилим куру. Эти не такие крупные, но их тоже употребляют в пищу, хотя далеко не каждый желудок способен переварить это блюдо.

Индейцам, в частности с Бобонасы, известны еще несколько разновидностей съедобных личинок. Но с ними приходится быть очень осторожным: есть внешне схожие со съедобными, но весьма ядовитые виды.

Разворошив еще несколько пальм, часа за полтора набираем более полусотни куру. У каждой найденной личинки прокусываем головы, иначе они будут расплзаться с широкого листа, на который мы их складываем. Этот прием хорошо известен по всему Оренти: его используют и кичуа, и шуар, и ачуар.

Некоторые из найденных нами куру мертвые, а внутри них копошатся маленькие белые червячки — личинки наездников.

— Это как чума для куру, — комментирует Чичику. — Зараженных куру мы выбрасываем. Взрослых же жуков, которые иногда попадают, напротив, складываем в общую кучу, предварительно оторвав у них все лапки. Туда же кладем и куколки, вынутые из больших плотных волокнистых коконов, словно из футляров. Они встречаются в нижней части стволов, в комле, тогда как сами личинки живут выше.

Вечерет. Жаркий, насыщенный испарениями воздух густеет и окрашивается в тусклый янтарно-желтый цвет. Косые лучи солнца пробивают полумрак мореталя, пальмы отбрасывают густые тени на неподвижную гладь застоявшейся воды. Птицы молчат, и только тити громогласно поет на весь лес где-то высоко над головой: «ху-хуу, ху-хуу». Ничто не шелохнется. Лишь огромные металлически-зеленые златки — сусу мама с громким гулом проносятся сквозь застывший мир зачарованного леса. В такие минуты кажется, что реальность становится сказкой.

Нам пора возвращаться на тропу. Скоро наступит ночь, но еще есть время передохнуть, прежде чем отправляться на поиски брононосцев, гуант и ночных обезьян.

Смеркается быстро, и откуда-то появляются комары. Чем сильнее сгущается мрак, тем больше их становится. Маленькие бурые и покрупнее, с пегими черно-белыми лапками. Удивительное дело: в лесах по берегам Напо и притоков есть места, где санкудос кишмя кишат, а отплыви или отойди на несколько километров в сторону — и их почти не найти.

Включаем фонарики и не торопясь, дабы не шуметь, идем в сторону, противоположную реке. Лучи света прыгают в подлеске, карабкаются по стволам и шарят в ветвях над головой. Но даже с фонарем у земли ничего не видно дальше шести-семи шагов. Неподалеку свистит юту, но при нашем приближении замолкает.

Вдруг... треск, шум, шорох сухих листьев под лапами убегающего прочь зверя. Два луча мечутся по подлеску, но тщетно.

— Чута, ну и напугал же он меня! — нервно хихикая, говорит оторопевший Чичику. Он идет впереди, и ему досталось больше, чем мне.

— Успел разглядеть, кто это был? — спрашиваю индейца.

— Качикамбу, кажется. Прямо из-под ног выскочил.

Я предлагаю посмотреть следы. Действительно, броненосец. Наверное, перепугался не меньше нашего. Удрал так шустро, что теперь его без собаки ни за что не найти.

Идем дальше, и очень скоро в кроне одного из деревьев, метрах в пятнадцати от земли, фонарик выхватывает два немигающих глаза, светящихся ярким желтовато-белым светом. Тута кушилю. Целясь вдоль луча, Эль-Хоакин стреляет. Напрасно мы ждем звука падающего тела. Два колдовских глаза все на том же месте. Еще один выстрел с тем же результатом. Чичику в замешательстве: промахнуться с такого расстояния по неподвижной цели почти невозможно, значит, «ночная обезьяна» должна быть уже мертва. Но она не падает. Я предлагаю индейцу залезть на дерево и снять зверька, но он категорически против. Чичику, который днем карабкается по стволам почти как обезьяна, в темноте наотрез отказывается даже рассматривать этот вариант. Вот до чего силен страх перед змеями.

Делать нечего. Я стягиваю сапоги и прикидываю, как добраться до нижних ветвей по совершенно гладкому стволу, увитому тонкими лианами. Мне не хуже индейца известно, что змей чаще встречаешь в лесу по ночам и как раз на деревьях. Но встречи эти редки, и шанс наткнуться на ядовитую и тем более быть ею укушенным весьма невелик. Обычно попадаются стройные, не толще карандаша, и безобидные синда мачакуи, окрашенные в бурый или зеленый цвет. Единственное неприятное воспоминание о встрече с этой змейкой — стойкий тошнотворный запах, остающийся на руках, если схватить ее, чтобы получше разглядеть.

Но лезть на дерево в тот раз мне так и не пришлось. Шорох над головой и глухой удар о землю раздались, едва я ухватился за ствол.

Зверек еще жив. Его ощерившаяся пасть открывает оскал острых зубов, а в черных глазах горит огонек ненависти и обреченности. Ни один из нас не любит такие моменты, хотя и скрывает это под маской равнодушия. Эль-Хоакин протягивает мачете.

— Добей...

Назад возвращаемся тем же путем, что и пришли. Воодушевленные добычей, жадно шарим фонарями по земле и деревьям в надежде найти еще «мяса». Но никого нет. И лишь в рваные просветы черных крон проглядывает небо, усеянное крупными немигающими звездами, а стрелки часов ползут к полуночи. Луны не будет — новолуние только завтра. Издали замечаем крошечный огонек коптилки, неверно пробивающийся сквозь щели в бамбуковых стенах дома. Выгружаем добычу, пьем воду с отжатым в нее лимонным соком, умываемся с плота на реке. Хочется спать. И есть.

...Отварная юка, вареные или печеные платано, рыба, сначала копченая — чтобы не испортилась, а потом она же на протяжении трех-четырех дней в ухе. В один прекрасный момент невольно вспоминаешь сытый мирок если уж не городов, то маленьких высокогорных деревушек. Вспоминаются привычный картофель-папа, наваристый суп, обжаренные на раскаленной сковороде, изрядно подсоленные зерна маиса — тостадо; горячие комковатые булки из кукурузной муки, испеченные на листе железа в большой куполообразной печи; приготовленные на вертеле, исходящие жиром и тающие во рту морские свинки-куи. Горцы, если это не совсем безденежные и безземельные пеоны, имеют замечательную привычку питаться три раза в день, а на полдник неторопливо хлебать ложкой горячий кофе, заедая его твердым, нарезанным ломтиками творогом.

Прохладный воздух высокогорий кажется чудом. И бесконечные вечера, когда все жмутся к горящему очагу — одно из лучших моих воспоминаний. Они наполнены рассказами о том, как леон — пума задрал черного, лопухого поросенка. Как на параме случайно встретились с медведем-осо и как тот, встав на дыбы, ревел и пугал незваных гостей. Как огромные кондоры, сбившись в стаи, весной спускаются с вершин. В такие вечера не обходится и без историй о призраках, черных и белых радугах-куичи,

что иногда возникают над высокогорными лугами, о женщинах-сиренах, живущих в холодных лагунах, и о маленьком духе Альку Супаи — хозяине горных ущелий.

И без следа выпадают из памяти нетеплые дожди, морозящие дни напролет. Глаза, вечно слезящиеся от дыма, наполняющего маленькие, отапливаемые «по-черному», вросшие в землю темные глинобитные домики. Стылая вода быстрых горных речек, после которой никак не отогреться у костра. Убийственно холодные ночи на земляном полу с подстеленным под спину потником и подложенным под голову жестким кожаным седлом... Зарываясь глубже в спальный мешок, укрываясь с головой толстыми шерстяными пледами, с какой теплотой я вспоминал тогда о жарких низинах Востока! А сейчас в сердце снова начинает закрадываться ностальгия по горным долинам.

Верно, настало время подумать о возвращении на Запад.

---

¹ Кичуа, живущие по берегам Напо, сами себя делят на три группы ума рунас, живущие в верхнем течении реки от истоков до устья Коки, собственно напу рунас, поселившиеся от Коки до перуанской границы, и урнай рунас, то есть «люди с нижней реки»

Глава тринадцатая

Иная сельва

Та Сача Уарми была очень красивая, с длинными белыми волосами. Она сказала мне: «Теперь ты будешь жить долго. Но если не станешь осторожным, то очень скоро умрешь»

День выдался тяжелым, но, о счастье, теперь он был позади. Я лежал в носовой части большого двадцатиметрового баркаса на ящиках с курами, которые тревожным кудахтаньем выражали свое негодование. В воздухе витали пары бензина, в неравных пропорциях смешавшиеся с ароматами свежего свиного и куриного помета, спиртового перегара и дымом дешевой марихуаны.

За день тяжелая неповоротливая посуда не прошла и половины пути, которое быстроходное каноэ с мотором преодолевает за четыре часа. Теперь, наслаждаясь спокойствием, я тем не менее был бесконечно рад, что выбрался из той приграничной глуши, в которой обстоятельства вынудили меня провести четверо суток после выхода из леса.

В течение дня капитан-моторист и его помощник Хосе — вся команда баркаса, курсировавшего вверх-вниз по Напо между Нуэво-Рокафуэрте и Кокой и перевозившего топливо и различные грузы для прибрежных селений и армейских гарнизонов, через каждые полчаса причаливали к берегу. Мы то брали или высаживали какого-нибудь пассажира, то отливали всем страждущим бензин из огромной цистерны. Не даром, конечно, а в обмен на птицу и свиней, сахарный тростник и ананасы. Все это время Хосе беспрестанно распивал чичу и самогон с каждым вновь поднявшимся на борт, не забывая давать указания капитану-мотористу относительно сложного фарватера реки. К вечеру он так утомил-

ся, что вдруг осел на стлани неподалеку от черного лопухого поросенка со связанными лапами и безмятежно засопел под его повизгивание.

К моменту, когда огромный пятнистый диск луны показался из-за черной полосы леса по правому борту и на воду легла светящаяся серебром дорожка, на борту оставалось четверо: команда, я и паренек-метис лет двадцати отроду, направлявшийся к побережью. За десять часов плавания атмосфера на баркасе стала более чем непринужденной. Обычные разговоры, изначально касавшиеся цен на скот и товары, а также дешевых — по пять долларов — проституток из кабаре¹ в Типутини, постепенно перешли в откровения, как выгодно возить контрабандой кокаин с Востока на Запад и что участие в колумбийских партизанских отрядах или отрядах «самообороны» парамилитарес в высшей степени выгодное времяпрепровождение. Самой животрепещущей темой, однако, была давно назревшая необходимость новой победоносной войны с Перу, которое более полувека назад оккупировало львиную долю эквадорской Амазонии. Страсти кипели. Стоит ли удивляться тому, что два или три раза всем нам приходилось окунаться в воду: остужать пыл и совместными усилиями стягивать баркас с очередной незамеченной песчаной отмели. Перспектива ночевать посреди реки не вдохновляла даже старых речных волков, чей возраст сообщал давно перевалил за сто лет.

Причалили. Луна неспешно ползла по небосводу, окруженная светящимся кольцом гало. Воды Напо с легким плеском бились о борт. Где-то заунывно стонала филюку, а на песчаных пляжах противоположного берега одиноко мерцали далекие огоньки костров: сезон сбора черепаших яиц был в самом разгаре.

Капитан, растянув москитный полог, безмятежно спал на корме в импровизированной рубке. Его помощник, протрезвевший к ночи, в компании паренька-контрабандиста снова пил на берегу в доме кого-то из родственников. Идиллию нарушали лишь несколько комаров, нудно звеневших над ухом. Воспоминания о последнем приступе малярии были еще свежи в моей памяти, а потому я немилосердно давил докучливых насекомых, хлопая себя то по щеке, то по лбу, то по спине.

В такие минуты, когда все думано-передумано, а будущее представляется неопределенным, приятно вспомнить прошлое: встречи в лесах, разговоры с охотниками и знахарями...

Вот я, голый по пояс, сижу напротив Анхеля. Слушаю холодный шелест листьев уайра панга. Ощущаю едкий табачный дым, которым старик, резко выдыхая через рот, время от времени обдает мое тело. Я пришел к нему после болезни, и старый знахарь из Льянчама, не задавая ненужных вопросов, решил «почистить» меня. Пот стекает ручейками по шее, спине и груди.

— Подставь ладони, — говорит он и наливает на них пряную настойку. — Натри все тело. Лучше, лучше натирай. Еще, еще.

Озноб уходит и сменяется приятной теплотой. Из заранее приготовленной бутылки Анхель наливает полстакана мутной, рыжей айягуаски, дотрагивается им до моего лба.

— Упьяй...²

Потом мы сидим напротив друг друга и разговариваем. Долго. В тот вечер Анхель еще два раза заставляет меня выпить по полстакана. Он первым заводит разговор. Сначала о кичуа с Бобонасы, которую он девять лет назад прошел на каноэ от Канелоса до самого устья, о монте, о животных, об охоте. О жизни. О супаи.

Признаюсь, я удивлен. Мы познакомились около года назад, и в предыдущие наши встречи Анхель не то чтобы был неразговорчив, но и лишнего не рассказывал. Сегодня же он сам начал говорить. Говорит много. Лишь иногда прерывается и, заглядывая в глаза, спрашивает: «Эс буэна ла комберсасьон? Альби?»³ Или же, ожидая вопроса, заканчивает фразу словами: «Аси эс, Андрес, эсо»⁴.

— ...Вот говорят, что есть Яку Супаи Руна, и живет он в реке. Это неправда. Как он может жить под водой? Под водой могут жить и дышать только рыбы. Яку Руна живет внизу. У него там ход есть, дыра. Через нее он выходит в этот мир, а потом возвращается к себе. И яку пума тоже. Ты слышал о черной яку пуме? И Яку Супаи Уарми. Все они в воде не живут. И те, другие, в лесу тоже не живут. Говорят, Сача Руна в монте живет. Он тоже оттуда, из Уку Пача. Все супаи из Уку Пача.

— Все анимасу из Уку Пача?

— Все до единого. Это их мир. Ты знаешь Уку Пача, нет? Уку Пача, Кай Пача, Ауа Пача... слышал, наверное? Уку Пача — ниж-

ний мир, мир супаи. Кай Пача — этот мир, наш мир. Ауа Пача — там, наверху. Я много пил уанду и спускался в Уку Пача.

— Дон Анхель, расскажи об Уку Пача.

— Уку Пача похож на этот мир. Только солнца там нет, ни луны, ни звезд. Небо все в разных цветах. И времени там тоже нет. Супаи живут как люди. Они такие же, как и мы. У них много красивых вещей... Музыка... Очень красиво. Только дома у них все вроде как из земли и без окон. Потому что там совсем нет деревьев. И кустов нет. Только листья растут. Из них супаи всю еду себе готовят. С виду она обычная, а вкуса совсем нет: что траву жуешь. Наверное, поэтому они мало едят. Потому-то у них и дырка в заднице маленькая, как у лорито или цыпленка. Если взрослый человек надолго останется в Уку Пача, то будет худеть и может умереть от голода.

Качикамбу у них вместо тракторов, ходы роют, а землю назад лапами выбрасывают. Все животные, какие в монте есть, у них как у нас собаки или куры.

Эти супаи очень много знают, потому что куда хотят, туда и ходят. Им это легко дается. Они же фантазмас — призраки. Аси эс, Андрес.

— Тебе нравится Уку Пача?

— Там много хороших вещей, — Анхель на мгновение задумывается. — Но тут мне нравится больше. Я хоть наестся могу здесь. А в Уку Пача даже сигарета без запаха. Супаи не переносят табака. Вот почему когда хотят прогнать анимасу, всегда табак курят.

— А сача уармис? Они тоже из Уку Пача?

— Я же говорю тебе, все супаи оттуда. Этих встречают в лесу, оттого и зовут лесными женщинами.

— Каких супаи ты знаешь?

— Много. Их очень много, как и людей. Я знаю Сача Руна. Их два есть: хороший и плохой. Хороший всему учит и помогает, а плохой вредит и старается убить тебя. Оба внешне как человек. Совсем одинаковые. Только когда пьешь уанду, можешь легко различать их. Уанду Курака покажет, кто из них кто.

Бывает, в монте человеку становится нечем дышать, а грудь сдавит так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Это плохой Сача Руна

руками на грудь тебе давит. Так-то ты его не увидишь, только с уанду. Или может тебя деревом ударить или суком, если не будешь осторожным. Это по-настоящему.

Кто еще из плохих? Чульячаки... Галюн Супаи. Этот как небольшая черная собачка с длинным хвостом. Ингару... Яна пума это тоже супаи. Учукулина. Есть еще один дьябло. Он весь черный — «пуро негрито» и выглядит как самый настоящий черт с рогами и хвостом. Этот тоже подстраивает разные ловушки для человека в монте или когда он работает. Вот почему если пьешь уанду и впервые встречаешь Сача Уарми, она предупреждает, что теперь ты сможешь прожить очень долго, но должен все время быть остороже. Иначе супаи убьют тебя, как только потеряешь бдительность. Эс буэна ла комберсасьон, Андрес? Альи?

— Альими, япа альими⁵.

Я вспоминаю, как однажды на Пакаяку — Патрисия рассказывала — муж с женой отправились на пурину. Они уже почти пришли, когда женщина увидела «словно источник из листьев», густые зеленые заросли травы неподалеку от их тамбу. Она сказала мужу, чтобы он шел дальше, а сама решила взглянуть, что же это так пышно разрослось на ее пурине. Прошло какое-то время, а женщины все не было. Муж позвал раз, два. Никто не откликнулся. Тогда он забеспокоился, пошел за женой. И увидел, что она уходит прямо в лес, не оборачивается и не обращает ни на что внимания. Он побежал за женщиной, а та бросилась от него наутек. Да так быстро, что взрослый сильный человек не мог сразу догнать ее. Наконец, когда муж схватил жену, она стала кусаться и царапаться, изодрала ему кожу на теле и на лице. С огромным трудом он связал ее и вернулся домой. Там люди сказали, что Сача Руна хочет забрать его жену. Взяли ахи и стали натирать женщину перцем, засовывать его в нос, в рот, в глаза. Она кричала, разговаривала с кем-то, вырывалась. Так продолжалось дня два или три, а потом женщина успокоилась и пришла в себя. С тех пор она до самой смерти оставалась нормальной. Только вот в глаза людям прямо уже никогда не глядела. Так всегда бывает с теми, кого забирала супаи. У нее родились несколько сыновей. Они, как и мать, тоже никогда не смотрели в лицо людям, а в остальном вели себя обычно: шутили, работали. Были нормальными, одним словом.

Говорят, что когда женщина состарилась и умерла, то превратилась в пуму. Ее, так всегда делают, похоронили в земле. Но через три дня она выбралась из могилы и была уже как атун пума или как пука пума.

У одного из сыновей той женщины была дочь. И вот как-то раз женщина-пума явилась во сне своей внучке. Та испугалась сильно, но женщина-пума ее успокоила. Сказала, что она ее бабушка, что не надо бояться и что она всегда будет охранять свою внучку. И правда, та девушка не боялась ходить в одиночку даже в дальнее монте. А ведь обычно женщинам страшно уходить далеко в лес без мужей, боятся, что Сача Руна или Яку Руна заберет их.

— Расскажи еще о сача уармис, — прошу Анхеля.

— Аха-ха... Андрес. Все ты хочешь знать о сача уармис, — смеется старик. — Тебе надо пить уанду, тогда со всеми и познакомишься. Они все разные, но одинаково красивые и хорошие. Наши женщины их не любят. Говорят, что они дьяволицы. Но это из ревности. Ты вот лучше его спроси, — Анхель кивает на молодого индейца лет восемнадцати, своего сына, который все это время молча, с ничего не выражающим лицом, сидит по правую руку от меня. — Его уводила Сача Уарми. Лет шесть тогда было. Мы две недели его в монте искали. Я уанду пил, только после этого нашел.

Парень явно не расположен рассказывать о том случае, о чем я и говорю Анхелю.

— Да, он не хочет, — усмехается знахарь. — Сача уармис встречают охотника в лесу. Когда пьешь уанду, то впервые знакомишься с ними. Потом уже, идя в лес даже без уанду, встречаешь их часто. Они всегда поблизости. Чувствуешь, что есть кто-то рядом. Смотришь, — ящерица бежит за тобой. Потом вдруг — раз! — сделалась женщиной. Сача уармис все равно, что комары: всегда рядом с тобой.

Что у них ни спросишь, обо всем тут же расскажут, даже не задумываются. Словно книгу читают. С этими женщинами мужчины часто занимаются любовью.

— Люди с Бобонасы говорят, что сача уармис похищают детей, — и я пересказываю Анхелю историю, приключившуюся с одним охотником на Пакаяку и которую я, как и предыдущую, узнал от Патрисии:

Как-то мужчина отправился в монте по делам и захватил с собой двух своих сыновей. Старшему было лет девять, а младшему шесть. Ему понадобилось отлучиться, и он сказал детям, чтобы они оставались на месте и никуда не уходили. Когда человек вернулся, а времени прошло часа два, то никого не застал. Он долго искал сыновей, но никого не сумел найти. Даже следов не было. Тогда охотник вернулся домой ипил уанду. Когда он «был с уанду», к нему пришли сача уармис. Они сказали, что увели его детей с собой и что те в их мире стали вроде как «принцами». В замен супаи пообещали человеку, что тот будет сильным знахарем. Так и случилось: человек стал йячах и умел лечить многие болезни...

— Бывает, что они уводят маленьких детей в сельву, а потом в свой мир, чтобы иметь их у себя, — соглашается Анхель. — Ничего плохого им не делают. Дети там занимаются тем же, что и здесь, играют. Только вырастают они дьяволятами, потому что живут среди супаи. Раньше, когда были по Напо большие асьенды... Урвинас, Боркес и другие, патроны заставляли своих людей собирать каучук в монте. Собирали все: и мужчины, и женщины. В домах только маленькие дети оставались. Вот в те времена пропадало очень много детей. Пока родителей не было, супаи приходили к детям, а те думали, что это мать или отец вернулись. Они забирали уамбрас с собой и уводили в монте. Аси эс, Андрес, эсо.

— А ведь иногда бывает, что и взрослые мужчины пропадают.

— Бывает... Совсем недавно одного уамбра супаи увели. Говорят, лет семнадцать или восемнадцать ему было. Не здесь, а выше по Ясуни. Возле Атункоча. Ушел по кебраде ловить рыбу и не вернулся. Ходили, искали, но даже следов не видели. Потом только, через неделю, позвали йячах. Тот пил уанду, сказал, что сача уармис его в Уку Пача увели. Уже совсем.

— Мне рассказывали, что знахарь может человека из Уку Пача вытащить. Почему же в этот раз не вернул?

— Ай, Андрес... Вот ты говоришь, почему не вытащил? Один йячах никак не сможет. Даже сильный не сможет. Надо звать нескольких знахарей. Они вместе будут пить уанду и спускаться в Уку Пача, тогда только смогут вернуть человека. Чуу-у-та мана, Андрес⁶. Это очень сложно. Если человека супаи увели, то его можно вытащить, если времени совсем чуть-чуть прошло. День или

два. И то, когда тело цело. Если тело мертвое, тогда не вытащишь человека. А того юношу сначала сами неделю искали, только потом к знахарю пошли. Аси эс, Андрес, эсо...

— Скажи, а кто такие Айя. У кого ни спрошу, никто толком объяснить не может, — прошу старика.

— Айя это то же самое, что и супаи. Кто-то говорит, что это душа человека. Вот рассказывают, что когда человек умирает, он идет на небо. Вдруг. Все остаются в этом мире. Когда я пью уанду, то иной раз разговариваю со своим дедом вот как сейчас с тобой. Я сижу тут, а он напротив. И разговариваем. А ведь он умер десять... нет, одиннадцать лет назад. С уанду видишь всех, кто умер, а так нет.

— Послушай, дон Анхель. А почему ты стал йячах?

— У меня отец и братья болели сильно. Потому и стал. Сначала я пил айягуаску. Каждый день пил. Надо очень много пить, чтобы видеть. Поначалу раз пять, а лучше двадцать. Я пил целый месяц айягуаску каждый вечер. После айягуаски надо пить табак. Много, очень много. По целой большой пильчи. После приучаешь себя к ахи. Натираешь все тело, лицо, рот, нос — уййй! Потом надо плавать целую ночь в реке. Я плавал, выходил на берег, шагов на двести в лес уходил, возвращался, а потом опять плавал. И так до рассвета. Потом надо искать место, где чини — крапива густо растет, и голым заходить в заросли. Вот когда все это выдержишь, тогда сможешь лечить.

— Когда же ты стал пить уанду?

— А почти сразу, когда пил айягуаску. Я ее сначала каждый вечер пил, а потом только по воскресеньям. Тогда же и уанду пил. Первый раз, когда я пил, то голый бегал к реке и плавал в ней, нырял. Я зубами карачама поймал. Потом, в другой раз, пил уанду и пошел в лес. Только отошел чуть, вдруг вижу — девушка очень красивая передо мной. Я сразу понял, что это Сача Уарми. Она мне сказала тогда, что я проживу теперь долго, если буду осторожным. А если нет, то супаи убьют меня очень скоро. Это правда, Андрес. Когда ты пьешь уанду, то узнаешь о супаи, а они узнают о тебе. Поэтому надо быть внимательным. Иначе умрешь.

Некоторое время мы сидим молча. Знахарей в лесах на Востоке немало. В каждой общине кичуа есть один, а то и несколько

йячах. По большому счету, многие индейцы, даже не будучи знахарями, «кое-что умеют», особенно пожилые и старики. Очень показательно, что шарлатанство на почве знахарства не находит популярности в лесах. Хотя и нельзя сказать, что оно полностью отсутствует. Виной тому — смягчение нравов. Тем не менее риск, свойственный положению знахаря, удерживает проходимцев от той кипучей деятельности, какую они развернули в городах. А риск действительно существует. Один мой знакомый индеец, напу-руна, поведал, что если знахаря подозревают в убийстве человека, совершенном характерными, очень специфическими методами, и эти подозрения подтверждают еще несколько йячах, то виновного обливают бензином и заживо сжигают. По слухам, у шуар на юго-востоке имеют место быть еще более жесткие правила. Например, если увишин — так называют знахарей шуар — взялся лечить больного и тот умер, то родственники покойного обязаны убить лекаря. Это же во многом справедливо и для ачуар. Впрочем, с появлением коров в лесах Транскутуку конфликты на почве кровной мести могут быть улажены с помощью восьми или десяти голов скота, которые передаются родственникам умершего или убитого. В противном случае не избежать войны между семьями.

— Дига, Андрес, — нарушает затянувшееся молчание Анхель.

— Зачем знахари превращаются в пум?

— Просто превращаются. Чтобы легче было ходить в монте, чтобы охотиться. Бывает, что йячах возвращается домой весь в крови убитого животного.

— А человек по-настоящему становится пумой или только так кажется? — этот вопрос долго не давал мне покоя. Однако спрашивать, действительно ли его старый отец умеет превращаться в ягуара, такие слухи доходили до меня, я не решаюсь.

— Правда становится пумой. Тело у него пумы, только думает как человек. Вот что рассказывают. Однажды маленькие дети играли под деревом, а неподалеку, в стороне, сидел старик. Один из мальчиков забрался на дерево и крикнул: «Теперь я пума!» Но старик сказал: «Нет, ты не пума. Я — пума!» И в тот же миг на месте, где он сидел, оказалась большая пума. Она одним прыжков вскочила на нижний сук, задержалась на мгновение и удрала в лес. Спустя какое-то время старик вернулся и снова выглядел как человек.

Уже поздно, и Анхель лениво потирает руками голени, давая понять, что время расходиться. И все же я задаю еще вопрос:

— Дон Анхель, а правду говорят, что раньше йячах были сильнее?

— Да, так говорят. Когда-то знахари могли легко спускаться в Уку Пача. Там брали себе в жены женщин. Жили с ними, многому учились. Те, которые после возвращались сюда, в этот мир, становились очень сильными, умели много. Потом стало все труднее спускаться в Уку Пача. Кто уходил, уже редко возвращался. А те, которые жили в Кай Пача, не были сильными. Сегодня нет очень сильных йячах. Таких, как в прежние времена, уже нет...

Давно затихли стоны филиюку. Круглый лик луны все также неторопливо полз по выцветшему небосклону в компании лишь самых ярких звезд. Вода плескала и била о железный борт старого баркаса, и летучие мыши теньями пронеслись в залитом колдовским светом полуночном небе. На пляжах мерцали костры, а у западного горизонта полыхали кровавые зарницы, на мгновение очерчивая громады клубившихся грозных туч.

Я возвращался домой...

---

¹ Бордель (*исп*)

² Пей (*кичуа*)

³ Хорошая беседа? Хорошая? (*исп*, *кичуа*)

⁴ Так вот, Андрес, обстоят дела (*исп*)

⁵ Хорошая, очень хорошая (*кичуа*)

⁶ Да что уж там, Андрес (*кичуа* *Орьенте*, *разг*)

Комментарии автора

А

Айягуаска (яхе). Лиана *Banisteriopsis saari*.

Айяпимбилиту (марипуса). Бабочка морфо *Morpho didius*.

Аканга (какатао). Средних размеров хищная птица *Ibyster americanus*.

Альгудун руйя. Хлопчатник *Gossipium barbadense*, хлопок которого используют для изготовления обтюраторов дросников-вирути и в ряде обрядов паху.

Амарун (яку амарун, боа). Анаконда *Eunectes murinus*. Другое имя — яку мама, лесные кичуа используют применительно к этой змее в тех случаях, когда вместе с анакондой в озере или реке появляется много рыбы. Индейцы полагают, что тогда это уже не просто змея, а «хозяйка вод», «мама рыбы».

Амбурусиа. Большая из двух аталья пум, маргай *Leopardus wiedii*.

Американский лапчатогог. Маленькая, скромно окрашенная околотоводная птица *Heliornis fulica*.

Апангура пума (апангура). Енот-крабод *Procyon cancrivorus*.

Апапа. Средних размеров сова *Pulsatrix perspicillata*, чей громкий голос: «ап-ап-ап-ап-ап...» часто слышен в лесах восточных предгорий Анд.

Ардилья (уайуаши). Белки. В восточных лесах встречаются два вида: рыжая — пука уайуаши, или ардилья *Sciurus igniventris*, и черная — яна уайуаши, или тутульянща *Microsciurus flaviventer*.

Аталья пума (пишку пума). Собирательное название для двух маленьких лесных кошек: маргая *Leopardus wiedii* и онциллы *Leopardus tigrinus*.

Атун мангу. Крупный кассик *Psarocolius decumanus*, окрашенный в кофейно-бурый цвет с желтыми перьями хвоста. Гнездится колониями, подвешивая большие гнезда-чулки к ветвям высоких деревьев, обычно сейбы. Индейцы со среднего течения Напо употребляют атун мангу в пишу, тогда как канело-кичуа — нет.

Атун мундити анга. Длиннохвостая гарпия *Morphnus guianensis*. Вторая по величине, после гарпии, настоящая хищная птица на Востоке. Вскоду редка.

Атун пума (утурунгу). Ягуар *Panthera onca*.

Атун сикунга (пинца). Большой тукан *Ramphastos couvieri*. Следует отличать от схожего по окраске, но более мелкого вида — *Ramphastos vitellinus*, который канело-кичуа называют яутири или яу сикунга.

Атун чичику. Обезьяна-сагуин *Saguinus tripartitus*. Одна из самых красиво окрашенных обезьян в восточных лесах. Объект охоты.

Атун чудиали анга (макисапа уамани). Хохлатая гарпия *Harporhynchus harporhynchus*. Самая крупная хищная птица в восточных лесах Эквадора. Повсюду встречается очень редко.

Атун ютсу. Растение *Pithecellobium* sp., растущее по каменистым руслам рек предгорий.

Ачиоте (мандуру). Кустарник *Vixa orellana*, выращиваемый индейцами ради красной краски, извлекаемой из семян.

Б

Бальса. Дерево *Ochroma lagopus* и схожие виды, каждый из которых имеет собственное название на кичуа.

Барбаску. Лиана *Lonchocarpus piscou*. Слово «барбаску» также используется для обозначения еще нескольких видов лиан, чей сок применяется лесными индейцами для отравления рыбы.

Белопоясная ласточка. Маленькая ласточка *Atticora fasciata*, обычно держащаяся у воды.

Бокачико. Небольшая пресноводная рыба *Prochilodus nigricans*.

Бромелии. Многочисленные растения семейства *Bromeliaceae*.

Бутью (буфео). Пресноводный дельфин *Inia geoffrensis*.

Бульюкики (пикалон, нанги, гайси, барбудо). Сомики рода *Pimelodus*.

Бульюкуку. Совка *Otus choliba*. Одна из самых обычных птиц в восточной части Эквадора и в горных лесах.

Бьюра тутапишку. Гигантский лжевампира *Vampyrus spectrum*.

В

Вариса. Беличья обезьянка-саймири *Saimiri sciureus*.

Венадо. Собирательное испанское название для нескольких видов американских оленей, обитающих в лесах Восточного Эквадора.

Вирди марипуса. Одна из самых обычных и ярко окрашенных эквадорских бабочек *Urania leilus*.

Г

Гато-де-монте. Пампаская кошка *Oncifelis colocolo*.

Гинья (орито). Банан *Musa acuminata*.

Гуайюса. Плех *guausa*. Отвар из свежих или высушенных листьев этого растения обладает сильным тонизирующим действием.

Д

Дзигару. Собирательное название для стрекоз, относящихся к подотряду Anisoptera.

Дзулюю (дзингара). Собирательное название для крупных певчих цикад семейства Cicadidae. Индейцы предсказывают погоду, исходя из того, как громко поют насекомые: перед ненастьем их почти не слышно, а перед улучшением погоды, даже в дождь, их голоса особенно громки.

Дзуру пума (чуру пума). Хорь *Mustela africana*.

И

Инди анга. Небольшая хищная птица *Micrastur ruficollis*. Одна из самых заметных в восточных лесах Эквадора.

Индиляма. Трехпалый ленивец *Bradipus variegatus*. Объект охоты лесных индейцев.

Инчи (мани). Земляной орех, или арахис *Arachis hipogaea*.

Инчи пума. Оцелот *Leopardus pardalis*.

Ишпингу (канела). Коричные деревья *Cinnamon* sp.

К

Кабалью каспи (чульячаки каспи). Растение *Tovomita* sp.

Какао. Дерево *Theobroma cacao*.

Кали-кали (лорито). Попугай *Aratinga leucophthalmus*, один из самых крикливых и заметных видов. Часто держится стайками по десять-двадцать птиц.

Камоте. Культурное растение *Ipomea batatas*.

Камангой (камукуй). Рогатая паламедия *Anhima cornuta*.

Карачама (шигли). Сомик *Piaractus brachipomus* и схожие виды.

Качикамбу (армадильо). Девятипоясный броненосец *Dasypus novemcinctus*. Один из основных видов животных, на который охотятся ради мяса.

Килико. Маленький сокол *Falco sparverius*. Родственник обыкновенной пустельги *Falco tinnunculus*, обитающей в Европе. Походит на нее не только окраской, но и манерой охотиться: высматривая грызунов, так же зависает в воздухе против ветра, часто трепеща крыльями.

Киля. Белое какао *Theobroma bicolor*.

Кинди (пикафлор). Собирательное название для различных видов колибри, семейство Trochilidae.

Корбина. Рыбы *Plagioscion auratus* или *P. squamosissimum*.

Крус каспи. Дерево *Brownea* sp., используется в медицине.

Куа. Съедобные древесные амфибии из семейства Nylidae длиной около десяти сантиметров; обладатели громкого голоса.

Куан (платанильо). Дикий банан *Heliconia* sp.

Куи. Морские свинки-кавии *Cavia porcellus*, разводимые индейцами в горах в качестве домашних животных. Мясо употребляется в пищу.

Куилин. Тукан *Pteroglossus pluricinctus*.

Кумицин (комихин). Термиты *Termes* sp.

Кундур (кондор). Королевский гриф *Sarcoramphus papa*.

Кунью. Маленький кролик *Sylvilagus brasiliensis*. В одних местах Орiente индейцы употребляют его в пищу. В других, например, в среднем течении Напо, на него не охотятся. Что касается современного названия кролика в восточных диалектах кичуа, то не исключено, что оно восходит к разговорному латинскому «куникулус» с тем же значением, занесенное на Восток через испанское просторечье несколько веков назад.

Куру (туку). Личинки крупного черного пальмового долгоносика *Rhynchophorus palmarum*.

Кускунгу. Один из подвидов виргинского филина *Bubo virginianus*. Самая крупная из сов, встречающаяся в Эквадоре. Обитает высоко в горах, не спускаясь в леса на Востоке.

Кутимбу (якун, атун якун). Гигантский броненосец *Priodontes maximus*.

Куту (кото). Рыжий ревуна *Alouatta siniculus*, одна из самых крупных обезьян Восточного Эквадора.

Л

Лечегуайю (лече руйя). Дерево *Coiba macrocarpa*, белый сок которого используется для покрытия стойкой пленкой некоторых керамических изделий, а также, в умеренных дозах, может употребляться в качестве напитка.

Лимон. Дерево *Citrus limonum*.

Лисан (паха токилья). Растение *Carludovica palmata*.

Льютури (конга). Самый крупный из известных муравьев — гигантская динопонера *Dinoponera grandis*, достигающий в длину трех сантиметров.

Льянчама. Дерево *Rollinia* sp., из луба которого прежде изготавливали одежду.

Люму (юка). Маниок, или кассава *Manihot esculenta*.

Люмукучи (сахино). Ошейниковый пекари *Tayassu tajacu*. Объект охоты.

Люмуча (гуанта, буруга). Пака Agouti раса. Объект охоты.

Люнтсири. Средних размеров дятел Dryocopus lineatus, окрашенный в черный и белый цвета; голову венчает большой огненно-красный хохолок.

Лягарту (кайман бланко). Крокодиловый кайман Caiman stocodilus.

Ляранга (наранхилья). Растение Solanum quitoense, плоды которого употребляются в пищу.

М

Макисапа. Паукообразная обезьяна, или коата Ateles belzebuth.

Манчу. Собирательное название для различных видов палочников, отряд Phasmoptera.

Маули (гарапатеро). Личинкоед ани Cototphaga ani. Средних размеров птица, длина тела которой достигает тридцати сантиметров, причем почти половина приходится на большой закругленный хвост. Оперение маули черно-синее с фиолетовым оттенком, хвост голубовато-черный. Клюв большой, крючковатый на конце, черно-серый. Примечателен способ гнездования этой кукушки. Около десятка птиц, а иногда и более строят себе одно общее гнездо. Оно устраивается на деревьях, на высоте человеческого роста. Располагается гнездо у ствола и поддерживается снизу несколькими боковыми ветвями. Это очень большая, чашеобразной формы грубая постройка. В нее самки откладывают яйца, которых может быть от десяти до полусотни. Насиживают эту огромную кладку одновременно несколько птиц. Современное индейское на первый взгляд название птицы в действительности происходит от испанского глагола «маульяр» — мяукать.

Мачин. Обезьяна-капуцин Cebus albifrons. Один из самых обычных видов, на который часто охотятся лесные индейцы. Мясо мачина более нежное, чем у многих других обезьян.

Мачин анга (мачин уамани). Средних размеров хищная птица Leucorternis albicollis, окрашенная в светло-серый, белый и черный цвета.

Мианка (чунда пишку, пишира). Черная каракара Daptrius ater. Питается животной пищей, часто подбирая падаль. Когда созревает чунда, охотно лакомится плодами этой пальмы.

Мисапу (айяшилью). Жуки-светляки семейства Lampyridae. Органы свечения жуков этого семейства чаще всего расположены на конце брюшка. Здесь под прозрачной кутикулой лежат крупные фотогенные клетки, которые обильно оплетены трахеями и нервами. Под этими клетками

находятся отражатели света — клетки, заполненные кристаллами мочевой кислоты. По трахеям к фотогенным клеткам поступает воздух, необходимый для происходящих здесь окислительных процессов, а сплетение нервов регулирует эти процессы.

Моготе. Башенный и купольный карст, характерный для гор на западе и юго-востоке Кубы.

Монтанья. Область восточных предгорий Анд, примыкающая к равнинам Амазонии. Район монтаньи получает более трех тысяч миллиметров осадков в год и покрыт густыми влажно-экваториальными лесами. Местами они сведены и уступили место пастбищам.

Монте. То же, что и сельва. Однако в разговорной речи эквадорцев чаще можно услышать именно «монте».

Мундити. Ночная пава *Nothosorex urumutum*. В декабре-январе, когда наступает брачный период, самцы токуют с полуночи до рассвета, сидя на высоких деревьях. В это время индейцы специально охотятся на них.

Мурити (морете). Пальма *Mauritia flexuosa*. Плоды в отваренном виде пригодны в пищу.

Мутую палю. Бушмейстер *Lachesis mutus*. Крупная, длиной до трех с половиной метров ядовитая змея. Редка.

Н

Нинасича. Маленькая, размером с воробья, очень ярко окрашенная в голубой, красный и желтый цвета птичка *Tangara chilensis*.

О

Осо. Очковый медведь *Tremarctus ornatus*. Обитает в горных лесах, поднимаясь вверх до парамо, а вниз проникая до монтаньи. В низкой сельве не встречается.

П

Пава-де-монте. Собирательное название для птиц родов *Craha*, *Penelope*, *Ortalis* и *Nothosorex*.

Пайчи. Гигантская апаима *Arapaima gigas*.

Пакари китупи (бенгевео). Один из видов питанг, *Pitangus sulphuratus*.

Палю. Собирательное название для змей, подотряд *Serpentes*, у канело-кичуа. Напо-кичуа употребляют слово «мачакуи».

Пампа. Относительно ровная, слабо пересеченная местность в восточных предгорьях, покрытая густым лесом; противоположность урку — высоким холмам.

- Папайя.** Дерево *Carica papaya*.
- Папарауа.** Хлебное дерево *Artocarpus altilis*.
- Папа хивара.** *Colocasia sp.*
- Папачина.** Культурное растение *Colocasia sculenta*. В пищу употребляются предварительно отваренные клубни.
- Пильчи руйя.** Дерево *Nectandra sp.*
- Пинду.** Высокое околородное растение *Gynerium sagittatum*, похожее на тростник.
- Питун.** Дерево *Grias neuberthi*. Плоды годны в пищу как в сыром, так и в приготовленном виде.
- Питьюру (питуру).** Околородная птица *Anurolimnas castaneiceps*, окрашенная преимущественно в каштановый цвет. По утрам и в течение дня с заболоченных участков часто раздаются громкие флейтовые крики. Сначала начинает кричать одна птица, а потом к ней присоединяется другая, будто отвечая первой.
- Пишку амарун.** Обыкновенный удав *Boa constrictor*. Так же как и анаконду, этот вид в просторечии часто называют словом «боа».
- Плайя шира.** Певчая каракара *Milvago chimachima*.
- Платано (палянда).** Банан *Musa palbisiano*.
- Пука пума.** Обыкновенная пума, или кугуар *Puma concolor*.
- Пумбучи.** Дерево *Vochysia ferruginea*, кроны которого в октябре-ноябре покрываются огромным количеством ярко-желтых цветов.
- Пунчана (сику, гуатуса, аньюхе).** Агути *Dasyprocta fuliginosa*. Объект охоты. Часто вредит на чакрах, поедая клубни юки.
- Пуракин (ангилья).** Электрический уторь *Electrophorus electricus*.
- Пуруту.** Фасоль *Phaseolus sp.*
- Путу руйя (путу йюра, самуна).** Сейба *Ceiba pentandra*.

Р

- Райя.** Пресноводный скат-хвостокот *Potamotrigon sp.*
- Рамус.** Пальма *Sequoia amazonicum*.
- Руна лягарту (кайман негро).** Черный кайман *Melanosuchus niger*.

С

- Санди йюра.** Дерево *Brosimum utile*. Сок растения используется в медицине.
- Сара (маис).** Кукуруза *Zea mays*. В некоторых местностях одно из важнейших растений, выращиваемых на чакрах.
- Сача альку.** Кустарниковая собака *Spreothos venaticus*.

Сача уагра (сача вака). Равнинный тапир *Tapirus terrestris*. Объект охоты.

Сикунга амарун. По всей видимости, имеется в виду одна из красивейших змей Южной Америки – *Spilotes pullatus*, или куроед. Этот полоз достигает длины более двух метров и окрашен очень ярко: по черносинему основному фону проходят ярко-желтые косые полосы.

Синда мачакуи (синда палю). Маленькие остроголовые змеи рода *Oxybelis*.

Сипуру. Обыкновенная чертова обезьяна, или саки-монах *Pithecia monachus*.

Сипуру пума. Ягуарунди *Neotailurus yaguarondi*.

Сиука. Гриф *Cathartes melambrotus*.

Сусу мама. Один из самых крупных видов златок *Euchroma gigantea*. Длина тела жука достигает семи сантиметров.

Т

Танчима. Онцилла *Leopardus tigrinus*.

Тара путу руйя (памбиль). Пальма *Iriartea deltoides*.

Тарикайя (чарапа). Водяная черепаха *Podocnemis unifilis*.

Таруга. Довольно крупный белохвостый олень *Odocoileus virginianus*. Один из основных объектов охоты.

Тауана (табано). Собирательное название для слепней, семейство *Tabanidae*.

Тиндишку. Черная, размером со скворца птица *Knipolegus* sp. Собирается в стаи из нескольких десятков особей и часто вредит на чакрах, поедая рис.

Тити. Небольшая, размером со скворца, птичка *Capito auratus*. Окрашена в желтый и коричневый цвета. Примечательна своим громким голосом, очень похожим на воркование некоторых видов диких голубей: «ху-хуу, ху-хуу, ху-хуу». Часто держится вместе с другими мелкими птицами, кочуя по лесу в поисках пищи.

Труча. Форель *Onchocynchus* sp.

Тсауата (яуати, мотело). Лесная черепаха *Testudo denticulata*.

Тсиник (рапоса, сорро). Опоссум *Caluromys lanatus*.

Туайю (тьюкайю). Маленький козодой *Nyctidromus albicollis*.

Туи пума (туи). Тайра *Eira barbara*. Хищный зверек, несколько похожий на кунцу. Тело длинное, на высоких ногах, мордочка удлинённая. Уши небольшие, округлые, хвост длинный. Тело покрыто грубой короткой шерстью черного или темно-коричневого цвета. Голова и грудь –

более светлые. Туи держится парами и выводками. Охотится она в любое время суток, отлично бегают, лазает и плавает. Ловит агутти, кроликов, белок и птиц. Кроме того, охотно поедает фрукты.

Туйю пума. Гризон *Galictis vittata*. Средней величины зверек. Окраска оригинальна: снизу от головы и до конца тела, включая ноги, окраска черноватая, а сверху от темени до хвоста светлая, дымчато-серая. Держится группами в тех же местах, что и тайра.

Туру юту. Солнечная цапля *Eurypyga helias*. Индейское название можно перевести как «болотная птица», что точно соответствует местам обитания туру юту.

Тута кушильо (тута моно). Кинкажу *Potos flavus*. Ночной зверек, внешне напоминающий обезьяну. Его длина достигает одного метра, причем на хвост приходится половина. Масса тела колеблется от полутора до почти трех килограммов. Голова у кинкажу округлая, уши круглые, а хвост длинный и цепкий. Окраска шерсти однотонная, желтовато-рыже-бурая. Несмотря на индейское название — «ночная обезьяна», к обезьянам никакого отношения не имеет, а принадлежит семейству *Procyonidae*.

Тута пури. Собирательное название для ночных бабочек, прежде всего для бражников, семейство *Sphingidae*. В переводе с кичуа буквально означает «бродящий ночью», «тот, кто ходит ночью».

Тьянгуи (тукуйо). Огненосные шелкокуны *Pyrrophogus noctilucus*.

У

Уайра каспи. Дерево *Cedrelinga castaneifolia*, листья которого — уайра панга знахари используют в своих обрядах.

Уакамайя (пука уакамайя, уакамайю). Красный ара *Ara macao*. Один из самых обычных видов попугаев-ара в низкой сельве.

Уама. Бамбук *Guadua angustifolia*.

Уамбула. Дерево *Carpotroche* sp., плоды которого охотно поедаются многими лесными птицами, в том числе различными видами пав.

Уангана (уагра уангана). Белогубый пекари *Tayassu pecari*. Держится стадами в несколько десятков голов. Разозленные животные могут быть опасны для человека. Объект охоты.

Уанду. Различные виды бругмансии *Brughmansia* sp. Сок растения обладает сильнейшим галлюцинаторным эффектом и используется знахарями.

Уаруму (дунду). Вечнозеленые деревья *Sesgoria* sp. Распространены преимущественно в затопляемых лесах и по берегам рек. Стволы с пустотами в междоузлиях. В полых ветвях некоторых видов поселяются му-

равьи, защищающие деревья от муравьев-листорезов, а также некоторые виды крошечных пчел.

Уатараку. Маленькая пава-чачалака *Ortalis guttata*. Объект охоты.

Уачантси (сача инчи). Дерево *Caryodendron orinocense*.

Уилим куру. Съедобные личинки долгоносика *Rhina barbirostris* – черного жука, достигающего длины в четыре сантиметра.

Уин. Огромная жаба *Bufo marinus*.

Уиру. Сахарный тростник *Saccharum officinarum*.

Уитре. Андский кондор *Vultur gryphus*.

Уигу (лянипа). Дерево *Genipa americana*.

Уичу (перрико). Маленький попугайчик *Trogoneris cyanoptera*. Прирученных птиц, взятых птенцами из гнезда, индейцы часто держат у себя в домах.

Укуй (укуй мама, микунa аньянгу). Муравьи-листорезы родов *Atta* и *Acromyrmex*. С августа по начало ноября муравейники покидают крупные крылатые особи, на которых в это время охотятся не только птицы и летучие мыши, но и индейцы, которые употребляют насекомых в пищу.

Укуча. Собирательное название для различных видов мышей и других «крысоподобных» грызунов семейства *Muridae*.

Ульяуанга (гальинасо). Гриф-урубубу *Coragyps atratus*.

Умбунди. Маленькие рыбки *Characidae aequidens*.

Унгурауа (шиуа руйя). Пальма *Oenocarpus bataua*, плоды которой съедобны.

Упутинди. Собирательное название для различных видов скорпионов, отряд *Scorpiones*.

Урмига. Муравьед-таманду *Tamandua tetradactyla*. Объект охоты для индейцев-кичуа с Бобонасы и Пастасы. Напо-кичуа не употребляют в пищу это животное.

Урпи. Маленькая горлица *Leptotila rufaxilla*.

Урпи анга. Мелкий ястреб *Accipiter bicolor*.

Учу (ахи). Острый перец *Capsicum annum*.

Учу пугу руйя. Сейба *Seiba* sp.

Ушпигу. Некрупный олень большой мазама *Mazama americana* или, возможно, серый мазама *Mazama gouazoubira*. Название на кичуа характеризует животное по цвету шерсти, которая имеет серый, золотистый оттенок.

Ф

Фиги. Плоды деревьев рода *Ficus*.

Филоку (илюку). Серый исполинский козодой, или серый потто *Nyctibius griseus*. Самая распространенная птица семейства *Nyctibiidae*.

Длина тела составляет около тридцати пяти сантиметров. Общий окрас серый, с черными пятнами и полосками. Хвост длинный, а ноги очень короткие. Как и все исполинские козодои, филиоку ведет одиночный образ жизни. Особенно активен в лунные ночи, что стало причиной появления многочисленных сказок, бытующих среди лесных индейских народов.

Не исключено, что современное звукоподражательное «филиоку» или «илюку» восходит к латинскому и испанскому «алюко», как называли один из видов европейских сов. Вполне возможно, что восточными диалектами кичуа оно было перенято через посредство испанского языка. Обе птицы ночные, и колонисты могли окрестить неизвестную им прежде птицу именем старой знакомой. Тем более что все виды козодоев по-испански нередко именуются «ночными ястребами».

Х

Хамады. Форма рельефа, характерная для пустынь Северо-Восточной Африки, плато.

Хамсин. Сухой и жаркий ветер южных направлений на северо-востоке Африки, особенно частый весной. Переносит много песка и пыли, снижающих видимость.

Хури-хури. Ночные обезьяны-дурукули *Aotus trivirgatus*. Внешне похожи на кошку. Тело покрыто густой мягкой шерстью коричневого и сероватого цвета, с более светлой окраской на животе. На голове три темные полосы, которые над глазами разделены белыми полулунными. Глаза крупные, золотисто-коричневые. Уши очень маленькие и спрятаны в густой шерсти. Хвост пушистый. Дурукули живут небольшими семейными группами, включающими родителей и детенышей разных возрастов. Главенствует самец. У хури-хури очень громкий голос. Звуки, которые они могут издавать, напоминают крики пумы, собачий лай или мяуканье кошки.

Ч

Чамбира. Пальма *Astrocaryum chambira*.

Чамбира пишку (тихира анга). Вилохвостый коршун *Elanoides forficatus*. Небольшая, но длиннокрылая и длиннохвостая с глубокой вырезкой хвоста птица. Взрослые коршуны сверху окрашены в черный цвет, снизу белые. Кормятся почти исключительно насекомыми, которых ловят в воздухе. Также в сезон созревания плодов чунды питаются ими, срывая лапами на лету.

Чамбира чичику (леонсильо, пунтсу чичику). Карликовая игрунка *Sebuella rugosa*. Эта обезьянка настолько мала: длина туловища около пятнадцати сантиметров, хвоста — двадцать, что долгое время ее считали детенышами других видов игрунок. Зверек одет в густой коричневатый мех, с желтоватыми и зеленоватыми отметинами на волосах. Снизу он беловатый, а хвост в неясно выраженных поперечных полосах. Чамбира чичику питается насекомыми, охотно поедает фрукты, мелких птиц и их яйца. Одно из индейских названий, «пунтсу чичику», означает «дохматая».

Чанца (уатин, папальи, титин). Зверек *Muopocca* sp. Объект охоты.

Чийюн. Небольшого размера птица *Suapocora violaceus*, принадлежащая семейству *Corvidae*. Обычно держится стайками по десять-двадцать особей. Свое название получила за голос.

Чикун. Длиннохвостая кукушка *Piaua saupana*, окрашенная в красноватые тона.

Чилих. Собирательное название для кузнечиков подотряда *Ensifera*.

Чили руйя (фибра, кунамбу, шапана, нуката, тагуа). Пальма *Phytelephas tenuicaulis*. В некоторых местностях этими именами называют не один, а несколько очень схожих между собой видов.

Чимбияку (тутапишку). Собирательное название для ряда видов мелких летучих мышей семейства *Phyllostomidae*.

Чини. Крапива *Urea baccifera*.

Чиру (чау мангу). Кассик *Casicus cela*. Одна из самых обычных и многочисленных птиц, держащаяся вблизи рек. Селится небольшими колониями. Свои гнезда-чужки подвешивает к ветвям высоких деревьев или над водой.

Чиуилья. Ананас *Ananasa sativa*.

Чичара мачакуи. Крупная фонарница *Laternaria laternaria*.

Чонтилья. Пальма *Bactris* sp.

Чунда (чонта). Пальма *Bactris gasipaes*, плоды которой употребляются в пищу.

Чурунгу (чоронго). Шерстистая, или мохнатая, обезьяна Гумбольдта *Lagothrix lagothricha*. Крупное для обезьян животное, достигающее веса десяти килограммов. Шерсть густая, бурого цвета. Чурунгу живет небольшими семейными группами. Питается фруктами, листьями и другой растительной пищей. Объект охоты лесных индейцев.

Чути. Маленькие рыбки *Crenicichla cf. johana*.

Ш

Шингилю руйя. Дерево *Protium timbratium*. Источник смолы для водостойкого покрытия гончарных изделий. Смола также используется канело-кичуа для приготовления свечей — шингилю била, изготовление которых в настоящее время заметно сократилось из-за появления в продаже обычных парафиновых свечей.

Щ

Щанцу. Гоацин *Opristhocomus hoatzin*.

Щильтипу (чичику, моно лечуро). Маленькая обезьянка-сагуин *Saguinus nigricollis*. Обыкновенно держится в кронах высоких деревьев, питается плодами. Живет маленькими семейными группами.

Ю

Юту. Собирательное название для средних размеров птиц отряда *Tinamiformes*. Так же называют и большого тинаму *Tinamus major*. Вечерами, перед наступлением темноты, в лесу часто можно слышать свистящие крики юту. Однако перед ненастьем птицы молчат и таким образом дают знать индейцам о приближении дождя.

Я

Яку пишку. Маленькие кулички из подсемейства *Tinginae*.

Яку уагра (манати). Ламантин *Trichechus inunguis*.

Ями (тромпетеро, яками). Обыкновенный трубач *Psophia crepitans*. В индейских поселениях иногда можно видеть совсем ручных ями, мирно бродящих среди кур.

Ярина. Пальма *Phytelephas* sp.

Яуар тсунга. Летучая мышь-десмод *Desmodus rotundus*.

Оглавление

Глава первая
Руку Сача 3

Глава вторая
Дорога на Восток 17

Глава третья
С индейцами у реки 28

Глава четвертая
Охота на гуанту 56

Глава пятая
Лесное «мясо» 70

Глава шестая
Ятапи 97

Глава седьмая
Тени племен 111

Глава восьмая
Чертоги Амасанги 123

Глава девятая
О чакре и паху 145

Глава десятая
Альпакоча 159

Глава одиннадцатая
По кебрадам с барбаску 168

Глава двенадцатая
Мореталь 175

Глава тринадцатая
Иная сельва 184

Комментарии автора 194

УДК 39(866)
ББК 63.5
Ш70

Шляхтинский Андрей

Ш70 Чертоги Амасанги: Этнографические очерки. — М.: ООО «Издательство Лабиринт Пресс», 2006. — 208 с.

Книга повествует о приключениях автора в экваториальных лесах Амазонии, его встречах с местными жителями, о знакомстве с их культурой и обычаями. На ее страницах читателя ожидают рассказы о духах леса, живущих бок о бок с людьми.

Эта первая из задуманного автором цикла книг о культуре народов, населяющих экваториальные леса Эквадора. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 5-9287-1281-2

ББК 63.5

© Андрей Шляхтинский. Текст, 2006

© ООО «Издательство Лабиринт Пресс», 2006

Шляхтинский Андрей

ЧЕРТОГИ АМАСАНГИ

Этнографические очерки

Лиц. изд. ИД № 00583 от 15.12.1999.

Подписано в печать 20.01.06. Формат 84x108¹/₃₂.

Бум. офсетная. Гарнитура Лазурский.

Печать офсетная. Тираж 1 000 экз.

Заказ № 53.

ООО «Издательство Лабиринт Пресс».

115419, Москва, 2-й Рошинский пр., д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 231-46-79, 723-72-95.

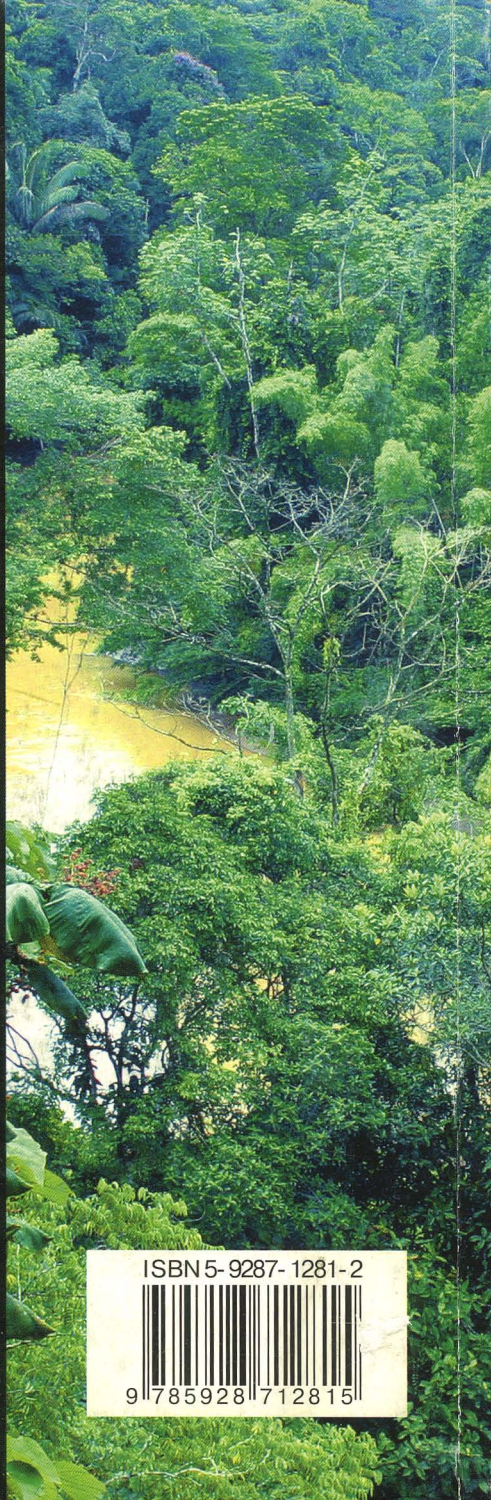
Отпечатано в типографии «Гельветика-М».

123459, г. Москва, ул. Новопоселковая, д. 6.

«Автор этой книги – Андрей Шляхтинский, выпускник международного отделения факультета журналистики Московского Государственного Университета. Специализируясь на изучении культур коренных народов Латинской Америки, он, начиная с 2002 года, совершил несколько экспедиций в Эквадор, в ходе которых поболгу жил среди местных индейских племен. В книге с документальной точностью описаны современные обычаи и культура, а также история этих народов. Именно точность и документальность придают повествованию особый колорит. Книга, несомненно, будет интересна не только любителям приключений, но и широкому кругу читателей, в том числе ученым-этнологам».

ISBN 5-9287-1281-2

9 785928 712815